

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский Федеральный Университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Михайлова Мария Андреевна

Мемуарная проза писателей в журнале «Новый мир» 1958–1970 гг.

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Т.А. Снигирева

Екатеринбург – 2016

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Мемуарная литература в «Новом мире»	
§ 1. Мемуары: проблемы жанрового статуса.....	23
§ 2. «Новый мир» и жанрово-тематический диапазон мемуарной литературы.....	46
Глава 2. Мемуарная проза в «Новом мире»: авторская личность – время – герои	
§ 1. «Большая книга воспоминаний»: И. Эренбург «Люди, годы, жизнь».....	86
§ 2. «Попытка автобиографии»: Б. Пастернак «Люди и положения»	99
§ 3. «Мовистская проза» и жанр мемуаров: В. Катаев «Трава забвенья».....	120
Глава 3. Мемуары писателей: рукопись – журнал – книга	
§ 1. Новомирский стиль работы с мемуаристами.....	131
§ 2. От журнальной публикации к книге.....	148
Заключение.....	174
Приложение.....	179
Список литературы.....	192

Введение

Мемуары, опубликованные в журнале «Новый мир» в 1958–1970 годы, стали отдельной страницей в истории развития мемуарного жанра в русской литературе, что обусловлено комплексом факторов: личностью главного редактора журнала, составом редколлегии, корпусом авторов, особенностью литературной ситуации, связанной с наступлением новой социокультурной эпохи – эпохи «оттепели», «разрешившей» вспомнить то, что ранее вспоминать не дозволялось.

Принято считать, что обозначение нового этапа в жизни советского общества принадлежит Илье Эренбургу, в 1954 году выпустившего повесть «Оттепель», название которой стало образным знаком наступивших после смерти Сталина изменений, характеризовавшихся резким сдвигом социально-политического и экономического курса в направлении его либерализации. Ослабление цензуры, произошедшее в годы «оттепели», привело к резкому оживлению литературной жизни. Стала возможной публикация произведений ранее запрещенных писателей, начали печататься авторы, вернувшиеся из тюрем и лагерей, появился ряд новых журналов и альманахов, в литературу пришло новое поколение писателей. В дневниковой записи Л.К. Чуковской (от 1. IV. 56.) дано ощущение того, что может принести и чем может обернуться новая эпоха для жизни страны: «Интересное наступает время: попытки воскресения лежащей в обмороке страны. Время, чреватое счастьем и бедами»¹.

В области осмысления литературы эпохи «оттепели» можно особо выделить работы Л. Аннинского, Ю. Буртина, П. Вайля и А. Гениса, Н. Ивановой, А. Кондратовича, В. Лакшина, С. Чуприна, М. Щеглова. Среди исследователей существуют разные точки зрения о временных границах «оттепели», которые определяются или политическими, или культурными событиями, или их совокупностью. Так, наиболее продолжительный период

¹ Чуковская Л.К. «Дневник – большое подспорье...»: (1938–1994). – М., 2015. – С. 120.

датируется 1953–1970 годами, где начало «оттепели» отождествляется со смертью Сталина, а конец – с разгромом «Нового мира». Беря во внимание чисто литературный аспект, для многих новая эпоха началась с публикаций в «Новом мире» очерка В. Овечкина «Районные будни» (1952), первых глав поэмы А. Твардовского «За далью даль» (1953), стихотворения Заболоцкого «Оттепель» (1953), статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе» (1953), повести Эренбурга «Оттепель» в журнале «Знамя» (1954), – и закончилась смещением А.Т. Твардовского на посту главного редактора «Нового мира» в 1970 году.

В связи с этим, можно говорить о том, что «Новый мир» пролонгировал «оттепель». Во второй половине шестидесятых, при безусловном ужесточении цензуры, «Новый мир» сумел отстоять свои принципы: на его страницах были опубликованы фрагменты книги И. Шмелева «Лето Господне» (1964), произведения В. Катаева «Святой колодец» (1966), «Трава забвенья» (1967), «Кубик» (1969), автобиографический очерк Б. Пастернака «Люди и положения» (1967), воспоминания А. Цветаевой (1966), М. Исаковского (1969), повесть «Мертвым не больно» В. Быкова (1966), цикл рассказов («Вера и Зойка», «Был летний полдень» (1968), «Самый маленький город», «Голубиная гибель» (1968)) и повесть «Обмен» (1969) Ю. Трифонова, повесть «Белый пароход» Чингиза Айтматова (1970), опубликованная в последнем номере, подписанном А. Твардовским в статусе главного редактора журнала, и т.д.

«Оттепельные» настроения периодически сменялись «заморозками», что оказывало заметное влияние на литературу. Противоречивость эпохи, о которой рассуждает В. Лакшин в книге «“Новый мир” во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953–1964)»², породила новое поколение творческой интеллигенции, за которым закрепилось название «шестидесятники». Л. Аннинский называет представителей этого поколения также «поколением Двадцатого съезда». Согласно его гипотезе, судьбу любого поколения определяют три точки:

² См. об этом: Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953-1964). – М., 1991. – С. 8-9.

момент рождения, момент формирования (или подтверждения – «конфирмации») и момент наиболее полного самовыражения. На примере шестидесятников первая точка падает на тридцатые годы, «времена лютого сталинизма», вторая – эпоху XX съезда, третья – время окончательной десталинизации и начала гласности в стране.

Шестидесятники, по мысли Л. Аннинского, – это «младшие дети Системы», «последние идеалисты. Навоевавшие романтики. Спасенные мечтатели. Поколение, “конфорнованное” Двадцатым съездом: люди Оттепели, “подснежники”... смятые в 1964 году. Они дали “исповедальную литературу” тут и “третью волну” там. <...> Их опыт – умение сохранить лицо в условиях деспотизма. Они – пожинают плоды двадцать лет спустя, уже в эпоху гласности, каковую общественное мнение и относит великодушно на их счет»³.

По мнению П. Вайля и А. Гениса, полемический характер шестидесятых заключался в борьбе «либералов» и «охранителей». Все новое и интересное происходило в лагере либералов и их главном бастионе – журнале «Новый мир», главой которого был А. Твардовский. Девизом журнала стал бескомпромиссный реализм, который понимался предельно просто – «правда о жизни»: «Если раньше писатель изображал жизнь в преломлении магического кристалла (коммунистические убеждения), то теперь – так как есть»⁴. Согласно программе А. Твардовского, каждое разоблачение обмана должно работать на улучшение общества. По этому пути шли писатели, ею вдохновленные: В. Быков, В. Белов, Ч. Айтматов, Г. Троепольский, В. Шукшин, Б. Можаяев, В. Тендряков, К. Воробьев, Ю. Трифонов, Ю. Домбровский, С. Залыгин, В. Войнович, В. Семин, Г. Владимов и многие другие. Таким образом, литература получила четкую задачу – воссоздавать «правду жизни».

Журналы «оттепели» стали структурообразующим компонентом всей литературной жизни, они оказывали непосредственное влияние на читателей и

³ Аннинский Л. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники: К диалектике поколений в русской культуре // Литературное обозрение. – 1991. – №4. – С. 13.

⁴ Вайль П., Генис А. Собрание сочинений: В 2 т. Том 1. – Екатеринбург, 2004. – С. 641.

умонастроения советского социума. По точному замечанию В. Леоновича, «общественная совесть приняла форму журнала»⁵. И. Волгин в 2008 году писал: «Как ни пафосно это звучит, судьба страны в 1960-е годы могла решиться в редакциях журнала – в зависимости от того, какую из предлагаемых моделей предпочтет власть. Это было время выбора. <...> А.И. Солженицын не зря принес своего “Ивана Денисовича” в “Новый мир”. А куда было ему пойти?»⁶

«Новый мир» занимает, пожалуй, одно из главных мест в литературном процессе эпохи. Как указывает Л.П. Быков, «время “оттепели” было временем “Нового мира”. С его публикации она началась, и с ликвидацией партии Твардовского под “оттепелью” окончательно была подведена черта»⁷.

Причина, во многом определившая успех издания, – следование традициям классической литературы XIX века и принципам работы таких журналов, как «Современник» и «Отечественные записки». А.Т. Твардовский стремился, чтобы его дело соответствовало делу Пушкина, Некрасова, Салтыкова-Щедрина. Как точно заметил В. Каверин, «журнал “Новый мир” под руководством А. Твардовского определился в шестидесятых годах как направление – не в том смысле, который мы иногда придаем этому термину, а совсем в другом – как институт общественно-литературный, как совокупность нравственных норм. В этом смысле он стал как бы орудием отбора лучших произведений. Понятие порядочности, названное или неназванное, было неотъемлемо связано с этими нормами – завоевание, которое трудно переоценить»⁸.

Стратегия «Нового мира», с одной стороны, описана его создателями (главным образом самим Твардовским и в статьях, помещенных в журнале, и в «Рабочих тетрадах», а также А. Кондратовичем, В. Лакшиным,

⁵ Из писем «по случаю юбилея» в 1970 году // Нева. – 2010. – №10. – С. 118.

⁶ Волгин И. Защитник достоинства [Электронный ресурс] // XII Лакшинские чтения. – М., 27 февраля 2008 г. Режим доступа: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=4853>

⁷ Быков Л.П. «Толстый журнал» в России – вчера, сегодня, завтра». Доклад на VIII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Литература в контексте современности. Жанровые трансформации в литературе и фольклоре». – Челябинск 10-11 декабря 2015 года.

⁸ Каверин В. Эпилог. – М., 1989. – С. 380.

И. Виноградовым, Ю. Буртиным, Л. Левицким). С другой стороны, позже, стала предметом собственно литературоведческой рефлексии. Основные характеристики (с учетом воспринятых им традиций и своеобразия собственного лица) «Нового мира» на сегодняшний день таковы.

По мнению П. Вайля и А. Гениса, «от Сенковского до Твардовского журнал в России – вид литературного салона, может быть, даже особая партия. Российский журнализм вовсе не намерен информировать читателя. Журналы нужны, чтобы обсуждать уже известное. Попросту – они создают приятное общество, в котором протекает общение читателей и писателей. За это журналы и любят»⁹. Т. Снигирева уточняет: «Думается, все же скорее “партия”, нежели “салон” и не “приятное общество”, а поле высокого напряжения. Одномоментно приходя к читающей России, “толстый” журнал ввергал ее в разговор всегда увлекательный и всегда драматичный, в котором сталкивались не только разные литературные вкусы, но прежде всего – разные жизненные позиции»¹⁰. Поэтому, «есть три ключевых слова, определяющих жизнь “толстого журнала” в России: *направление, борьба, компромисс (курсив автора – М. М.)*, и только одно и неперемное, связанное с его судьбой: *гибель (курсив автора – М. М.)*»¹¹.

А. Твардовский, вступая в должность главного редактора «Нового мира» «второго захода» (его определение) уже точно знал, каковыми принципами при организации работы «толстого» журнала должны руководствоваться редакция и редколлегия. В первом обращении к «своему» читателю он пишет: «Журнал как некий цельный организм со своим особым обликом и содержанием – это как бы фокус, в котором нам предстает во всей наглядности сила коллективного начала в литературном деле, в этой области духовной деятельности человека, носящей наиболее индивидуальный, субъективный характер по самой своей природе.

⁹ Вайль П., Генис А. Собрание сочинений: В 2 т. Том 1. С. 92.

¹⁰ Снигирева Т.А. А.Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. – Екатеринбург, 1997. – С. 144.

¹¹ Там же. С. 144.

Журнал – это сосредоточие широкого и разнообразнейшего в своем составе авторского коллектива, плод творческих усилий многих умов и талантов, знатоков и специалистов своего дела, самых заслуженных и самых молодых, которым суждено стать заслуженными.

И менее всего можно предположить, что каким бы то ни был редактор и какой бы то ни была редакция, будь ее работники хоть семи пядей во лбу, не под силу вести журнал одним, без наличия такого коллектива».¹²

В цитируемом фрагменте статьи явственно прослеживается мысль, что журнал создают единомышленники и для единомышленников, причем понятие коллектива Твардовский расширяет до масштаба талантливых сил всей страны: «Свои надежды редакция возлагает именно на широкие круги своего авторского актива, в который входят не только представители литературной Москвы, Ленинграда и республиканских столиц, но и большая наша литературная периферия. <...> Мы не можем не гордиться и широкими кругами и слоями взыскательных читателей нашего журнала, чью критику, замечания и пожелания мы принимаем с благодарностью и видим в ней опору и помощь в нашей работе»¹³.

«Общность идейной почвы» (термин В.Я. Лакшина) редактора, редколлегии и авторов журнала составляла основу направления журнала «Новый мир», в русле которого формулировались принципы отбора материалов для публикации. Отбор материалов осуществлялся редколлекцией исходя из двусоставной структуры журнала, который являлся и литературно-художественным, и общественно-политическим изданием. А. Твардовский, опираясь на авторитет В. Белинского, утверждает равнозначность двух частей журнала. Так, «Новый мир» всегда заботился о том, чтобы редакционный портфель был обеспечен не только «новыми романами, повестями, рассказами, очерками и статьями литературно-критического порядка... Редакция, зная, что многим из наших подписчиков и читателей не всегда доступны специальные

¹² Твардовский А. Несколько слов к читателям «Нового мира» // Новый мир. – 1961. – №12. – С. 255.

¹³ Там же. С. 255-256.

журналы, ставит своей непрременной задачей удовлетворение их читательских интересов к вопросам современной политики и науки, вопросам борьбы за мир, проблемам народнохозяйственной жизни, культуры, искусства, воспитательной работы и так далее»¹⁴.

Обращаясь к опыту классической журналистики, А. Твардовский пишет, что «далеко не всегда и в книжках “Современника” или “Отечественных записок” в первую очередь разрезались страницы беллетристического отдела, – статьи критиков и публицистов нередко оспаривали внимание даже у первоклассных романов и повестей. Есть особая действенная сила в совокупности журнального материала. В журнале происходит живое и столь выгодное сближение и взаимодействие художественной прозы, стиха, литературно-критической и публицистической статьи и т.д.»¹⁵. Настойчивое акцентирование единства литературных и политико-публицистических страниц, по мнению Т.А. Снигиревой, обусловлено «стремлением “толстого” журнала объединить под своим знаменем и новое поколение писателей, и новое поколение читателей, влиять не только на литературную, но и на общественную жизнь страны»¹⁶.

В связи с этим, одной из главных задач журнала новой социокультурной ситуации становится «взрачивание» круга «своих авторов» и воспитание «своего читателя». Работа с писателем стала основной частью деятельности «Нового мира», о чем свидетельствует огромный архив журнала, до сих пор не освоенный в должной мере. С автором велась интенсивная переписка, его приглашали на редакционное обсуждение, проводилось внутреннее рецензирование рукописи, на произведение, вышедшее отдельным изданием, писалась рецензия или критическая статья и т.д. Опубликоваться в «Новом мире» было почетно и ответственно, о чем пишет заместитель главного редактора А. Кондратович: «Напечататься в “Новом мире” значило бы

¹⁴ Твардовский А. Несколько слов к читателям «Нового мира». С. 252.

¹⁵ Твардовский А. По случаю юбилея // Новый мир. – 1965. – №1. – С. 4-5.

¹⁶ Снигирева Т.А. А.Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. С. 222.

получить знак качества, утвердить себя в глазах читателей как серьезного писателя. Об этом говорили многие писатели, а те, кто не попадал под обложку “Нового мира”, придумали в свое оправдание, что в “Новом мире” печатают только “своих”. Каких своих, если мы печатали много совершенно неизвестных авторов и ввели их в литературу? Начиная с того же Солженицына»¹⁷.

Однако сотрудничество журнала и писателя было сопряжено с определенным риском для обеих сторон: журнал нес полную ответственность за публикацию опальных авторов и «опасных» (или идеологически сомнительных) текстов, в то время как авторы журнала были под особым «присмотром» охранительных органов. Определяющей чертой отношения журнала с писателем было чувство ответственности, которое выражалось, с одной стороны, в требовании высокого качества текста, а с другой стороны, в защите «своих» авторов от политических нападков и критики.

Воспитание «своего читателя» происходило в рамках эстетической концепции журнала. Внушительные объемы корреспонденции, приходившей в редакцию, свидетельствовали о широком читательском резонансе и формировании определенной аудитории. Читатель, по мнению А. Твардовского, – действенная сила литературного процесса: «Сегодняшнего читателя – с его повышенной взыскательностью и к произведениям литературы, и к суждениям о них – не так легко сбить с толку: он знает, что почем, и в конечном счете его суд и приговор имеют первостепенную ценность. <...> И активность читателей создает тот мощный, подлинно демократический подпор общественного мнения, без которого не может быть настоящей литературной жизни»¹⁸.

Но не только «своего читателя» и круг «своих авторов» стремился «воспитать» «Новый мир». Журнал «вращивал» и «своего критика». Со времен В.Г. Белинского на литературную критику возлагались задачи воспитания художественного вкуса читателя, усовершенствования художественного вкуса

¹⁷ Кондратович А.И. Новомирский дневник 1967-1970. – М., 1991. – С. 139.

¹⁸ Твардовский А. По случаю юбилея. С. 16-17.

и мастерства писателя путем выявления достоинств и недостатков его произведений, и основная задача – анализировать и тем самым направлять литературный процесс. Литературная критика – «душа журнала» в России (В.Г. Белинский). Роль литературной критики в «толстом» журнале состоит в том, что она наиболее открыто очерчивает направление журнала.

Однако в советскую эпоху критика, по мнению В. Лакшина, перестала выполнять и социальную, и эстетическую функции: она стала склонна сверять книгу не столько с жизнью, сколько с партийными документами. А. Твардовский выделял причины такого положения советской критики, которое тесно связано с положением всего общества: «... надо учесть, что не всегда здесь повинны сами критики, среди которых и в старшем поколении немало людей талантливых, знающих и любящих литературу и, как говорится, владеющих пером. <...> Печать догматизма, регламентации мышления, характерная для периода культа личности, тормозила развитие критики, лишила ее того живого творческого порыва, без которого вообще невозможны проявления в этом роде литературы»¹⁹.

В связи с этим, «Новый мир» создает свой корпус литературной критики, ориентированный на выработанную журналом эстетическую концепцию. В разделе литературной критики основными авторами были И. Виноградов, В. Лакшин, А. Меньшутин, Ю. Буртин, И. Соловьева, А. Синявский. Исследователи характеризуют новомирскую критику как публицистическую (Н. Биуль-Зедгинидзе), просветительскую (С. Чупринин), эстетическую (П. Спивак). Новомирцы придерживались самоопределения «реальная критика», что указывает на ориентацию на стиль «реальной» критики Н.А. Добролюбова.

В программной статье «По случаю юбилея» А. Твардовский, определяя эстетические принципы и пристрастия журнала, говорит не только о предпочтении произведениям «правдиво, реалистически отражающим

¹⁹ Твардовский А. Несколько слов к читателям «Нового мира». С. 254.

действительность», но и об особой заслуге «Нового мира» в том, что он «широко открыл двери произведениям мемуарного жанра»²⁰. Ценность этой литературы Твардовский видел в подлинности и большой силе личности автора, в том, что дефицит правды «художественной» восполняется правдой личного свидетельства: «В особом внимании читателя к мемуарной форме, несомненно, нашло косвенное выражение и недовольство литературой профессиональной, стремление дополнить ее фактами, которых она или вовсе не касалась, или касалась не глубоко, не до конца правдиво»²¹.

Главный редактор «Нового мира» имел собственный опыт создания дневниковой прозы: «Родина и чужбина (Страницы записной книжки)» («Знамя», 1947, №№ 11–12), фронтовые записи «С Карельского перешейка» («Новый мир», 1969, №2), «“Я в свою ходил атаку...”». Дневники. Письма. 1941–1945» (Москва: Вагриус, 2005).

В необходимости появления мемуарно-документальной литературы в шестидесятые годы сошлось многое: и готовность авторов «вспомнить», и настрой читателей на достоверность, и стратегическая задача журнала по «вочеловечиванию» истории. «Настало время, – пишет один из авторов журнала, – когда можно вспомнить тех людей, которые, казалось, обречены на забвение, посмотреть на события минувших дней “свежими, нынешними очами”»²².

Два основных принципа оценки мемуаров (и отбора их для журнала), определенные вновь Твардовским в той же статье «По случаю юбилея» – «подлинность и большая нравственная сила автора» – смыкались с основными задачами литературы, какими их видел редактор и его журнал: разрушение советских мифологем разных видов и свойств (кроме основной: социализм как наиболее совершенная форма сообщества людей) и очеловечивание истории и жизни.

²⁰ Твардовский А. По случаю юбилея. С. 7.

²¹ Там же. С. 7.

²² Малюгин Л. Сочинение с ошибками (Заметки на полях мемуаров А. Штейна) // Новый мир. – 1964. – №12. – С. 206.

Терминологическое поле, связанное с такими понятиями, как мемуары, мемуарная литература, мемуарная проза, до сих пор весьма широко: автопсихологическая проза, автодокументальная проза, промежуточный жанр (Л. Гинзбург), художественно-документальная литература (Т. Симонова), пласт литературы non-fiction (Н. Иванова), фактографическая проза, пред-текст, эго-текст (М. Михеев), автобиографическая литература (Н. Николина) и т.д.

В литературоведении нет и общепринятого определения, что такое мемуары. В связи с этим в основном тексте диссертационной работы в прологовом параграфе специально затрагиваются вопросы, связанные с теорией и историей мемуарной литературы. Сейчас же ограничимся следующим бесспорным утверждением А.Г. Тартаковского, выделившего в мемуарах следующие три характерных и обязательных признака: 1) личностное начало (прошедшие события читатель видит призму восприятия автора, личность которого является организующим стержнем мемуарного повествования; неотъемлемым свойством мемуаров и единственно присущей формой постижения объективной картины прошлого является авторская субъективность); 2) ретроспективность (мемуары обращены к прошлому и создаются всегда после описываемых событий); 3) память как специфический первоисточник мемуаров²³.

Актуальность темы диссертации обусловлена тем, что изучение мемуаров, опубликованных в журнале «Новый мир» в эпоху «оттепели» дает уникальную возможность для углубленного осмысления особенностей литературной жизни советского периода. В настоящее время доступны итоговые мемуары писателей, чья литературная деятельность пришлась на годы сталинского режима, Великой Отечественной войны, «оттепели» и последующего «застоя», где авторов не сковывает «внутренний редактор» (определение А. Твардовского). Изучение мемуаров «Нового мира» шестидесятых годов с помощью методологии и источников современной

²³ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. – М., 1980. – С. 20-39.

гуманитарной науки позволяет оценить степень творческой свободы писателей и мемуаристов в 1960-е годы, а также понять причины лидерства литературы non-fiction в наше время.

Объектом исследования является мемуарная проза писателей, опубликованная в журнале «Новый мир» в 1958–1970 годах.

Предмет исследования – характерологические черты и особенности функционирования мемуарной прозы указанного периода в контексте журнальной стратегии «Нового мира» 1958–1970 годов, а также в контексте всего творчества авторов-мемуаристов.

Материалом исследования стали все произведения мемуарного жанра или тексты, имеющие ярко выраженные мемуарные черты, опубликованные в «Новом мире» в 1958–1970 годах, когда редакцию журнала возглавлял А.Т. Твардовский, а также документы из архива «Нового мира»: протоколы заседаний редколлегии, переписка с авторами, письма читателей в журнал, а также дневники и воспоминания А. Твардовского, сотрудников редакции: Ю. Буртина, А. Кондратовича, В. Лакшина Л. Левицкого и др. Необходимым материалом стали мемуары и дневники писателей, опубликованные в конце XX и начале XXI вв.

Цель работы – изучение мемуарной прозы писателей, опубликованной в журнале «Новый мир» в 1958–1970 годах, как уникального свода текстов, состав которого позволяет точнее охарактеризовать стратегию редакции журнала указанного периода.

Для поэтапного достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

- 1) изучение социально-политических, историко-культурных причин «взрыва» мемуарной литературы в эпоху «оттепели»;
- 2) представление картины мемуарной прозы, опубликованной в «Новом мире» в 1958–1970 годах в ее жанровом и тематическом многообразии;
- 3) классификация жанровых разновидностей мемуарных произведений, опубликованных в «Новом мире»;

4) исследование жанровых модификаций мемуарной прозы писателей на примере произведений Б. Пастернака «Люди и положения», И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», В. Катаева «Трава забвенья»;

5) характеристика новомирского стиля работы с мемуарными произведениями писателей, обусловленного стратегией и тактикой журнала;

6) выявление степени «субъективной правдивости» (термин А. Твардовского) в мемуарах писателей (сопоставительный текстологический анализ мемуарных произведений, опубликованных в эпоху «оттепели» и «перестройки»).

Методология исследования сочетает историко-литературный, типологический и текстологический методы. Анализ индивидуальной повествовательной манеры мемуаристов, жанровой специфики, построения системы персонажей, воплощения образа автора основан на фундаментальных трудах М. Бахтина, Л. Гинзбург, Р. Якобсона, а также исследованиях Н. Ивановой, В. Кабанова, Т. Колядич, М. Михеева, Н. Николиной, Е. Приказчиковой, Т. Симоновой, А. Тартаковского, С. Чуприна и др. Методология и методика анализа литературно-художественного журнала коррелирует со **степенью научной разработанности проблемы**, которой посвящены труды Н. Биуль-Зедгинидзе, Ю. Буртина, А. Кондратовича, В. Лакшина, Л. Левицкого, Е. Пономаревой, Т. Снигиревой, а также в комплексе работ Смоленской научной школы, посвященных системному изучению творческой деятельности А.Т. Твардовского, стали определяющими при выработке векторов исследования стратегии и тактики «Нового мира» и его главного редактора в отношении мемуарной литературы. При анализе мемуаров конкретных писателей учитываются монографические работы, посвященные их творчеству: Б. Брайниной, Д. Быкова, Б. Галанова, Н. Ивановой, И. Ильина, М. Литовской, Е. Пастернака, Е. Путиловой, А. Рубашкина, Л. Скорино, Л. Суворовой, Б. Фрезинского.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования определяются рядом параметров. Во-первых, комплекс мемуарной прозы «Нового мира» 1958–1970 годов впервые предстает в качестве объекта отдельного системного исследования. Во-вторых, в диссертации проведено дальнейшее теоретическое осмысление и изучение феномена «толстого» литературно-художественного журнала. В-третьих, в диссертации определена информативная ценность мемуаров указанного периода для полного и адекватного построения картины литературной жизни эпохи «оттепели».

Практическая значимость исследования заключается в том, что ее положения и выводы могут послужить основой для составления методических рекомендаций и учебных пособий по изучению истории русской литературы XX века; могут быть использованы в вузовских лекционных курсах, посвященных как мемуарному творчеству писателей (В. Каверина, В. Катаева, Л. Пантелеева, Б. Пастернака, К. Чуковского, И. Эренбурга) и журналу «Новый мир», так и мемуарному наследию русской литературы в целом.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Мемуарная проза писателей, опубликованная в журнале «Новый мир» в 1958–1970 годах, представляет собой уникальный свод текстов, обладающий характерной жанровой спецификой;
2. Мемуары писателей отразили стратегию журнала «Новый мир», стремящегося на своих страницах передать «правду жизни» в той полноте, в которой она объективно и субъективно возможна;
3. Мемуары явились ответом на потребность общества в правдивых свидетельствах времени, что подтверждает предпринятое в работе изучение социально-политических и историко-культурных причин «взрыва» мемуарной литературы в эпоху «оттепели»;
4. Основные черты мемуарной прозы шестидесятых годов XX века включают в себя: сочетание документальности и художественности в поэтике «промежуточного жанра» (термин Л. Гинзбург), стремление к правдивому

изображению событий и вместе с тем неизбежные субъективность и «игры с памятью», специфическое выстраивание художественного времени и многоплановость образа автора;

5. «Новый мир», будучи подцензурным журналом, сумел быть идеологически свободнее, чем другая советская периодика и государственные издательства шестидесятых годов. Это явилось следствием огромной работы редколлегии «Нового мира» как с текстами, так и с их авторами чтобы, имея в виду ограничения цензуры, все же максимально отстоять авторский вариант рукописи и – одновременно – неуклонно проводить этико-эстетическую программу журнала.

Степень достоверности результатов обеспечивается:

– опорой на обширный теоретический, методологический и методический базис классических и современных работ, посвященных мемуарному жанру;

– учетом фундаментальных трудов, обращенных к творчеству писателей, а также исследований, связанных с историей этого журнала, и деятельностью А.Т. Твардовского как главного редактора в 1958–1970 гг.;

– системным изучением архивных материалов редакции журнала, хранящихся в РГАЛИ (г. Москва);

– скрупулезным подходом к анализу мемуарных текстов, охватом максимального круга мемуарных произведений (см. Приложение – список мемуарной литературы, опубликованной в журнале «Новый мир» за 1958–1970 гг. – 173 позиции).

– логикой исследования, которая обусловлена современным концептуальным изучением «толстого» литературно-художественного журнала в качестве важнейшего элемента литературного процесса.

Апробация результатов работы: основные положения и результаты исследования были представлены в виде научных докладов, прочитанных на четырнадцати научных конференциях: XXXIII молодежной научной конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Миасс, 2009), XXXIV

студенческой научной конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Миасс, 2010), VII Международной научной конференции «Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей)» (Екатеринбург, 2012), Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, 2012), VII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Язык. Культура. Коммуникация» (Челябинск, 2012), Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, 2013), V Международной конференции «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве» (Казань, 2014), II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Издательское дело в России и за рубежом: история, современное состояние, проблемы и перспективы» (Киров, 2014), XI Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения–2014. Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций» (Екатеринбург, 2014), XI Всероссийской научной конференции «Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций» (Екатеринбург, 2014), XX Международной научной конференции «Пушкинские чтения–2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст» (Санкт-Петербург, 2015), VIII Всероссийской научной конференции с международным участием «Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре» (Челябинск, 2015), III Международной научно-практической конференции молодых учёных (студентов, аспирантов, магистрантов) «Издательское дело в России и за рубежом: история, современное состояние, проблемы и перспективы» (Киров, 2016), I Всероссийских литературных чтениях «Толстые литературные журналы: двести лет вместе?» (Екатеринбург, 2016).

Основные положения исследования отражены в пятнадцати публикациях, в том числе в трёх статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Михайлова М.А. Мемуары В. Каверина в контексте социально-политической и литературной ситуации второй половины XX века / М.А. Михайлова // Филология и культура. Philology and culture. – 2014. – №3 (37). – С. 119–123.

2. Михайлова М.А. «Невымышленные рассказы» писателей XX века: проблема синтеза художественного и документального в мемуарах «Нового мира» эпохи А. Твардовского / М.А. Михайлова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – №6. – С. 96–101.

3. Михайлова М.А., Снигирева Т.А. Военные мемуары на страницах «Нового мира» эпохи А. Твардовского / М.А. Михайлова, Т.А. Снигирева // Вестник Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (142). – С. 41–48.

4. Михайлова М.А. Несостоявшаяся оттепель / М.А. Михайлова // Будущее образования и науки – в руках молодых: Материалы молодеж. науч. конф. (г. Миасс, МФ ЧелГУ, 11 декабря 2009). – Миасс, 2010. – С. 97–100.

5. Михайлова М.А. Образ весны в цикле «Стихотворения Юрия Живаго» Б.Л. Пастернака (семантический аспект) / М.А. Михайлова // Студент и научно-технический прогресс: Материалы XXXIV студ. науч. конф. / отв. за вып. Л.В. Попова; Миасский филиал ГОУ ВПО «ЧелГУ». – Миасс: Геотур, 2010. – С. 146–149.

6. Михайлова М.А. Особенности хронотопа в «уральских главах» романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» / М.А. Михайлова // Актуальные проблемы филологии: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых (Екатеринбург, 19 апреля 2012 г.) / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. – С. 124–126.

7. Михайлова М.А. «Стихотворения Юрия Живаго» в художественной структуре романа Б.Л. Пастернака / М.А. Михайлова // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы VII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Челябинск, 2012. – С. 127–128.

8. Михайлова М.А. Портреты литераторов двадцатых годов в осмыслении мемуарной прозы шестидесятых годов XX века / М.А. Михайлова // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 7: Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей): в 2 т. Т. 1. / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: изд-во Урал ун-та, 2013. – С. 149–157.

9. Михайлова М.А. От «Охранной грамоты» к «Людам и положениям»: проблемы эволюции мемуарной прозы Б. Пастернака / М.А. Михайлова // Актуальные проблемы филологии: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых (Екатеринбург, 18 апреля 2013г.) / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – С. 111–114.

10. Михайлова М.А. Авторская личность в мемуарах «Нового мира» периода «оттепели» / М.А. Михайлова // Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». Серия «Драфт: молодая наука». Вып. 2. – № 5 / Гл. ред. Н.В. Барковская. – Екатеринбург, 2013. – С. 204–211.

11. Михайлова М.А. Литературные мемуары на страницах «Нового мира»: проблема исторической, культурной и личной памяти / М.А. Михайлова // Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». Серия «Драфт: молодая наука». Вып. 3 / Гл. ред. Н.В. Барковская. – Екатеринбург, 2014. – №. 5. – С. 201–205.

12. Михайлова М.А. От рукописи к журнальной публикации: работа редколлегии «Нового мира» эпохи А. Твардовского с авторами мемуаров (по архивным материалам) / М.А. Михайлова // Издательское дело в России и за

рубежом: история, современное состояние, проблемы и перспективы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием (г. Киров, ВятГГУ, 17 октября 2014 г.). – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. – С. 36-41.

13. Михайлова М.А. Мемуарная литература в «Новом мире» эпохи А.Т. Твардовского: стратегия отбора и тактика публикации / М.А. Михайлова // Пушкинские чтения–2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XX междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 116-121.

14. Михайлова М.А. Жанровые варианты мемуаров писателей в журнале «Новый мир» эпохи А.Т. Твардовского / М.А. Михайлова // Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: сб. материалов VIII Всероссийской научной конф. с международным участием (Челябинск, 10–11 декабря 2015 г.) / отв. ред. Т.Н. Маркова; Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск: Изд-во ООО «Энциклопедия», 2015. – С. 40–44.

15. Михайлова М. А. От журнальной публикации к книге (на примере издания военных дневников Л. Пантелеева в 1965–2008 годах) / М.А. Михайлова // Издательское дело в России и за рубежом: история, современное состояние, проблемы и перспективы: Материалы III Международной научно-практической конференции молодых учёных (студентов, аспирантов, магистрантов) (г. Киров, 10 февраля 2016 г.). – Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2016. – С. 41–45.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, приложения (список мемуарной литературы, опубликованной в журнале «Новый мир» за 1958–1970 гг.) (173 позиции) и списка литературы (248 наименований).

Во Введении мотивируется выбор темы, обосновывается ее актуальность, формулируются цели и задачи исследования. В первой главе «Мемуарная

литература в “Новом мире” (1958–1970 гг.)» дается краткий обзор научной литературы в динамике развития литературоведческой мысли на протяжении XX века и в современных трудах о мемуарной литературе. Исследуется стратегия журнала «Новый мир» в шестидесятые годы, дается обзор мемуарной прозы писателей этого периода, выделяются типологические признаки, которые определяли лицо журнала «Новый мир», анализируется соотносимость журнальной периодики с литературным процессом, обозначаются критерии отбора и оценки всех материалов для публикации в «Новом мире», а также принципы компоновки журнальной книжки. Во второй главе «Мемуарная проза в “Новом мире”: авторская личность – время – герои» анализируется жанровое разнообразие мемуарной прозы писателей на примере произведений Б. Пастернака «Люди и положения», И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», В. Катаева «Трава забвения». В третьей главе «Мемуары писателей: рукопись – журнал – книга» рассматриваются литературные мемуары в контексте политики журнала, журнальной книжки и всего творчества автора-мемуариста. Затрагиваются основные проблемные вопросы, связанные с историей публикации мемуаров, читательской и профессиональной рецепцией. Анализируются литературоведческие, критические работы и архивные документы по данному вопросу. В Заключении формулируются основные выводы по проделанной работе, предлагаются результаты проведенного анализа.

Глава 1. Мемуарная литература в «Новом мире»

§ 1. Мемуары: проблемы жанрового статуса

Мемуары – излюбленный жанр русской литературы. Элементы воспоминаний встречаются еще в древнерусских литературных произведениях. Особенное значение приобретают сочинения государственных деятелей: «Поучение Владимира Мономаха», «История о великом князе Московском» Андрея Курбского, послания Ивана Грозного и т.д. Одно из самых известных произведений, в котором соединились элементы биографии, автобиографии, жития и бытовой повести – «Житие протопопа Аввакума».

По мнению А.Г. Тартаковского, мемуары как самостоятельный жанр начинают складываться в XVIII веке²⁴. Их авторами в это время становятся: дипломат И. Желябужский, граф А. Игнатьев, посол России за рубежом и действительный тайный советник Б. Курагин и др. Во второй половине XVIII-начале XIX века наиболее интересными произведениями можно считать «Записки» (1771-1791) Екатерины II, «Записки» (1804) Е. Дашковой, «Жизнь и приключения Андрея Болотова» (1738–1794), «Взгляд на мою жизнь» (1866) И. Дмитриева. В XIX веке происходит формирование мемуаров как жанра, начинается публикация мемуаров предшествующего века. Появляются подборки воспоминаний в отдельных сборниках и журналах, среди которых ведущим является «Русский архив» (1863–1917). В 1868 году в печати выходят «Былое и думы» А.И. Герцена.

Интенсивное развитие мемуарного жанра происходит в первые десятилетия XX века, что связано с социальными и политическими событиями, а также с утверждением новых форм искусства. Многочисленные свидетельства «о времени и о себе» издаются в Советской России и в эмиграции: В. Короленко «История моего современника» (1905–1921),

²⁴ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. – М., 1995. – С. 8.

Андрей Белый «Воспоминания о Блоке» (1922–1923), «На рубеже двух столетий» (1930), «Начало века» (1933), «Между двух революций» (1934), З. Гиппиус «Живые лица» (1925), А. Куприн «Купол Св. Исаакия Далматского» (1927), А. Мариенгоф «Роман без вранья» (1927), «Мой век, мои друзья и подруги» (1953–1956), «Это вам, потомки!», В. Пяст «Встречи» (1929), «Годы странствий» (1930), О. Форш «Сумасшедший корабль» (1931), В. Каменский «Путь энтузиаста» (1931), «Юность Маяковского» (1931), и др. В конце 1920-х годов по инициативе М. Горького был основан «Кабинет мемуаров», где также был опубликован ряд произведений мемуарного жанра.

Т. Колядич, исследователь мемуарной прозы XX века, замечает, что в особенно напряженные периоды истории наблюдается интерес к дневниковой форме. Так, в годы Великой Отечественной войны появляются дневники А. Фадеева, М. Шагинян, В. Ставского²⁵.

Настоящий «взрыв» мемуарной литературы произошел в годы «оттепели». Мемуаристика вышла на авансцену литературной жизни. Мемуары публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Урал», выходили в крупнейших советских изданиях, печатались в эмиграции. Мемуарный жанр стал популярен вследствие того, что происходила переоценка ценностей в сознании советского народа, пересматривалась история страны, в том числе приватная история, так как мемуары – это рассказ «о времени и о себе». Следовательно, возникали и дискуссии о мемуарной литературе.

Осмысление мемуаров «оттепельных» лет началось несколько позже – во второй половине шестидесятых и в семидесятые годы. Исследователи, как правило, ведут разговор о жанровой специфике мемуарной литературы. Мы попытаемся определить основные научные сюжеты теории мемуаристики, на которых сосредотачивают свое внимание исследователи. Аналитика движения литературно-критической, литературоведческой мысли будет представлена не в

²⁵ Колядич Т. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология) [Электронный ресурс]: дисс. ... д-ра филол. наук / Т. Колядич. – Москва, 1999. – С. 20. Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/01000225886> (дата обращения: 12.02.2016).

хронологическом порядке, а в порядке концептуальных узлов. Но внутри блоков этих проблем будут подчинены хронологическому принципу.

Активизация мемуарной литературы: причины и следствия

«Всплеск» мемуарной литературы в шестидесятые годы был отмечен, в первую очередь, авторами и редакторами «толстых» журналов. Писатель и литературный критик Л. Малюгин в 1964 году обращает внимание на то, что воспоминания стали «едва ли не самым распространенным литературным жанром. Раньше мемуаристы довольствовались книгами, им редко удавалось проникнуть на страницы журналов. А если и удавалось – печатали их во второй половине номера, мелким шрифтом.

Сейчас воспоминания можно встретить в каждом толстом журнале. Они заметно потеснили беллетристику. Читатель на это вряд ли посетует. И потому, что мемуары всегда любимы читателем, и потому, что долгие годы они были почти запретным жанром. Настало время, когда можно вспомнить тех людей, которые, казалось, обречены на забвение, посмотреть на события минувших дней «свежими, нынешними очами»²⁶.

В. Шкловский, один из постоянных авторов «Нового мира» в том же году заметил: «Мы переживаем величайшую эпоху. Мы должны говорить о том, что видали, но не сказали, должны говорить о себе, о долгих путях и должны во многом признаться, потому что пути жизни не так уж легки: на них изнашиваешься, как корабль в долгих скитаниях»²⁷.

На особое положение мемуарного жанра в шестидесятые годы указывают литературные критики последующего десятилетия. М. Брагин замечает, что в шестидесятые годы мемуарному жанру сопутствовала сенсационность, которая исчезла в начале семидесятых. По мнению А. Ланщикова, 1970-е годы – это время «более “спокойного” прочтения мемуарных произведений»²⁸. Успех

²⁶ Малюгин Л. Сочинение с ошибками (Записки на полях мемуаров А. Штейна) // Новый мир. – 1964. – №12. – С. 206.

²⁷ Шкловский В. Память и время // Новый мир. – 1964. – №12. – С. 201.

²⁸ Ланщиков А. Обязанности свидетеля // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 87.

жанра у представителей разных социальных категорий и профессий исследователь считает отражением глубоких явлений в жизни страны: «Сегодня наши военачальники, государственные и политические деятели, партийные работники, писатели, актеры, режиссеры, инженеры, ученые, дипломаты обратились к мемуарному жанру. Это показатель того, что наступило время осознания ими содеянного; налицо дальнейший прогресс общественного сознания»²⁹.

Редакция журнала «Вопросы литературы» в 1974 году свидетельствовала, что «современная мемуаристика сосредоточивает в себе свидетельства большой исторической и культурной значимости, которые требуют постоянного обобщения и анализа»³⁰.

Обращаясь к функционированию мемуарного жанра в одном из наиболее авторитетных «толстых» журналов «оттепельных» лет, отметим, что с конца пятидесятых по 1970 год в «Новом мире» были опубликованы воспоминания, затрагивающие фактически все периоды первой половины XX века. Особое место отводилось мемуарам деятелей искусства. Рубрика «Дневники. Воспоминания» в журнале была постоянной. Многочисленные читательские отклики свидетельствуют о необыкновенной популярности мемуаров «Нового мира». В 1964 году редакция «Нового мира» свидетельствовала: «Широкое развитие мемуарной литературы, особенно заметное в последнее десятилетие, – факт необыкновенно отрадный и характерный для наших дней. Мы должны донести до потомков свой опыт, достойно рассказать о людях и событиях, оставивших заметный след в полувековой истории советского общества. Вот почему наш журнал с большим вниманием относится к воспоминаниям, дневникам, документам недавнего прошлого»³¹. Анализируя деятельность главного редактора в журнале, Т.А. Снигирева пишет, что «именно А. Твардовский, будучи редактором “Нового мира”, сделал своеобразную

²⁹ Ланшиков А. Обязанности свидетеля. С. 87-88.

³⁰ Обязанности свидетеля, права художника (обсуждаем проблемы мемуарной литературы) // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 45-46.

³¹ Новый мир. – 1964. – №12. – С. 195.

реабилитацию данного жанра, насколько это было возможно тогда в рамках подцензурного журнала»³².

Таким образом, «взрыв» мемуарной литературы был вызван необходимостью советских людей подвести итоги, осмыслить завершившийся XX съездом КПСС этап в истории страны. Мемуарная литература, появившаяся в «Новом мире» в шестидесятые годы, – это попытка «предварительных итогов» целого поколения людей, большую часть жизни проживших в те времена, «когда истина и вера сплавляются нерасторжимо, слитком, трудно разобраться, где что, но мы, – считает герой трифоновского романа, провинциальный аспирант-историк, – разберемся»³³.

Соотношение документального и художественного

Эта проблема стала одним из постоянных научных сюжетов, связанных с мемуарными текстами. Л.Я. Гинзбург относит мемуары к так называемым «промежуточным жанрам» между научными и художественными. Исследователь прослеживает связь между художественной прозой и мемуарами в истории литературы: «литература, в зависимости от исторических предпосылок, то замыкалась в особых, подчеркнуто эстетических формах, то сближалась с нелитературной словесностью. Соответственно промежуточные, документальные жанры, не теряя своей специфики, не превращаясь ни в роман, ни в повесть, могли в то же время явиться произведением словесного искусства»³⁵. Л.Я. Гинзбург полагает, что четкой границы между искусством и неискусством провести невозможно: «Искусство не отделено наглухо ни от логического познания, ни от жизненных фактов»³⁶, иллюстрируя свое утверждение известной цитатой из работы В.Г. Белинского о художественном

³² Снигирева Т.А. А.Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. С. 16.

³³ Трифонов Ю. Старик; Другая жизнь. – М., 1980. – С. 204.

³⁵ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л., 1971. – С. 6.

³⁶ Там же. С. 6.

потенциале мемуаров, который подчеркивал, что «стихийно эти возможности существовали и раньше»³⁷.

А.Г. Тартаковский также указывает на «промежуточное положение мемуаристики, находящейся как бы на стыке научной историографии, исторической публицистики, художественно-исторической прозы и воплощенных в той или иной литературной форме обыденных исторических представлений»³⁸.

Т.Г. Симонова определяет мемуарную прозу как жанр художественно-документальной литературы, которая образовалась в XX веке: «Художественно-документальная проза – это не механическое, формальное соединение документа и художественных способов письма, а сложное, многообразное взаимодействие противоположных возможностей отражения жизненного процесса»³⁹.

М.Ю. Михеев вводит новый в литературоведении термин «фактографическая проза» или «пред-текст», куда относит: дневники, записные книжки, мемуары и воспоминания, а также черновики, заметки в альбом, маргиналии и т.п. Это «тексты, обращенные более к жизни, чем к вымыслу и, скорее, просто к быту, чем к воображению и фантазии. Иначе говоря, это в корне отличная от *изящной* (художественной) (*курсив автора – М. М.*) литературы дневниковая проза – своего рода берестяные грамоты, только уже на современный манер. Отлична она от литературы прежде всего своим предназначением. Не рассчитана на то, что можно “рукопись продать”, – во всяком случае первоначально»⁴⁰.

Н. Иванова причисляет мемуары к литературе «*non-fiction*», в оппозиции которой находится литература вымысла – «*fiction*» (*курсив автора – М. М.*). Данный термин исследователь употребляет применительно к литературным

³⁷ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. С. 8.

³⁸ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. – М., 1980. – С. 21.

³⁹ Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. – Гродно, 2002. – С. 8.

⁴⁰ Михеев М.Ю. Фактографическая проза, или Пред-текст // Человек. – 2004. – №2 – С. 134.

произведениям, в основе которых лежат подлинные события, факты, реалии жизни. Персонажи таких текстов являются реально существующими (или существовавшими), но преобразенными сознанием автора. Это могут быть прозаические и стихотворные тексты, опубликованные в «толстых» литературных журналах рецензии, статьи, очерки и т.д. «... *non-fiction* есть все, что не *fiction*, но остающееся в пределах художественного письма (в пределах интеллектуально-художественного дискурса). Я отношу *non-fiction* к изящной словесности – а не просто к книгам как таковым, среди которых могут быть и пособия по математике, и советы ветеринара»⁴¹, – пишет Н. Иванова.

Следующий вопрос, который тесно связан с документальным и художественным началами мемуарной литературы – это её достоверность.

Л. Малюгин, автор рецензии на мемуары А. Штейна, опубликованной в «Новом мире» шестидесятых, обращает внимание на то, мемуаристы обладают большой свободой в выборе тем и художественном выражении замыслов. Обязательным условием создания воспоминаний является правдивость автора: «Жанр мемуаров не имеет точных границ – рассказчик вправе вспоминать и давно минувшее, и сегодняшнее, даже заглядывать в будущее, рассказывать о людях и о себе, делиться своими размышлениями о жизни. Воспоминаниям противопоказано, по существу, только одно – выдумка, вымысел»⁴².

С точки зрения Л.Я. Гинзбург, документальная литература, в отличие от художественной прозы, живет открытой соотнесенностью и борьбой между фактической достоверностью изображаемого и художественной образностью. В то время как «литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой, фактическая достоверность изображаемого, в частности происхождение из личного опыта писателя, становится эстетически безразличной...»⁴³. Л.Я. Гинзбург утверждает, что установка на подлинность далеко не всегда равна фактической

⁴¹ Иванова Н. По ту сторону вымысла // Знамя. – 2005. - №11.- С. 7.

⁴² Малюгин Л. Сочинение с ошибками (Заметки на полях мемуаров А. Штейна). С. 207.

⁴³ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – С. 9.

точности, и в этом особое качество документальной литературы: «В мемуарах спорное и недостоверное объясняется не только несовершенной работой памяти или умышленными умолчаниями и искажениями. Некий фермент “недостоверности” заложен в самом существе жанра. Совпасть полностью у разных мемуаристов может только чистая информация (имена, даты и т. п.); за этим пределом начинается уже выбор, оценка, точка зрения. Никакой разговор, если он сразу же не был записан, не может быть через годы воспроизведен в своей словесной конкретности. Никакое событие внешнего мира не может быть известно мемуаристу во всей полноте мыслей, переживаний, побуждений его участников – он может о них только догадываться»⁴⁴.

По мнению исследователя, структурным принципом произведения является установка на подлинность, которую не отменяют никакие фактические отклонения. Именно этот принцип является основополагающим для документальной литературы, а эстетическая организованность делает ее явлением искусства: «Для эстетической значимости не обязательен вымысел и обязательна организация – отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преобразенных словом. В документальном контексте, воспринимаемом эстетически, жизненный факт в самом своем выражении испытывает глубокие превращения. Речь идет не о стилистических украшениях и внешней образности. Слова могут остаться неукрашенными, нагими, как говорил Пушкин, но в них должно возникнуть качество художественного образа»⁴⁵.

Сочетание свойств документального произведения и художественного предписывает не только основные параметры функционирования мемуарной прозы в литературе, но и обуславливает уникальность данного жанра: «В соизмерении, в неполном совмещении двух планов, плана жизненного

⁴⁴ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. С. 9.

⁴⁵ Там же. С. 10.

опыта и плана его эстетического истолкования, – особая динамика документальной литературы»⁴⁶.

По мнению В. Шкловского, установка на правдивость является приоритетным свойством мемуарной литературы: «Писатель стремится к правде, потому что она – самое ценное, самое наполненное познание; она и есть художество, и художество – трудно достижимое. <...> ... всего труднее научиться говорить правду и видеть не так, как уже написано, а так, как ты сам видишь»⁴⁷.

В. Кардин, автор знаменитой статьи «Легенды и факты», опубликованной в «Новом мире» шестидесятых, говорит о необходимости мастерства автора в использовании жизненного материала в своих мемуарных произведениях, так как «документальный факт... пребывает в достаточно сложных и тонких отношениях с литературной тканью. Его восприятие, вера в его достоверность зависит и от интонации, с какой он подается, и от композиции, в которую включается, и от лексики»⁴⁸. В связи с этим большое значение имеет первоначальная установка автора на правдивость: «Когда у писателя достает настойчивости в собирании фактов и разрушении легенд, достает таланта (в это понятие органически включается и такт, и способность к самоограничению), его негромкое слово может зазвучать с новой силой»⁴⁹.

М. Кораллов большое внимание уделяет феномену памяти как орудию автора-мемуариста: «мемуарам не дано быть буквалистски точными, ... память бессознательно и сознательно совершает отбор, воскрешая и одновременно разрушая прошлое. Память по природе своей преобразующая и активна»⁵¹.

Однако, по мнению исследователя, вымыслу нет места в этом жанре: «мемуары, предполагают осмысление, но никак не домысливание (*выделено М. Коралловым – М. М.*). Именно здесь пролегает граница между “субъективностью” и “субъективизмом”»⁵³.

⁴⁶ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. С. 11.

⁴⁷ Шкловский В. Память и время. С. 201.

⁴⁸ Кардин В. Легенды и факты // Новый Мир. – 1966. – №2. – С. 245.

⁴⁹ Там же. С. 245

⁵¹ Кораллов М. Опыт нажитый, опыт осознанный. С. 55

⁵³ Кораллов М. Опыт нажитый, опыт осознанный. С. 62.

Л. Левицкий, в отличие от М. Кораллова, допускает в мемуарах наличие вымысла, который, по его мнению, несет определенные художественные функции: «... великий писатель в мемуарной книге имеет право на **деформацию фактов** (выделено Л. Левицким – М. М.) во имя высшей, поэтической и даже исторической правды»⁵⁵. Исследователь выделяет два типа мемуаров: принадлежащие «литературной словесности» и «внелитературной»: «Соотношение факта и домысла меняется в зависимости от природы мемуарного произведения, которая в свою очередь зависит от мотивов, замысла и таланта мемуариста. Мемуары, представляющие собой эстетическую структуру, подчиняются тем же законам, какие присущи художественной литературе. А это значит, что попадающий в них факт повинуется природе целостной эстетической структуры (прежде всего, конечно, художническому замыслу). <...> Не ради искажения истины, а ради постижения правды преобразовывает жизненный материал художник. И не его вина, если порой трансформация фактов успешнее служит этой задаче, чем их регистрация»⁵⁶.

Субъективность, по мнению Л. Левицкого, является одной из основополагающих особенностей жанра: «Мемуары – это всегда личное свидетельство, и, значит, объективные факты непременно предстают в них субъективно окрашенными»⁵⁷.

Особый взгляд на природу мемуаров представляет статья В. Каверина, писателя, из-под пера которого вышло немало текстов подобного жанра. В. Каверин делится опытом написания мемуаров, открывает дверь в «кухню» создания мемуарных произведений. Из уст мемуариста мы узнаем, с какими трудностями или «соблазнами» сталкивается автор при написании воспоминаний. Вопрос о «правде и вымысле» является одним из важнейших для профессионального литератора: «... как удержать руку, которая десятилетиями стремилась придать подлинной сцене еще большую

⁵⁵ Левицкий Л. Где же предел субъективности. С. 113.

⁵⁶ Там же. С. 114.

⁵⁷ Там же. С. 109

подлинность и наглядность? Исторические декорации можно осветить рассеянным светом или слегка растушевать, – в конце концов, не так уж важен фон, на котором происходят события. В обрисовке характеров можно прибавить некоторые черты, которые усложнили бы их или, наоборот, упростили. Можно снова воспользоваться испытанным оружием занимательности, которая так долго украшала мою работу и жизнь. <...> Не так уж трудно написать “неподлинное”, изобразив его так, чтобы читатель вполне уверился в несомненности того, что происходит перед его глазами. Ведь оставаясь мемуаристом, автор продолжает господствовать над материалом, стало быть, он волен располагать события в заранее обдуманном порядке»⁵⁸.

Еще один соблазн, которому подвергается автор литературного произведения – «соблазн загадки». В. Каверин определяет его так: «если бы я поддался ему, читатель до самой последней страницы не понял бы, что же представляет собою книга, которую он прочитал, – роман или воспоминание?»⁵⁹

В зависимости от своего замысла писатель выбирает дорогу, по которой пойдет, в его распоряжении есть два «ключа»: «Если прежде я пользовался ключом воображения, теперь в моих руках другой ключ – память. <...> Удалось ли мне открыть им город моего детства, моей юности? Не знаю. Каждая книга – поступок, и, чтобы он совершился, читатель должен сидеть по ту сторону письменного стола, напоминая о том, что выбор между правдой и кривдой совершается в ту минуту, когда писатель берет в руки перо»⁶⁰.

Многие мемуары представляют собой истинно литературные произведения, по мнению А.Г. Тартаковского, который допускает в произведениях этого жанра любую степень «обобщения, типизации и проникновения в душевный мир человека, за исключением той, где участвует “художественный вымысел”»⁶¹. Элементы вымысла, по мнению исследователя,

⁵⁸ Каверин В. Уроки и соблазны // Вопросы литературы. – №4. – 1974. – С. 119.

⁵⁹ Там же. С. 119-120.

⁶⁰ Там же. С. 121.

⁶¹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 26.

разрушают основу мемуарного жанра и свидетельствуют о переводе мемуаров в разряд других литературных жанров.

Большой интерес представляет точка зрения ученого-историка В.В. Кабанова о природе мемуаров. Основное свойство мемуаров, по мнению исследователя, – субъективность: «Воспоминания – это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, это и исповедь, и оправдание, и обвинение, и раздумья личности. Поэтому мемуары, как никакой другой документ, субъективны. <...> Однако мемуары нельзя считать продуктом исключительно личностного происхождения. Они неизбежно несут на себе печать своего времени. Искренность мемуариста, полнота и достоверность его впечатлений зависят от той эпохи, в которой писались, во-первых, и публиковались, во-вторых, мемуары. Немаловажное значение имеет и объект воспоминаний: событие или личность, о которых пишет мемуарист. Иногда это имеет решающее значение»⁶². В.В. Кабанов считает, что поскольку мемуары возникли как жанр художественной литературы, то предназначены они не столько для исследований, сколько для занятного чтения, поэтому неверно подходить к мемуарам исключительно как к историческому источнику⁶³.

Особо интересна точка зрения на достоверность мемуаров, выраженная их редакторами и издателями. Например, А. Твардовского мало тревожили субъективность и пристрастность мемуаров: «При относительной фактической неточности таких материалов их ценность определяется степенью субъективной правдивости и искренности свидетельства»⁶⁴. Беря во внимание двуединую природу мемуаров, которые одновременно содержали, с одной стороны, субъективную установку на полную достоверность и, с другой, – объективную невозможность полной достоверности, А.Т. Твардовский предложил «формулу жанра»: «субъективная правдивость».

⁶² Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. – М., 1997. – С. 137-138.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Твардовский А.Т. По случаю юбилея // Новый мир. – 1965. – №1. – С. 7.

Однако в публикации мемуаров существовали строгие ограничения: во-первых, идеологического характера, во-вторых, различного характера «внутренние» запреты. А.Т. Твардовский считал неприемлемым идти навстречу желанию читателя не только знать, но иногда как бы подглядеть в замочную скважину.

Как бы ни радели историки, литературоведы и критики за правдивость мемуаров, абсолютной искренности от авторов, которые стремились опубликовать свои воспоминания, в шестидесятые годы добиться было невозможно. Т.А. Снигирева пишет: «авторов мемуарных текстов шестидесятых годов легко упрекнуть в полуправде, в частичной правде повествования о времени и его действующих лицах. В них очевидны фигуры умолчания (сознательные), сказывается и абберация памяти (уже бессознательная, инстинктивная). Эти пустоты, касающиеся некоторых событий и людей, эти провалы в памяти легко обнаруживаются при сопоставлении того, что напечатано одним и тем же автором в годы “оттепели” и в годы “перестройки”»⁶⁵. Характерной особенностью мемуаров шестидесятых годов являются «игры с памятью»: «автору воспоминаний всегда есть, что скрывать, и это чаще всего – компромисс со своей совестью, в тексте мемуаров оборачивающийся вольным или невольным компромиссом со своей памятью... Парадоксальность ситуации заключается в том, что при всей “игре” с памятью, приводящей порой к своеобразной амнезии, мемуаристика по определению реабилитирует категорию памяти как исторической, так и индивидуальной»⁶⁶.

По мнению Н.А. Николиной, в истории развития автобиографической литературы существовали сменяющие друг друга тенденции: «тенденция к объективизации “я” и тенденция к максимальной субъективности и передаче личных воспоминаний как средству самопознания. Взаимодействие этих тенденций осложняется стремлением авторов автобиографических произведений дать (по возможности) полную, объективную и достоверную

⁶⁵ Снигирева Т.А. А.Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. С. 24.

⁶⁶ Там же. С. 28.

картину прошлого»⁶⁷. Таким образом, с точки зрения исследователя, отличительная автобиографических произведений – их сознательная / бессознательная субъективность.

Литературовед Т.Г. Симонова в числе мемуаров выделяет особую группу текстов, которые создаются профессиональными писателями и включаются в их наследие. Цель литературных мемуаров – «соединить факт с его художественной интерпретацией на концептуальном и стилевом уровне»⁶⁸, где факт воспринимается «как строительный материал произведения, им можно оперировать для достижения желаемого художественного результата»⁶⁹. Художественное начало проявляется «в творческом преображении факта, в сюжетной организации материала, в образном строе произведения, в беллетризации текста или его отдельных фрагментов, в индивидуальном стиле повествования»⁷⁰. Т.Г. Симонова типологически сближает мемуары писателей с художественными текстами и выделяет систему повествовательных форм мемуарной литературы: мемуары-хроника, мемуары-роман, мемуары-повесть, мемуары-очерк, мемуарные зарисовки, миниатюры, эссе. Автор отмечает, что сюжет мемуаров «выстроен самой жизнью и мемуарист не вправе распоряжаться событиями по своему усмотрению, что, однако, вовсе не исключает творческого подхода к изложению фактов прошлого. В мемуарах происходит отбор жизненного материала в соответствии с индивидуальным авторским видением, а также в связи с теми задачами, которые он ставит»⁷¹. Элементы сюжета, такие как экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка, эпилог в мемуарах обозначены слабо и выделяются, в основном, в беллетризованных текстах.

Композиция мемуаров может включать составляющие и художественной (портрет, рассуждение, описание обстановки действия и т.д.), и

⁶⁷ Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие. – М., 2011. – С. 148.

⁶⁸ Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. С. 28.

⁶⁹ Там же. С. 30.

⁷⁰ Там же. С. 29-30.

⁷¹ Там же. С. 28.

документальной литературы (датировка событий, выдержки из документов, свидетельства очевидцев, записи автора, сделанные по горячим следам события).

Е.Е. Приказчикова показывает, как господствующее в определенную эпоху направление в литературе и искусстве сказывается на состоянии мемуарного жанра, а установка мемуаров на достоверность способствует влиянию мемуаристики на другие жанры, т.к. в зависимости от этого «меняется традиция изображения героев, которые являются то идеальными “сынами отечества” с их пафосом “торжествующей государственности”, то “русскими Вертерами”, то закутываются в плащ Байронического героя. В последнем случае формирование эстетического идеала приобретало характер романтического моделирования действительности»⁷². Исследователь справедливо замечает: «Мемуарная литература в силу своей ориентации на изображение реальной действительности, правды “голого факта” очень часто проявляет больше смелости в показе “правды жизни”, чем господствующие литературно-эстетические направления, предпочитающие эстетическое конструирование ее идеальных моделей. В этом случае мемуаристика поистине становится “своеобразной литературной лабораторией, где добывалось то новое, что затем обогащало другие жанры”»⁷³.

Таким образом, установка на подлинность во все времена являлась важнейшей жанровой чертой любого мемуарного произведения, что ни в коем случае не исключает возможности художественного обобщения и субъективного отбора фактов и их оценки.

Личность мемуариста

⁷² Приказчикова, Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе Русского Просвещения: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – С. 54.

⁷³ Там же. С. 6-7.

С вопросом о «правде и вымысле», «объективном и субъективном» в мемуарах тесно связан традиционный научный сюжет об образе мемуариста.

Внимание к мемуаристике постоянно в гуманитарной науке. В XX веке оно особенно активизировалось в тридцатые годы. Образ мемуариста в это время трактовался, прежде всего, в контексте его классовой принадлежности: «Каждый мемуарист показывает лишь те факты, на которых сосредоточивается его классовое сознание, группируя и осмысливая факты со своей же классовой позиции в интересах классовой борьбы... Классовое сознание и классовые интересы, определяя тематику воспоминаний, разумеется, обуславливают и точку зрения мемуариста на изображаемые явления, на их освещение и интерпретацию. Отсюда понятно, что одно и то же явление (событие, лицо, факт литературы или журналистики) в воспоминаниях представителей разных социальных групп получает не только разную оценку, но и разное изложение последовательности события или разный пересказ слышанного, виденного»⁷⁴.

Со временем для советской филологии классовая детерминированность мемуариста перестала играть определяющую роль. В. Шкловский в 1964 году указывал на то, как масштаб личности автора определяет весомость мемуаров: «Для написания мемуаров нужно иметь характер, судьбу и не скрывать ее. <...>. Удача мемуаристов – не писателей – определялась тем, что они не были средними людьми и не притворялись ими, не писали средним языком со средней точки зрения»⁷⁵.

А. Ланщиков формулирует задачи, которые должны, по его мнению, стоять перед автором при написании воспоминаний: «первое – восстановить достоверный ход событий прошлого и зафиксировать его на страницах своего произведения, второе – автор должен осмыслить и дать оценку тем событиям, которым он посвящает свое произведение. <...> Бесспорно, все описываемые события автор должен оценивать с позиций сегодняшнего дня, но он не должен выдавать эту позицию за всегда ему присущую. Если автор мемуаров не желает

⁷⁴ Р. К. [Кулле Р.], Бельчиков Н., Дынник В. Мемуарная литература. 135 стб.

⁷⁵ Шкловский В. Память и время. С. 202.

оставаться всего лишь сегодняшним комментатором вчерашних событий, то он должен восстановить и хронологию собственного духовного пути»⁷⁷.

Н. Голубенцов выявляет меру значительности и содержательности мемуаров, которая напрямую зависит от мировоззренческой позиции мемуариста: «Правдиво и честно излагая материал своих воспоминаний, представляя читателю своего героя в тех или иных житейских ситуациях, он неизбежно представляет и самого себя, прямо или в подтексте обнаруживая свои общественно-философские, этические и эстетические воззрения. И это последнее, воздействуя на нравственную природу читателя, на его культурный кругозор, собственно, и является решающим критерием нужности, полезности и своевременности обращения к читателю»⁷⁸.

С точки зрения А.Г. Тартаковского, личность автора определяет целевое назначение мемуаров – «стремление личности *запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем*»⁷⁹ (курсив автора. – М. М.).

Н.А. Николина отмечает тесную связь личности автора с предметом изображения: «Предметом изображения в автобиографической прозе с течением времени становится не былое само по себе, а “былое” в связи со становлением внутреннего мира автора текста»⁸⁰. Мемуарные произведения показывают не только события прошлого, но и отношение автора к своему прошлому и к себе в нем. В связи с личностью мемуариста исследователь выделяет два временных плана: план его настоящего и план его прошлого. Таким образом, происходит расслоение единого описывающего субъекта на субъект₁ (повествователь в прошлом времени, «“я” – объект описания»⁸¹) и субъект₂ (повествователь в настоящем времени, «“я” описывающего

⁷⁷ Ланшиков А. Обязанности свидетеля. С. 88-89.

⁷⁸ Голубенцов Н. Без хрестоматийного глянца. С. 100.

⁷⁹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 23.

⁸⁰ Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. С. 9.

⁸¹ Там же. С. 102.

субъекта»⁸²). Такое соотношение, с одной стороны, образует нерасторжимое единство двух субъектных полей, с другой стороны, предполагает отстраненность автора от его «я» в прошлом. Несмотря на то, что такая отстраненность часто подчеркивается и используется в художественных автобиографиях, тем не менее, жанр автобиографии изначально предполагает максимальную близость повествователя к автору. Н.А. Николина выделяет следующие жанрообразующие признаки образа автора: «его информированность об описываемых фактах, событиях и проявлениях не только внешней, но и внутренней жизни, максимальная заинтересованность в освещаемом, субъективность, своеобразная “презумпция правоты”, связанная с утверждением справедливости именно своих оценок и суждений. Автобиография предполагает установку на **достоверное** (выделено Н.А. Николиной – М. М.) сообщение об основных фактах и событиях жизни автора»⁸³.

Одним из свойств мемуарной и автобиографической литературы является обязательное наличие адресата, в отличие, например, от дневника. Указания на адресата могут явно быть обозначены в тексте («эксплицитный адресат»⁸⁴) или могут отсутствовать («имплицитный адресат»⁸⁵). Адресант же выражен всегда, и главное указание на него – местоимение «я». В автобиографии три основных «героя»: время, собственное «Я» автора и память, которая объединяет прошлое и настоящее. С точки зрения Н.А. Николиной, основная коммуникативная цель автобиографического произведения – сохранить в коллективной памяти информацию о событиях своей жизни, которые являются предметом воспоминания.

Т.Г. Симонова выявляет двуплановость образа автора, который является одновременно и создателем своего произведения, и одним из его героев. Два временных пласта создают данный образ: прошедшее, к которому отнесены

⁸² Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. С. 102.

⁸³ Там же. С. 11.

⁸⁴ Там же. С. 100.

⁸⁵ Там же.

воспоминания, и настоящее, время создания мемуаров⁸⁶. Исследователь выделяет два способа проявления автора в тексте: открытое и опосредованное. Автобиографический сюжет, система авторских рассуждений, комментариев, оценок относятся к открытым формам авторского проявления; историческая основа, портреты современников, описания, интертекстуальные элементы, композиционные решения, речевые особенности – к закрытым⁸⁷.

Таким образом, в мемуарной прозе осмысление автором прошедших событий – столь же важная составляющая, как и рассказ о самих событиях. Фигура автора всегда расщепляется на два образа, соответствующих прошедшему и настоящему временам. Значительность мемуаров определяется масштабом личности автора.

Проблема типологии мемуарной литературы

Важный вопрос, который не перестает быть предметом внимания в гуманитарной науке, – типология мемуарной литературы. В тридцатые годы XX века советским литературоведением была предложена типология жанров мемуарной литературы, которая и по сей день не теряет своей актуальности. В качестве основных жанров мемуаристики выделялись: дневник, воспоминания или записки, автобиография, исповедь, биографические воспоминания, некролог⁸⁸.

В последующие годы данная типология была расширена. Так, М. Кораллов в статье «Опыт нажитый, опыт осознанный» выделяет «четыре русла» в потоке воспоминаний: военное, историко-революционное, буднично-мирное и писательские мемуары⁸⁹.

Историк В.В. Кабанов предлагает классификацию мемуаров по тематически-хронологическому принципу (о чем написаны мемуары), по персоналиям (о ком написаны), по происхождению (кем написаны), по способу

⁸⁶ Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. С. 65.

⁸⁷ Там же. С. 92-94.

⁸⁸ См.: Р. К. [Кулле Р.], Бельчиков Н., Дынник В. Мемуарная литература. 137 стб.

⁸⁹ Кораллов М. Опыт нажитый, опыт осознанный. С. 49-50.

и форме воспроизводства (например, литературная запись, магнитофонная или письменная запись, интервью и т.д.).⁹⁰

Н.А. Николина представляет следующую внутрижанровую систему автобиографических произведений. Прежде всего, к автобиографическим текстам относятся собственно автобиографии: «документальные тексты, представляющие собой краткие и формализованные жизнеописания и относящиеся к официально-деловому стилю»⁹¹, затем «автобиографические тексты, включающие одновременно развернутые воспоминания (*разрядка Н.А. Николиной. – М. М.*) о прошлом, связанных с ним реалиях, лицах и т.п.»⁹² и «автобиографии и воспоминания, тяготеющие к беллетризованной форме (содержащие, например, образные характеристики описываемых реалий)⁹³. И наконец, «художественные произведения, использующие жанровую форму автобиографии и опирающиеся на реальные факты жизни автора (например, повесть С.Т. Аксакова “Детские годы Багрова-внука”, роман И.А. Бунина “Жизнь Арсеньева”, тетралогия Б.А. Зайцева “Путешествие Глеба” и др.)»⁹⁴.

С точки зрения Н.А. Николиной у перечисленных типов автобиографических произведений имеется ряд общих признаков: установка на воссоздание истории индивидуальной жизни, ретроспективная организация повествования, идентичность автора и повествователя или повествователя и главного героя. Так, исследователь соотносит жанр «мемуаров» с жанром «автобиографии», что представляется вполне логичным и обоснованным.

В нашей работе за общий единый жанр принимается «мемуарная проза» и автобиографические произведения рассматриваются составной частью оного.

⁹⁰ Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. С. 138-139.

⁹¹ Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. С. 12.

⁹² Там же. С. 12.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

В гуманитарной науке нет жестко структурированной типологии мемуарной литературы. Многообразие классификаций свидетельствует о подвижности границ жанра, полифонии тем и художественных решений.

Значение мемуарной литературы

На протяжении всего XX века особую ценность для литературоведов и историков литературы представляла научная состоятельность мемуаров, о чем исследователи писали еще в 1930-х годах. Во-первых, мемуары поставляют материал по истории литературной жизни, а также сведения для изучения творческой деятельности писателя. В мемуарных произведениях, как пишет Р. Кулле, «мы находим часто и прямые указания на писательские замыслы, на творческую историю отдельных конкретных произведений»⁹⁵. Во-вторых, мемуарная литература «может доставлять далее обильный исторический материал не только для литературоведческих изысканий, но и для самих художников слова. <...> Мемуарные материалы часто дают гораздо больший простор, чем научные работы по истории, для изучения бытового характера эпохи, психологии отдельных лиц и т. п.; М. л. подчас больше говорит воображению писателя и предоставляет больше ресурсов для конкретного воплощения его художественных образов»⁹⁶. Ценность мемуарного материала выше у тех произведений, которые не готовятся непосредственно к печати и бывают обнародованы лишь впоследствии, поскольку они меньше подвергаются искажениям современной автору официальной цензуры и предварительной внутренней редакции самого автора.

Исторически обусловленную художественную функцию мемуарных текстов выделила Л.Я. Гинзбург: «В понимании людей XVII века мемуары – это история; но практически жанр этот нес на себе и литературные задачи. Эстетика классицизма считала языком искусства только стихотворный язык (отчасти делая исключение для комедии) и почти вовсе отказывала в признании

⁹⁵ Р. К. [Кулле Р.], Бельчиков Н., Дынник В. Мемуарная литература. 140 стб.

⁹⁶ Там же. 142 стб.

роману. Но за пределами эстетической иерархии и регламентации существовал не только роман, – процветала и более важная для XVII века промежуточная проза: мемуары, письма, “максимы”, “портреты”, “характеры”. В отличие от отвлеченного и идеального мира высокой поэзии, это был мир конкретный и трезвый, мир пронзительных наблюдений и настойчивого анализа “пружин” поведения. Здесь эпохальное понимание человека воплощалось, соприкасаясь, с одной стороны, с открытиями классической трагедии и комедии, с другой стороны – с житейским самопознанием и познанием окружающей среды. В дальнейшем интерес к документальной литературе периодически обострялся»⁹⁷.

М. Кораллов считает воспоминания актуальным и необходимым литературным жанром для любого времени: «Нашей страной накоплен всемирно-исторический, громадный по значению опыт. Его масштабами надо измерять и наши потребности в мемуарном жанре – как общественные, так и личные. Опыт не должен оставаться лишь обретенным, нажитым. Чтобы “остаться”, он должен быть запечатленным и осознанным. <...> Духовная сокровищница прошлого обеднела бы, давно померкла бы самая надежда на “приговор веков”, если бы на суде истории не выслушивались показания очевидцев. Эпоха должна быть рассказана от первого лица»⁹⁸.

Главное значение мемуаров В.В. Кабанов видит в том, что «воспоминания способны восстановить множество фактов, которые не отразились в других видах источников. Мемуарные частности могут иметь решающее значение для реконструкции того или иного события»⁹⁹.

По мнению А. Гладкова, мемуары – это «раскрытые окна в прошлое»¹⁰⁰. Они необходимы не только для литературы, но и для истории: «Пушкин и Вяземский меньше знали о декабристах, чем академик Нечкина, потому что их обзор был уже, хотя они были современниками, но они все же знали о них что-

⁹⁷ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. С. 8.

⁹⁸ Кораллов М. Опыт нажитый, опыт осознанный. С. 47.

⁹⁹ Там же. С. 133.

¹⁰⁰ Гладков А. Мемуары – окна в прошлое // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 128.

то такое, что будущий историк никогда не узнает, если не осталось мемуаров»¹⁰¹. Состояние мемуарного жанра является показателем степени развития общества: «Богатство или бедность мемуаристики данной эпохи – это уровень зрелости общества, его исторического самосознания, как личная память – признак человеческой зрелости. Создание мемуаров и их сбережение – это не узколитературная, но общекультурная и общеисторическая задача»¹⁰².

С. Чупринин формулирует значение мемуаров для личной эрудиции читателя, который получает возможность получать новые сведения об известных или неизвестных ему событиях, интерпретировать и реконструировать тот или иной факт с привлечением личного опыта¹⁰³.

Т.А. Снигирева раскрывает значение мемуаров эпохи «оттепели» для литературы и общества последующих десятилетий вплоть до настоящего времени: «... мемуары шестидесятых при всей их полуправде и обилии “фигур умолчания”, может быть, сделали для литературы и – шире – для общественного сознания нечто большее, существенное, нежели откровенно-дерзкие варианты воспоминаний уже бесцензурного времени. <...> Мемуарно-документальная литература “Нового мира” соразмеряла историю общества, историю культуры судьбой человека. Книги А. Цветаевой, И. Эренбурга, Б. Пастернака, В. Катаева значительно продвинули вперед и историю литературного самосознания»¹⁰⁴.

Таким образом, значение мемуаров, их актуальность для любого времени бесспорны как для гуманитарной науки, так и для общества в целом. В этом отношении особую роль играет высокое качество воспоминаний, авторская ответственность, установка на правдивость, художественное достоинство произведения, ставшие основными параметрами отбора текстов для публикации в «Новом мире».

¹⁰¹ Гладков А. Мемуары – окна в прошлое. С. 122.

¹⁰² Там же. С. 127.

¹⁰³ Чупринин С. Жизнь по понятиям: русская литература сегодня. – М., 2007. – С. 304–305.

¹⁰⁴ Снигирева Т.А. А.Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. С. 27.

Итак, основные проблемы, связанные с исследованием специфики мемуаров: их терминологические определения, проблемы соотношения с документальной литературой и художественной, степени достоверности, формы проявления субъективной позиции автора, допустимой степени художественности и т.д., – постоянно находятся в центре внимания филологии, что объясняется, с одной стороны «промежуточным» статусом этого пласта литературы, с другой, неизменным вниманием к мемуарам со стороны определенного и весьма широкого круга читателей.

Мемуары, опубликованные в журнале «Новый мир» эпохи А. Твардовского, думается, немало способствовали оформлению особого направления журнала и приобретению «своего» «новомирского» читателя.

§2. «Новый мир» и жанрово-тематический диапазон мемуарной литературы

При очевидном расцвете журнальной жизни в годы «оттепели» «Новый мир» под руководством А. Твардовского занимал особое место. Журнал завоевал огромную аудиторию благодаря своей выверенной стратегии. Один из участников редколлегии «Нового мира» характеризовал период жизни журнала с 1958 по 1970 год так: «Если “Новый мир” Твардовского – славная страница в истории советской журналистики, то последние пять лет его существования – лучшее время этого журнала, его крестный, но и звездный час. Никогда его значение не было так велико, и прежде всего нравственно-выпрямляющее значение... Дело было в неподкупности, в верности правде, в верности себе. Своим примером журнал как бы говорил: значит, можно не изменять своему человеческому достоинству... И чем более одиноким в своей борьбе оставался этот журнал, чем плотнее сгущались над ним тучи, тем сильнее становилось его общественное воздействие и авторитет»¹⁰⁵. «“Новый мир” и цензура», «“Новый

¹⁰⁵ Буртин Ю. «Вам, из другого поколения...» // Октябрь. – 1987. – №8. – С. 200.

мир” и автоцензура» – особые научные темы, еще только ждущие системного исследования.

Один из сотрудников журнала свидетельствует: «...неосуществленных замыслов и запрещенных цензурой произведений было сколько угодно. В “Новом мире” за один только 1963 год, по подсчетам редколлегии, их не прошло столько, что из них можно было бы составить три полных книжки журнала. <...> Твардовского угнетало бессилие напечатать “Жизнь и судьбу” Гроссмана, “В круге первом”, воспоминания Надежды Мандельштам и многое другое»¹⁰⁶. Не были опубликованы – уже по другим причинам – и «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, и «проза как документ» Варлама Шаламова...

В ноябре 1968 года старший редактор отдела прозы А.С. Берзер передала главному редактору «Нового мира» «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам. А. Твардовский был очень впечатлен этими мемуарами, о чем свидетельствует в своих дневниках А. Кондратович, зафиксировавший высказывание А. Твардовского об этом произведении: «Это великая книга. Я вам скажу, что она может поспорить с Солженицыным. Я в этом уверен»¹⁰⁷.

А. Твардовский, по прочтении мемуаров, записал в своем дневнике:
«8.11.68. П[ахра].

<...> А. С. Берзер, как обычно краснея и робея, предложила прочесть Записки вдовы Мандельштама Надежды Яковлевны (просьба или пожелание автора, не рассчитывающего, мол, ни в малой мере на опубликование). Взглянув на папку – наша большая – для рукописей свыше 500 стр[аниц], я сказал, что буду читать с полгода. Нет, возразила, прочтете дней за пять.

Прочел дня за три, следом читает М[ария] И[лларионовна]. Это действительно серьезная и полная огня работа – вовсе не просто хроника страданий О[сипа] М[андельштама] вместе с автором записок. <...> ...эта несложная история рассказана на таком густом фоне исторического слома

¹⁰⁶ На пороге новых дней. Главный редактор журнала «Новый мир» Андрей Василевский беседует с Юрием Буртиным, Мариэттой Чудаковой и Михаилом Новиковым // Новый мир. 2000. – №1. – С. 181–182.

¹⁰⁷ Кондратович А.И. Новомирский дневник. 1967–1970. – М., 1991. – С. 194. (запись 21 февраля 1968 г.).

понятий “абстрактного гуманизма”, нравственного онемения и глухоты общества, его подавленности не только страхом, но и “авторитетом идей” (“так надо для революции, для великой цели”) и с такими неотразимо правдивыми наблюдениями над деформацией общественной психологии, условиями и т.д., что история эта приобретает неизмеримо более широкое звучание, чем сами по себе трагические обстоятельства биографии поэта»¹⁰⁸.

Твардовский высоко оценил и стиль воспоминаний, когда написано всё «с огромным подпором всего отдуманного, передуманного, пережитого, перечувствованного – “одним дыхом”. Это не повествование, нанизывающее эпизод за эпизодом в хронологической последовательности, которое могло бы быть построено и иначе или экономнее. Это – как ночной разговор – признание друга, полное силы, несмотря на отступления, забегаания вперед, отвлечения, казалось бы, самыми общими мыслями, рассуждениями “на эту тему”, где, однако, ничто не кажется лишним, маловажным, все нужно, все важно и необходимо, и за всем этим — ни корысти, ни тщеславия, ни стремления покрасоваться, ни “беллетристики”...»¹⁰⁹.

Казалось бы, вряд ли существует оценка выше, чем дал главный редактор «Нового мира» «Запискам» Н. Мандельштам. И редакция разделила его мнение, подтверждение чему мы находим в дневниках А. Кондратовича¹¹⁰ и Л. Левицкого¹¹¹. Однако ни у одного из них, кроме хвалебных слов, нет ни слова о возможной, хотя бы частичной, публикации этих воспоминаний в «Новом мире». Лишь в разговоре с А.С. Берзер А. Твардовский уточнил, что не считает «вовсе безнадежным делом опубликование этой вещи в перспективе, если суждено нам дожидаться “подвижки льдов” (Солженицын и все с ним связанное

¹⁰⁸ Цит. по: С твердом верой в добро... (А.Т. Твардовский и Н.Я. Мандельштам) // Дружба народов. – 2003. – №1. – С. 140.

¹⁰⁹ Там же. С. 140.

¹¹⁰ «Читаю воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам и поражаюсь силе и широте понимания ею истории, всего того, что произошло с нами. <...> Я заметил, что воспоминания Н.Я., конечно, превосходят воспоминания Эренбурга» // Кондратович А. И. Новомирский дневник, 1967–1970. – М., 1991. – С. 193–194.

¹¹¹ «Рукопись Надежды Яковлевны замечательна. В ней образ поэта. В ней передано время. Она написана страстно, умно, темпераментно. <...> Возвращая Н.Я. рукопись, я сказал ей, что не припомню по части воспоминательного равное тому, что она написала. Тут мы с А.К. обнаружили полное единодушие. Несмотря на то, что он и Н.Я. не совпадают в оценке двадцатых годов» // Левицкий Л. Утешение циркульника: Дневник. 1963–1977. – СПб., 2005. – С.70.

и накопившееся)»¹¹². А в личном письме к Н. Мандельштам А. Твардовский выразил уверенность, что книга «должна увидеть и увидит свет, – потому и называю рукопись книгой, — только относительно сроков этого, к сожалению, я не могу быть столь же определенным»¹¹³.

И редакция, и сам автор понимали, что для публикации книги в Советском Союзе время не настало и долго еще не настанет. В России книга увидела свет лишь в 1999 году. Первая же публикация состоялась в Нью-Йорке в 1970 году.

В журнале произведения документального жанра уделялось большое внимание. С 1958 по 1970 годы в «Новом мире» их вышло около двухсот. Авторами, наряду с именитыми, такими как В. Каверин, В. Катаев, Л. Пантелеев, Б. Пастернак, К. Чуковский, И. Шмелев, И. Эренбург, были военные, дипломаты, партийные деятели, драматурги, киносценаристы, инженеры, врачи и т.д.

Произведения документального жанра печатались как в специальных разделах: «Дневники. Воспоминания», «Дневник писателя», – так и в разделах художественной прозы, «Литературная критика», «Из литературного наследия».

Основной принцип отбора произведений мемуарного характера для публикации был соотнесен с категорическим «нравственным императивом» правды, главным и для Твардовского, и для журнала. Мемуары ценились не только как форма обществоведения, но как форма человековедения, где история представлялась не как «движение масс», но как совокупность индивидуальных судеб, как биография человеческого духа. В традиционной формуле советского литературоведения «рассказ о времени и о себе» акцент все больше делался на второй ее составляющей.

¹¹² Цит. по: С твердом верой в добро... (А.Т. Твардовский и Н.Я. Мандельштам) // Дружба народов. – 2003. – №1. – С. 141.

¹¹³ Письмо А.Т. Твардовского Н.Я. Мандельштам от 9 февраля 1968 г. // Нева. – 1991. – №2. – С. 189.

«Новый мир» был не единственным журналом шестидесятых годов, активно публиковавшим мемуары. Так, например, постоянным разделом журнала «Знамя» были «Документы. Воспоминания», в котором печатались мемуары, автобиографические произведения, дневники, записки. Одна из основных тем мемуаров, опубликованных в «Знамени» – бытование русской литературы в первые десятилетия XX века. Этой теме посвящены мемуары В. Шкловского «Жили-были» (1961), где повествование, начинаясь с детских лет автора, охватывает крупнейшие события его времени. Одной из популярных форм, в которую облакаются мемуары «Знамени» – литературный портрет. На страницах журнала возникают портреты Н. Асеева¹¹⁴, И. Бабеля¹¹⁵, Э. Багрицкого¹¹⁶, Вс. Вишневского¹¹⁷, Вс. Иванова¹¹⁸, В. Инбер¹¹⁹, А. Малышкина¹²⁰, В. Маяковского¹²¹, А. Новикова-Прибоя¹²², П. Павленко¹²³, А. Фадеева¹²⁴.

В «Знамени» щедро публиковались воспоминания о писателях в публицистических изданиях первой половины XX века. Интереснейшими среди них являются мемуары А. Эрлиха в силу большого охвата имен писателей, которым предстояло стать классиками русской литературы, начинавших свое литературное становление в первых советских газетах. Воспоминания А. Эрлиха «Они работали в газете» (1958) повествуют о работе автора в литературном отделе Главполитпросвета («Лито»), где произошло его знакомство с М. Булгаковым; в газете «Гудок», где сотрудниками А. Эрлиха по перу были, кроме М. Булгакова, были И. Ильф, В. Катаев, Е. Катаев (Е. Петров), Ю. Олеша; в «Правде», где автор работал вместе с Б. Лавреневым и

¹¹⁴ Левин Ф. В гостях у Асеева // Знамя. – 1964. – №5.

¹¹⁵ Мунблит Г. Исаак Эммануилович Бабель // Знамя. – 1964. – №8.

¹¹⁶ Инбер В. Запомним его таким. Поэзия была для него всем // Знамя. – 1964. – №2.

¹¹⁷ Инбер В. «Впередсмотрящий» // Знамя. – 1970. – № 12.

¹¹⁸ Шкловский В. Человек с Иртыша. (О Всеволоде Иванове) // Знамя. – 1965. – №3.

¹¹⁹ Вишневский Вс. [Книга о Ленинграде] // Знамя. – 1970. – № 12.

¹²⁰ Экслер И. Время Александра Малышкина // Знамя. – 1969. – №6.

¹²¹ Зелинский К. Чтение Маяковским поэмы «Владимир Ильич Ленин» в Доме печати // Знамя. – 1963. – №4.

Чарный М. Маяковский в нашей газете // Знамя. – 1964. – №5.

¹²² Новикова М. Страницы из жизни А.С. Новикова-Прибоя // Знамя. – 1969. – №1.

¹²³ Новикова М. Писатель и дальний восток (К 70-летию П.А. Павленко) // Знамя. – 1969. – №7.

¹²⁴ Полевой Б. Дорогой товарищ // Знамя. – 1958. – №2.

К. Фединым. Детали рабочих будней писателей, служивших в газете журналистами, редакторами и корректорами, увлекательные истории рождения замыслов «Белой гвардии», «Двенадцати стульев», «Трех толстяков», горячие обсуждения новонаписанных глав, влекущие за собой последующие изменения текста, описанные в мемуарах А. Эрлика, составляют немалую ценность для истории отечественной словесности и изучения творчества вышеназванных писателей.

Иной взгляд на М. Булгакова, И. Ильфа, В. Катаева, Е. Катаева, А.Н. Толстого предложен Э. Миндлином в мемуарах «В двадцатые годы» (1968). Сотрудничество литераторов происходило в газете «Накануне», выходившей с 1922 по 1924 гг. Интересное свидетельство представлено и в воспоминаниях И. Майского «Семь номеров» (1965) о создании журнала «Знамя», который в ту пору носил название «Издание Литературного объединения Красной армии и флота» («ЛОКАФ»).

Документальная повесть Ю. Трифонова «Отблеск костра» (1965), опубликованная в разделе журнала «Документы. Воспоминания», представляет писателя в новом амплуа – авторе документальной прозы. Военные мемуары В. Гиллера «Во имя жизни» (1956, 1960), Ю. Жукова «Путь к Карпатам» (1962), «У ворот Москвы» (1966), Е. Ржевской «Берлинские страницы» (1965), Я. Хелемского «По старым, пылающим адресам» (1969) посвящены героическим страницам советской армии в истории Великой Отечественной войны. Даже краткий абрис публикаций мемуарного характера в «Знамени» свидетельствует о безусловном внимании журнала к этому пласту литературы.

По-своему были важны мемуары и для «Юности» – журнала, возникшего на волне «оттепели». В издании, где главный упор был поставлен на молодых авторов, для документально-художественных произведений не было отдельного раздела. Воспоминания выходили в рубриках: «Литература и искусство» (например, «Как я стал писателем» (1970) К. Чуковского), в разделе «Очерки, статьи, фельетоны, заметки, корреспонденции» были опубликованы

воспоминания Е. Гинзбург о первых шагах советской школы «Единая, трудовая...» (1965), в разделе «Наши публикации» вышли мемуары Н. Луначарской-Розенталь о знакомстве Луначарского и Маяковского (1962).

В шестидесятые годы в «Новом мире» были опубликованы воспоминания, затрагивающие фактически все периоды истории первой половины XX века. Революция: «Черные сухари» и «Зимний перевал» Е. Драбкиной, «Побег из колчаковской тюрьмы» А. Бартова. Судьба русской деревни в XX веке: «На Ельнинской земле» М. Исаковского, «Детские годы в Супруновке. Из семейной хроники» Д. Набокова). Годы Великой Отечественной войны: «В боях за Одессу» маршала Н.И. Крылова, «Сорок пятый год. Страницы воспоминаний» маршала И. Конева, «В небе Ленинграда» маршала А. Новикова, книга воспоминаний генерала А.В. Горбатова, «В конце войны», «Незабываемый, победный» генерала Д.А. Драгунского, «Записки из плена» В. Бондарца, «Тыл фронта», «Почетная служба (воспоминания пограничника)» Н.А. Антипенко, «На рубеже мира и войны. С дипломатической миссией в Берлине (1940-1941)» В. Бережкова, «Духом укрепим в борьбе...» А. Бибика, «Борьба за второй фронт. Из записок посла» И.М. Майского, «Гитлеровцы в Париже» В. Сухомлина, «По дну Ладоги» С. Бланка, Д. Шинберга.

Остановимся подробнее на характеристике ряда мемуарных произведений, прямо соотнесенных с главными темами «Нового мира».

Главная проблема, связанная с темой войны для новомировцев, это – проблема «цены Победы»¹²⁵ и, следовательно, цены человеческой жизни на войне. Отсюда – яростные нападки официальной критики, считавшей, что новомировские авторы «принижают подвиг советского народа», забывают за «правдой факта» «правду явления», и не менее яростная защита отделом литературной критики именно «правды факта», которая и питает «правду

¹²⁵ См., например, статью современного исследователя о сквозной для творчества А. Твардовского теме народосбережения: Новикова О.А. «Что я их мог, но не сумел сберечь...»: мысли о сбережении народа в произведениях А.Т. Твардовского военной тематики // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений / отв. ред В.В. Ильин, О.А. Новикова. – Смоленск: Свиток, 2015. – С. 30-35.

жизни». В рецензии на книгу А. Розена «Последние две недели» А. Кондратович отмечал: «... писателей, которые вглядываются в то грозное лето сорок первого года и стремятся понять, что тогда произошло, называют “недалекими литераторами”. Но мы потеряли в те месяцы сотни тысяч, если не миллионы людей, отдали врагу, пусть временно, громадную территорию, и назвать это мелкой, несущественной “правдой факта”, пожалуй, кощунственно. “Отговаривать” же писателей от “темы 41-го года” – значит, по меньшей мере обнаруживать незаинтересованность в исторической правде»¹²⁶.

Публикуя в 1969 году свои дневниковые записи «С Карельского перешейка», Твардовский в авторском предуведомлении признается, как велик был соблазн кое-что исправить в давнишних записях и как он отказался от этой мысли: «И мне показалось решительно невозможным делать в них какие-либо исправления или дополнения, кроме необходимых подстрочных замечаний. Если эти записи имеют какую-либо ценность, то лишь как занесенные в тетрадь для себя тогда»¹²⁷. В движении к гуманизму, к постижению ценности человеческой жизни и необходимости хранить «жестокую память войны» выделялся Твардовскому смысл публикации своей давнишней работы. В дневниковых записях есть строки прозрения: «... такое время, когда об отдельном человеке забывают...»; «Сознание постарело...»¹²⁸, которые во многом определяют психологическую атмосферу книг, в том числе и мемуарных, о войне.

Из широкого спектра военной мемуаристики, опубликованной на страницах «Нового мира», остановимся подробнее на книге генерала армии А.В. Горбатова «Годы и войны». А. Твардовский оценивал это произведение как качественную прозу. На обсуждении пятого, шестого и седьмого номеров журнала за 1967 год он счел возможным сопоставить тексты повести Домбровского и мемуаров Горбатова: «В обсуждении выделены две вещи,

¹²⁶ Кондратович А. Накануне войны // Новый мир. – 1965. – №10. – С. 232.

¹²⁷ Твардовский А. С карельского перешейка // Новый мир. – 1969. – № 2. – С. 117.

¹²⁸ Там же. С. 120.

Горбатов и Домбровского, хотя эти вещи разножанровые. Горбатов – честные, прямые мемуары, Домбровский – беллетристика в чистом виде, но беллетристика хорошая. И тут и там незаурядные авторы. Эти вещи объединяет серьезная нравственная основа, какое-то проникновение в их рассказ чувства человечности, цельной человеческой личности. В одном случае речь идет о людях павших, погибших, в другом – плод фантазии автора, но с какой бережностью отношения к людям»¹²⁹.

Личное знакомство А. Твардовского с генералом советской армии А.В. Горбатовым состоялось в конце 1963 года, в тот момент, когда он без особой протекции («протекцией» было имя) принес в журнал «Новый мир» рукопись своих мемуаров. В воспоминаниях «Открытая дверь, или вечер у генерала Горбатова» В.Я. Лакшин так рассказывает о встрече сотрудников «Нового мира» с возможным автором журнала: «Он появился в редакции несколько необычным для военного его ранга образом. Бывало, появлению самого предшествовала вереница адъютантов, порученцев, вестовых, передававших красиво оформленную рукопись. <...> С генералом Горбатовым все было иначе»¹³⁰. Простота общения, четкое понимание того, что в редакции он выступает не как генерал армии, но как начинающий автор, явно чувствующиеся крестьянские корни, проявляющие себя в некой застенчивости поведения в чужом пространстве, невероятный жизненный опыт, все это, по свидетельству очевидцев, покорило А. Твардовского, как покорили главного редактора и его редколлегию интонация «невыдуманного рассказа», открытая установка писать (и умение писать) о том, что пережил сам в переданной «из рук в руки» рукописи. Рукопись называлась внешне просто, но не без едва уловимого пафоса – «Жизнь солдата». Твардовский предложил иное название. Главный редактор делал это в случаях, когда и автор, и произведение были для него дороги, а более удачное и точное название могло укрепить успех.

¹²⁹ Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 9. Ед. хр. 116.

¹³⁰ Лакшин В. Голоса и лица. – М., 2004. – С. 346–348.

Классический пример – превращение повести «Щ-854» в «Один день Ивана Денисовича», тоже непритязательное, но внутренне более объемное, выдвигающее на первый план основной вектор книги – индивидуальная судьба и история.

Книга мемуаров А.В. Горбатова под названием «Годы и войны» была опубликована в разделе художественной прозы «Нового мира», в трех номерах 1964 года. Структура ее непритязательна и проста, сделана по варианту «исповедь сына века». Воспоминания относятся не только к периоду Великой Отечественной войны, автор начинает повествование со своего рождения, строя его строго хронологически, подчиняя традиционным этапам биографии, которые, и это характерно для судьбы сильной личности, совпадают со значительными историческим рубежами. Так главы «Детство», «Юность», «Первая любовь» естественно продолжены главами, в которых индивидуальная биография продолжается в судьбе страны: «Служба в Царской армии», «Революция», «Гражданская война», «В мирное время», «Черный год», «Отечественная война».

Хроника событий, оказавшихся в поле зрения автора, не претендует на исчерпывающую полноту. Автор стремится писать лишь о тех событиях, которых он был непосредственным участником и которые формировали его характер: «Не считая возможным изображать себя иным, чем я был, я и пишу лишь о том, что действительно заполняло в те годы мою жизнь»¹³¹. Простота, безыскусственность и установка на максимально возможную правдивость таили в себе немалую опасность для безболезненного прохождения книги через цензуру.

По свидетельству В.Я. Лакшина, цензурой были сняты сказанные в сердцах слова о командующем М.: «“Это не командарм, это бесструнная балалайка”». Защищая эту фразу, Александр Васильевич наивно настаивал, что слова свои помнит точно – как же можно их вычеркнуть? Он упрямо сжимал

¹³¹ Горбатов А.В. Годы и войны // Новый мир. – 1964. – №3. – С. 145-146.

губы, глядел в упор своими строгими глазами и обиженно повторял: “Как же так? Ведь это *так и было*. Я ему в лицо сказал...”¹³². В журнальном варианте книги «Годы и войны» этот выпад против командующего М. сильно смягчен, и, в результате, у читателя остается впечатление недоговоренности: «Доведенный оскорблениями до белого каления, я в запальчивости, показывая рукой на командарма, воскликнул:

– Да разве это командарм?

Ко мне подошел Н.С. Хрущев и, положив на мое плечо руку, укоризненно сказал:

– Товарищ Горбатов, разве можно так говорить о командарме, да еще во время войны?

– Больше нет терпения, товарищ генерал. Я сказал то, что думаю...»¹³³.

Однако на волне «первой десталинизации» журналу удалось оставить главу «Черный год», которая может быть осмыслена и как завершающая историю становления сильной индивидуальности профессионала войны, и как прологовая к части, посвященной полной личностной реализации генерала армии. Над описанием ареста, пыток («Кроме следователя, в допросах принимали участие два дюжих палача. И сейчас в моих ушах, когда меня, обессиленного и окровавленного, уносили, звучит зловеще шипящий голос Столбунского: “Подпишешь, подпишешь”. Выдержал я эту муку и во время второго круга допросов. Но когда началась третья серия допросов, как хотелось мне скорее умереть!»¹³⁴), нечеловеческих условий лагерной жизни, усугубленной издевательствами уголовников, каторжного труда заключенных, многие из которых умирали, не дождавшись освобождения («Читателям будет трудно представить себе картину, как по склонам гор, растянувшись на четыре километра, вереницей бредут исхудалые люди, не люди, а тени, и, вытянув, как журавли в перелете, шеи вперед, напрягая последние силы, тянут древесину.

¹³² Лакшин В. Голоса и лица. С. 352.

¹³³ Горбатов А.В. Годы и войны // Новый мир. – 1964. – №5. – С. 122.

¹³⁴ Там же. С. 120.

Тяжело тащить груз с горы, еще тяжелее по ровной местности, а при самом незначительном подъеме он становится просто непосильным. Люди спотыкаются, падают, встают и снова падают, но груз трогается с места лишь тогда, когда приходит на помощь кто-нибудь другой, сзади идущий. Так доставляется древесина в лагерь»¹³⁵), все же верховенствовала мысль о безусловности веры в новую государственность, мысль, покинувшая самого А. Твардовского только в самые последние годы его жизни: «Пройдет еще много времени, прежде чем в полной мере будет оценен этот период в истории нашей страны. Пройдут года... Цель моего рассказа – поведать молодому поколению о людях, не потерявших даже в этих условиях веру в справедливость, в нашу великую ленинскую партию и родную советскую власть, хотя многие из этих несчастных потеряли надежду вернуться когда бы то ни было на свободу»¹³⁶.

Для А. Горбатова, как и многих советских людей, важно было не то, как несправедливо обошлась с ним власть, но то, как репрессии, обрушившиеся на кадровое офицерство, опасны для страны: «Больше, чем собственная судьба, военных в нашей среде волновал вопрос: если действительно началась война, то сколько будет излишних потерь в войсках, которые лишились в связи с арестами опытных командиров?»¹³⁷.

В воспоминаниях генерала армии, и это чрезвычайная редкость, «правда штаба» не всегда входила в конфликт с «правдой окопа». Профессионал войны не мог не писать о войне с точки зрения выполнения служебного долга полководца. Отсюда и описания проблем технического оснащения армии: «Срок решительных действий по расширению нашего южного плацдарма, намеченный на 12 октября, приближался. Но, несмотря на старание тыловых работников, боеприпасы прибывали медленно, их едва хватало на покрытие текущей потребности. Причин этому было много: отставание складов, подвоз

¹³⁵ Горбатов А.В. Годы и войны // Новый мир. – 1964. – №5. – С. 128.

¹³⁶ Там же. С. 126.

¹³⁷ Там же. С. 124.

конным транспортом, ибо шоссейных дорог не было, а проселочные из-за дождей для машин стали непроходимыми, да и большая часть машин была неисправной, один рейс занимал четырнадцать суток. Что же получалось? С одной стороны, нельзя проводить активных действий с таким количеством боеприпасов, которого и для обороны мало; с другой стороны, при каждом докладе командующему фронтом мы слышали требование – вести активные действия. Мы были вынуждены отбирать боеприпасы у одних соединений, прибавлять тем, которые предназначены для активных действий»¹³⁸.

Отсюда и привлечение точного фактического материала. По-видимому, при создании книги воспоминаний автор пользовался записями, которые вел во время войны: «Одиннадцатого мы освободили Верхний Салтов и Петровское, а двенадцатого овладели большим торговым селом Старый Салтов и даже заняли еще большое село Молодовое. За три дня боев мы захватили 42 орудия, 51 миномет, 71 пулемет, 55 автоматов, 400 винтовок, 82 лошади, 16 кухонь, 72 повозки, 6 раций, 41 склад с боеприпасами, продовольствием и вещевым имуществом и другие трофеи»¹³⁹.

Но мемуары Горбатова заполнены лицами людей, рядовых солдат и офицеров не менее, если не более, нежели донесениями, перечислениями военной техники, хроникой военных сражений. Причем, и это важно, автор вспоминает чаще всего поступок, реакцию человека в трагических ситуациях войны: «Переходя от одного дерущегося подразделения к другому, я видел, как один красноармеец, согнувшись под тяжестью другого, сходил с бугорка. Положив тяжелораненого на землю, он сел около него передохнуть. Когда я подошел к ним, у раненого были крепко сжаты губы, глаза закрыты, а щеки влажны от слез. Услышав разговор, раненый открыл большие серые глаза и, как будто оправдываясь, сказал:

– Я плачу не от боли, нет, я плачу от того, что дал себе слово не умереть, пока не убью хоть пять фашистов, а вот приходится умирать сейчас...

¹³⁸ Горбатов А.В. Годы и войны // Новый мир. – 1964. – №5. С. 129.

¹³⁹ Там же. С. 121.

Красноармеец-санитар скороговоркой, как будто боялся опоздать, сказал ему:

– Ты из своего пулемета убил не пять, а может, пятьдесят. Я сам видел, как они падали от твоих очередей.

Не знаю, правду сказал санитар или хотел лишь успокоить умирающего, но после его слов раненый спокойно закрыл свои серые глаза и их них больше не текли слезы.

И вот с такими людьми отступать!..»¹⁴⁰.

Написанные в жанре автобиографии, воспоминания «Годы и войны» содержат в себе важные сведения непосредственного участника событий. Глубокий психологизм книги, большая степень документальности, минимализм беллетристики и художественной образности направлены на то, чтобы сделать акцент на достоверность изображаемых событий и их «субъективную правдивость». Точен В. Лакшин в определении свойств личности, позволивших Горбатову написать живую историю своей жизни, неразрывно связанную с войнами: «Он не принадлежал к числу славолюбцев, которые привыкли на людях кичиться одними победами, упиваться пением фанфар и ликовать. Ему больше помнились тяготы, потери, собственные и других командиров промахи, моменты высшей опасности на войне. И если он чем гордился, то тем, что упрямо преодолевал их»¹⁴¹.

Принципиально важный для «Нового мира» и сопряженный с его основным направлением сюжет: документ враждебен стереотипам, факт разрушает легенды. «Новый мир» требует от общественных деятелей и литературы не жизнеподобия и правдоподобия, но правды и достоверности. Широко публикуя документальную литературу, мемуары, письма, архивные материалы, «Новый мир» постоянно обращал внимание читателей на это направление современного литературного процесса, подчеркивая его роль в

¹⁴⁰ Горбатов А.В. Годы и войны // Новый мир. – 1964. – №5. – С. 112.

¹⁴¹ Лакшин В. Голоса и лица. С. 357.

пробуждении в общественном сознании путем сопоставления факта и легенды импульса к самостоятельному мышлению и самостоятельным выводам.

Важнейшим принципом работы с мемуарами была неизменная требовательность к художественному уровню, эстетическому качеству произведений.

И хотя для мемуарной литературы в журнале существовал, как мы отмечаем выше, специальный раздел «Дневники. Воспоминания», нередко можно встретить мемуарные тексты и в других рубриках. Так, собственно мемуары писателей о пережитом, чаще всего публикуются в тех разделах журнала, в которых возможна публикация художественной прозы. Поэтому особое место на протяжении всего существования «Нового мира» под руководством А. Твардовского занимали мемуары писателей: «Два лика» (1968) Д. Гранина, «Записные книжки. Письма из Америки» (1961) И. Ильфа, «Несколько лет» (1966) В. Каверина, «Трава забвения» (1967), «Святой колодец» (1967), «Кубик» (1969) В. Катаева, «Автобиография» (1959), «1913-й, 1918-й...» (1963) Б. Лавренева, «Дом, увенчанный глобусом» (1968) С. Маршака, «Три встречи» (1959) В. Некрасова, «Люди и положения» (1967) Б. Пастернака, «Нет, это не старость!» (1966) Б. Полевого, «Люди, годы, жизнь» (1960–1963, 1965) И. Эренбурга и др.

Вместе с тем, не все мемуары, предложенные именитыми писателями, были опубликованы в журнале. Так, в 1958 году К. Паустовский принес в редакцию «Нового мира» свои воспоминания «Время больших ожиданий». К. Паустовский желал видеть свое произведение именно в «Новом мире», поскольку высоко ценил А. Твардовского как поэта и редактора, и по той причине, что литературная позиция «Нового мира» была ему близка.

В книге идет речь о голодной революционной Одессе 1920 года. Автору было предложено внести некоторые изменения в текст рукописи, однако, по мнению редколлегии, «результаты “перепашки” оказались, мягко выражаясь, малопродуктивными. <...> ...внесенные Вами исправления нисколько не меняют

общего духа, настроения и смысла вещи»¹⁴². А. Твардовского, который, по мнению К. Паустовского, в то время смотрел на все окружающее «с официального верха», не устроила общая направленность произведения, не соответствующая определенным «советским стандартам». Главный редактор конкретизировал свои претензии в письме к автору: в книге «нет мотивов труда, борьбы и политики, по-прежнему в ней есть поэтическое одиночество, море и всяческие красоты природы...»¹⁴³. Кроме того, он не принял мемуарный перекося в сторону Бабеля, «апологетически распространенный на добрую четверть»¹⁴⁴ произведения, а также угол зрения автора на Г. Шенгели, Э. Багрицкого и др.

Письмо была написано в достаточно резкой форме, что немало задело Паустовского. И недаром, ведь ему, в сущности, было отказано в праве на создание мемуаров вообще, поскольку его биография (по мнению А. Твардовского) «бедна» и нет на ней «отпечатка большого времени, больших народных судеб, словом, всего того, что имеет непреходящую ценность»¹⁴⁵. А то, что было предложено в «Новый мир», – было воспринято как текст сомнительного качества, где, по резкому суждению Твардовского, доминирует «пафос безответственного, в сущности, глубокоэгоистического “существования”, обывательской, простите, гордыни, коей плевать на “мировую историю” с высоты своего созерцательского, “подзвездного” единения с вечностью»¹⁴⁶.

Паустовский, конечно же, понял, что между строк этого письма следует читать решительный отказ в публикации его книги. Ответ последовал не менее решительный: Паустовский потребовал незамедлительно вернуть рукопись. О разногласиях Паустовского и Твардовского узнал главный редактор «Октября» Федор Панферов и предложил для публикации свой журнал. Мемуары под

¹⁴² Письмо А.Т. Твардовского К.Г. Паустовскому от 26 ноября 1958 г. // Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 6: Письма (1932-1970). – М., 1983. – С. 88-89.

¹⁴³ Там же. С. 89.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же. С. 88-89.

названием «Время больших ожиданий» были опубликованы в №№ 3–5 за 1959 год.

Со временем отношения между А. Твардовским и К. Паустовским были восстановлены. В 1962–1963 годах в журнале были опубликованы очерки К. Паустовского о путешествии в Италию и Польшу. А тогда, в 1958 году, получив «второй шанс» на посту главного редактора и отработав только два года в этой должности, Твардовский, вероятно, не хотел рисковать. Этим объясняется и настороженно отношение к книге Паустовского, значительную часть которой заняло повествование о репрессированном и расстрелянном Бабеле, и к самому автору, известного своим одобрительным докладом на обсуждении романа В. Дудинцева «Не хлебом единым», за публикацию которого, как мы знаем, был снят К. Симонов с поста главного редактора «Нового мира».

Мемуарная проза, опубликованная в «Новом мире» шестидесятых годов не только высока по эстетическому уровню, но и достаточно широка по многообразию тем и новизне художественных решений. Ярким примером служит публикация воспоминаний известного поэта Михаила Исаковского «На Ельнинской земле», на протяжении нескольких месяцев выходивших в первом «безымянном» разделе журнала.

Воспоминания Михаила Исаковского разворачиваются вокруг его детских и юношеских лет, проведенных в деревне Глотовка Смоленской губернии. Воспоминания эти нельзя в строгом смысле назвать автобиографией, поскольку они охватывают пятнадцать лет жизни автора, с 1900-го по 1915-й годы. И в журнале они названы «Автобиографические страницы». Автор подробно описывает дореволюционный крестьянский быт, с его радостями и трудностями, рассказывает о своих первых, не всегда удачных, поэтических опытах, создает литературные портреты своих родителей, товарищей, односельчан, школьных учителей и наставников.

Большой интерес представляет описание крестьянской жизни. М. Исаковский постарался объективно подойти к характеристике дореволюционной деревни. Называя ее «отсталой и неграмотной»¹⁴⁷, где «основной и главной заботой в каждой хате, в каждой семье было – ... как бы не умереть с голоду»¹⁴⁸, где фактически отсутствовала медицина, автор не скрывает и фактов развития деревни, самым значительным из которых стало открытие школы.

Автор с любовью рассказывает об интересных уроках (по русскому языку и литературе, арифметике, истории и географии), не менее интересных и познавательных внеклассных мероприятиях, о школьной дружбе, об умных и чутких учителях, о необычных экзаменах. Так, однажды экзаменационная комиссия весьма творчески подошла к проверке знаний юного Михаила по русскому языку, попросив прочитать несколько стихотворений собственного сочинения, за что ученик получил пятерку с плюсом. В мемуарах М. Исаковский дал следующую оценку своей первой сельской школе: «Сельская четырехклассная земская школа, как известно, давала своим питомцам лишь самые первоначальные знания. Но для меня – да и не только для меня – это значило очень многое. Мы росли в темной, нищей и безграмотной деревне и до школы почти ничего не знали даже о том мире, в котором жили. И все, что мы постепенно узнавали в школе, было для нас настоящим откровением <...> Я навсегда останусь благодарен своей Глотовской школе не только за те знания, которые она мне дала, но и за то, что, в сущности, она свела меня с теми людьми, которые сделали для меня так много, что это в конечном счете определило всю мою дальнейшую судьбу»¹⁴⁹.

Особый интерес представляет система авторских сносок. Наряду с объяснением некоторых диалектных слов и выражений (типа котовать – бросить, забыть семью; стать босяком, бродягой; опуститься), географических

¹⁴⁷ Исаковский М. На Ельнинской земле // Новый мир. – 1969. – №4. – С. 3.

¹⁴⁸ Там же. С. 5.

¹⁴⁹ Там же. С. 41-42.

названий, прозвищ своих односельчан, в книге мемуаров можно встретить отсылки к историческим фактам, например: «Во время первой мировой войны царское правительство выплачивало нетрудоспособным членам солдатских семей небольшое пособие. Обычно это пособие выдавалось один раз в месяц по документам, посланным из волостного правления»¹⁵⁰.

Мемуары имеют традиционно-последовательную структуру повествования: от рождения до поступления в Смоленскую гимназию. Однако кое-где эта четкая структура ломается, и, благодаря не однолинейной, но зачастую ассоциативной природе памяти автора-мемуариста, происходит расширение границ художественного времени. Так, происходит связка прошлого с настоящим временем. Например, рассказывая о необычном способе заучивания немецких слов, который предложил Михаилу его учитель, автор добавляет: «С тех пор прошло пятьдесят пять лет, я успел перезабыть многие сотни немецких слов, которые когда-то знал, но слово варшайнлих (*разрядка М. Исаковского – М. М.*) я помню отлично»¹⁵¹.

Ценность представляют рассказы о народных обычаях и обрядах. В книге подробно рассказано о свадьбе сестры Михаила, которой предшествовал девичник: «Девушки – подруги невесты и ее ровесницы – наряжали елку, увешивая ее разноцветными лентами и бумажными цветами: каждая из девушек приносила для елки свою ленту, ту самую, которую носила сама <...> Песни – с небольшими перерывами – продолжались всю ночь. А рано утром, по заведенному порядку, в дом невесты приезжает жених вместе со своими дружками»¹⁵². Также неперенным условием свадьбы был выкуп стола (а не невесты), само торжество сопровождалось пиром и песнями: «Собрались, конечно, и принарядившиеся на этот случай молодые рисавские бабы. По заведенному обычаю, они должны были опевать гостей, то есть петь в честь каждого гостя свадебную величальную песню»¹⁵³.

¹⁵⁰ Исаковский М. На Ельнинской земле // Новый мир. – 1969. – №5. – С. 68.

¹⁵¹ Там же. С. 151.

¹⁵² Исаковский М. На Ельнинской земле // Новый мир. – 1969. – №4. – С. 15.

¹⁵³ Там же.

Народное песенное творчество представлено в мемуарах М. Исаковского несколькими примерами: свадебной песней и городским романсом, – что создает у читателя более полное представление о жизни в деревне в начале XX века, куда уже начала проникать городская культура.

Отдельное место в мемуарах занимают рассказы о первых поэтических и издательских опытах М. Исаковского. С ранних лет будущий известный советский поэт обладал способностью тонко чувствовать особенность поэтического слова («... я до того вечера ни разу не слышал, чтобы кто-либо так говорил о месяце: чудный месяц <...> Но месяц, оказывается, не только чудный, но он еще и плывет над рекою. Сказано не как-нибудь там месяц взошел или месяц народился, а плывет над рекою. Вы только подумайте – плывет (*разрядка М. Исаковского – М. М.*)¹⁵⁴!), любил петь песни, которых знал множество («Летом в ясный солнечный день идешь, бывало, по полю и, забыв про все на свете, поешь, что есть силы...»¹⁵⁵), а также сам писал стихи, имел опыт издания рукописного журнала и печатного поэтического сборника («Писал я, конечно же, стихи. Писать их я начал еще летом двенадцатого года. И, как мне теперь кажется, произошло это от большой любви к поэтическому слову. <...> Когда мне было десять-одиннадцать лет, я знал наизусть большое количество стихов. Если же сказать точнее, это были не стихи, а песни»¹⁵⁶).

Так, впитав в себя традиционный народный поэтический опыт, изучив, сначала в сельской школе, а затем в гимназии, русскую литературу, Михаил Исаковский впоследствии создал такие произведения, положенные на музыку, как «Катюша», «Враги сожгли родную хату», «Летят перелетные птицы», «Одинокая гармонь», «Ой, цветет калина» и многие другие.

При написании вступительной статьи к четырехтомному собранию сочинений М. Исаковского А. Твардовский отметил очень важную особенность

¹⁵⁴ Исаковский М. На Ельнинской земле // Новый мир. – 1969. – №4. – С. 23.

¹⁵⁵ Там же. С. 30.

¹⁵⁶ Исаковский М. На Ельнинской земле // Новый мир. – 1969. – №5. – С. 61.

всего поэтического творчества поэта: «Исаковский, что бы о нем ни говорили, очень талантлив, своеобразен и не похож ни на кого. Очень честный поэт. Но я, перечитывая его, понял одну страшную вещь: он нигде не воспекает новую, колхозную деревню. В нем что-то тогда оборвалось. Соколов-Микитов тот просто прекратил писать о смоленских местах, о деревне, – и сделал это вполне сознательно. А Исаковский писал. Но каждый раз, когда ему нужно найти поэтические краски, он возвращается к старой деревне. И тогда у него получается очень хорошо. Он уходит в сказку, в описание прошлой жизни... Потом у него был подъем – песенный. Но заметьте, ведь все песни совсем не о колхозной деревне. “Выходила на берег Катюша”. Откуда она выходила – из колхозной фермы или из собственной хаты? Вы этого не знаете. Но еще сильнее песни и наконец снова стихи зазвучали во время войны. Это был его второй подъем, потому что уже не было нужды воспевать колхозную деревню. <...> Это был второй и последний его взлет. Короче, это тоже одна история из тех, как социализм мял и душил таланты. А талант у Исаковского на редкость искренний»¹⁵⁷.

Таким образом, мемуары «На Ельнинской земле» являются своеобразным ключом ко всему поэтическому творчеству М. Исаковского. Автобиография изначально предназначалась для четырехтомного собрания сочинений. Но в связи с тем, что поэт настолько увлекся воспоминаниями о родной деревне и о прежнем укладе жизни, что произведение получалось слишком объемным и подробным и автор не поспевал в срок, было принято решение напечатать этот текст в «Новом мире» как первую часть полной автобиографии поэта, а в четырехтомник включить краткую автобиографию, написанную ранее. В беседе с М. Исаковским А. Твардовский так охарактеризовал книгу «На Ельнинской земле»: «Это интересно и нужно. И написано на должном уровне. Тебе обязательно надо продолжить то, что ты начал. <...> И уже в шутовском тоне добавил: – Я на корню покупаю все, что уже выросло и что ты еще

¹⁵⁷ Кондратович А. И. Новомирский дневник, 1967-1970. С. 50-51.

вырастишь на своем поле, и буду печатать это в “Новом мире”. И редактировать твою автобиографию буду я сам лично, если ты мне, конечно, доверяешь, – закончил он все в том же шутовском тоне».¹⁵⁸

Мемуары «На Ельнинской земле» открывают четвертый номер журнала «Новый мир» за 1969 год и продолжают в пятом и восьмом номерах за тот же год. После отстранения А. Твардовского от должности главного редактора публикация воспоминаний Исаковского продолжилась в журнале «Дружба народов» (1971. – №№ 11, 12; 1972. – № 8).

Мемуары М. Исаковского («На Ельнинской земле», 1969), писателя-эмигранта И. Шмелева («Из прошлого», 1964), И. Эренбурга («Люди, годы, жизнь», 1960-1963, 1965), В. Каверина («За рабочим столом», 1965; «Несколько лет», 1966), автобиографический очерк Б. Пастернака («Люди и положения», 1967), причудливые «мовистские» повести В. Катаева («Святой колодец», 1966; «Трава забвения», 1967; «Кубик», 1969) оказались в русле интенсивных поисков русской литературы шестидесятых годов XX века.

В 1964 году А. Твардовский опубликовал в своем журнале три фрагмента из книги Ивана Шмелева «Лето Господне». Произведению предшествует предисловие редакции, в котором сформулирован традиционный для советской литературы шестидесятых годов XX века взгляд на эмигрантскую литературу: «Оторванная от своей родины, литературная эмиграция, естественно, не могла не впасть в оскудение. Только в минувшем, изжитом нашим народом, могли находить себя писатели-эмигранты. Обращаясь к прошлому в своих автобиографических произведениях, эти писатели рисуют его, как правило, идиллически, об ином умалчивая, другое изображая односторонне. Это относится и к названным рассказам Шмелева»¹⁵⁹. Но в целом, редакция дала высокую оценку книге рассказов И. Шмелева, поставив ее в один ряд с «Жизнью Арсеньева» И. Бунина, «Юнкерами» А. Куприна» и подчеркнув неповторимые особенности стиля произведений И. Шмелева в рамках традиций

¹⁵⁸ Воспоминания об А. Твардовском: сборник / сост. М. И. Твардовская. – М., 1978. – С. 62.

¹⁵⁹ Новый мир. – 1964. – №1. – С. 124.

русского реализма: «Сквозь умилительно патриархальное освещение нравов купеческой Москвы проступают в рассказах Шмелева подлинные черты старого быта <...> Что наиболее ценно в рассказах И. Шмелева – это сочность языка и выразительность нарисованных им образов»¹⁶⁰.

«Лето Господне» имеет трудноопределимую жанровую специфику. Прежде всего, это эпическое творение о старой Москве, Замоскворечье. Но это и житийная повесть, и чудесный миф о «сказочном царстве с молочными реками и кисельными берегами». Это и автобиографическая книга, которая написана не как традиционная автобиография или мемуары. Произведение не претендует на документально точное воспроизведение событий. Шмелев создал новую художественную реальность – идеальный русский мир человеческих отношений, жизнь Москвы конца XIX – начала XX века. «Лето Господне» – это также, в каком-то смысле, проповедь: «Проповедовать русскую святость отправился по дорогам эмиграции И.С. Шмелев, проповедовать ее в чистоте, берегаемой в древнейшей нашей письменности <...> В такой пророческой правде о России, которую уверенно исповедовал Шмелев, нуждались многие эмигранты, они видели свой национальный идеал в зеркале шмелевских созданий...»¹⁶¹.

Главным героем книги является четырехлетний Ваня Шмелев. Такой тип героя в полном смысле смог отразить идиллический характер произведения. Именно эту пору человеческой жизни между младенчеством и отрочеством автор назвал «светлой страницей». Воссоздавая по памяти свое детское мировосприятие и самосознание, писатель подхватывал традицию литературы сентиментализма, впервые обратившейся к сфере детства. В русской литературе эта традиция восходит к Н. Карамзину, Л. Толстому и К. Аксакову. По-разному она продолжена В. Короленко, Н. Гаршиным, М. Горьким, Ал. Толстым, Б. Пастернаком. Шмелев предложил свою оригинальную художественную концепцию.

¹⁶⁰ Новый мир. – 1964. – №1. – С. 124. С. 124.

¹⁶¹ Суворова Л. Живая старина Ивана Шмелева: Из истории создания «Лета Господня». – М., 2006. – С. 292-293.

Писатель создал своеобразный тип мемуарного повествования, в котором воспроизведение эпизодов далекого прошлого, протекающих как бы в настоящем времени («Второй день Рождества, и у нас делают обед – “для разных”»¹⁶²; «Отец посылает Горкина на Москва-реку, на ледакольню, чтобы навел порядок»¹⁶³), сочетается с лирическими комментариями автора к этим событиям. Так в повествовании возникает двойное видение: детское, наивное, неискусственно-чистое и взрослое, умудренное жизнью. Часто не представляется возможным разделить фигуру автора и образа автобиографического героя. Маленький Ваня не рассказывает, он живет в художественном мире прошлого, который представлен читателю. Присутствие автора порой не видимо, не слышимо, но он ведет все повествование, собирая из лоскутков памяти цельное полотно текста. Автор иногда дает о себе знать лишь лирическим вздохом в конце главы:

«Где они все? Нет уже никого на свете.

А тогда – о, как давно-давно! – в той комнатке с лежанкой, думал ли я, что все они ко мне вернутся через много лет, из далей... совсем живые, до голосов, до вздохов, до слезинок, – и я приникну к ним и погрузу!»¹⁶⁴

Среди художественных особенностей выбранных редакцией «Нового мира» фрагментов повести – стилевой полифонизм и интонация повествования, которую заметил еще И. Ильин, сказав, что «Лето Господне» написано тоном «поющего описания»¹⁶⁵. Литературная лексика переплетается с диалектизмами, сохраняющими свои фонетические особенности, с пословицами и поговорками, народными песнями, старомосковская речь звучит с владимирским оканьем:

«– Гони, Ондрюшка, – торопит Горкин, – вот те два! Денис-то и вправду именинник нонче, теперь чего уж с ними... Погоняй, Ондрюша, погоняй...»¹⁶⁶;
«Пискун неожиданно выходит на середину комнаты и раскланивается,

¹⁶² Шмелев И. Из прошлого // Новый мир. – 1964. – №1. – С. 124.

¹⁶³ Там же. С. 130.

¹⁶⁴ Там же. С. 129.

¹⁶⁵ Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин – Ремизов – Шмелев. – Мюнхен, 1959. – С. 175.

¹⁶⁶ Шмелев И. Из прошлого. С. 131.

прижимая руку к груди. Закидывает безухую голову свою и поет в потолок так тонко-нежно: “Близко города Славянска... на верху крутой горы...”¹⁶⁷; « – ...и вот вошла она, Глафира... розовая, как купидом. И я к ней пал! К ногам красавицы. И подал ей лисий воротник! Так вся и покраснела, а потом стала белая как мел. И говорит: “Ах, зачем вы... так израсходовались <...> Ах, возьмите немедленно вашу прекрасную лисичку, ибо я, к великому моему сожалению, обретаюсь с другим человеком, увы! <...> Но неужто, – говорит, – вы и самделе могли вообразить, будто я из вашего драгоценного подарка могу преступить?! Как, – говорит, – вам не совестно! Как, – говорит, – вам не стыдно при благородной душе вашей!..”»¹⁶⁸.

Органичное сплетение просторечий, диалектизмов, литературной речи и высокого церковного слога, а также неповторимый шмелевский сказ помогают воссоздать наивную непосредственность простонародного говора москвичей конца XIX столетия.

Тот факт, что в официальном советском журнале были опубликованы фрагменты книги православной тематики, было беспрецедентным случаем в истории литературы советского периода, принимая во внимание, что в России произведение полностью вышло только в 1988 году. Обращение А. Твардовского в 1964 году к книге «Лето Господне», его внимание к глубоким традициям России, представляется очень своевременным в эпоху поисков дальнейшего развития страны после XX съезда партии.

Так, публикация фрагментов книги И. Шмелева «Лето Господне» органично вошла и в контекст журнальной книжки «Нового мира», и в контекст русской литературы шестидесятых годов.

В майском номере журнала за 1965 год к двадцатилетию Победы в Великой Отечественной войне вышли воспоминания Л. Пантелеева о последнем блокадном месяце в Ленинграде. Произведение представляет собой путевой дневник, который вел Л. Пантелеев, находясь в командировке в

¹⁶⁷ Шмелев И. Из прошлого. С. 128.

¹⁶⁸ Там же. С. 129.

Ленинграде. Под названием «Январь 1944» дневниковые записи выйдут в сборнике «Живые памятники» в 1966 году. В этой же книге – дневники Л. Пантелеева о самом тяжелом периоде блокады Ленинграда «В осажденном городе», которые вел писатель, находясь на грани жизни и смерти, вплоть до эвакуации в июле 1942 года.

Свои записи Л. Пантелеев начинает 8 января 1944 года в Москве. Кратко и емко, основными штрихами создан образ праздничной новогодней столицы, из которой отправляется автор в блокадный Ленинград: «В Москве весь день шел густой святочный снег. Было тепло. На улицах обычная московская сутолока. На афишах – гастроль Виталия Лазаренко, эквилибристов Буслаевых, премьера в Государственном еврейском театре, концерты, лекции. В Колонном зале – по случаю новогодних каникул – детская елка. У Малого театра – очередь, осыпанные снегом толпятся болельщики, барышники... Москва – почти мирная. С кремлевских стен смывают маскировочную размалевку»¹⁶⁹.

Путь до Ленинграда лежит через Калинин, Тихвин, Волховстрой, и чем дальше поезд отходит от Москвы, тем отчетливее видны следы оккупации, тем явственнее отпечатки войны: «В сумерках подошли к Тихвину – городу, прославленному ныне побоищем, разыгравшимся у его стен.

Впрочем, и тут никаких явных, бросающихся следов. Потом вглядываешься и видишь, что и вообще ничего нет. Никакого города. Никаких стен. Бесформенное нагромождение деревянных одноэтажных и двухэтажных домов, редкие деревья. У вокзала полуразрушенная часовня. Здание вокзала изранено, стены исцарапаны пулями, осколками. Огромная брешь заделана кирпичом и не оштукатурена. <...>

Волховстрой.

Вот тут действительно была война.

Вокзала нет. Зияющие дырами остовы зданий.

Сплошное нагромождение битого камня.

¹⁶⁹ Пантелеев Л. Из Ленинградских записей // Новый мир. – 1965. – №5. – С. 142.

Глядеть на все это страшновато»¹⁷⁰.

Цель дневниковых записей Л. Пантелеева – создание образа Ленинграда – города, пережившего огромное горе, «отчизны иссеченной, усталой, больной» (О. Берггольц). Портрет города-героя складывается из описания его домов, улиц, портретов его жителей, случайных разговоров, впечатлений.

Так в первый день по приезде автор как будто не замечает перемен, произошедших в городе с начала войны: «Перспектива Невского тонет в предутренней мгле. Людей на улице очень немного, но, по-видимому, больше, все-таки, чем в другое время. Спешат на работу.

Походка у всех бодрая. Дистрофических лиц не видно. И не видно на площади развалин. Силуэт города по первому впечатлению не изменился»¹⁷¹.

По прибытии домой картина меняется: «... в мою комнату страшно заходить. К моему приезду там навели порядок, но до чего же убогий этот порядок. Стены и потолок черны от копоти. В комнате шесть-семь градусов мороза! Стекла не вставлены. Фанера еле держится. А ведь я жил здесь всю долгую зиму 1941/42 года»¹⁷².

Наблюдая за ленинградцами, Л. Пантелеев не устает удивляться отзывчивости этих людей, несмотря (а, возможно, и благодаря) перенесенным лишениям и страданиям, умению забыть о себе в пользу ближнего: «Спросишь на улице, как пройти туда-то, где остановка трамвая или в этом роде, – сразу же отзываются все, кто поблизости. Отвечают любезно, если не знают – извиняются. В трамваях... нет, врать не буду, в трамваях ругаются, конечно, но как-то, я бы сказал, не по-настоящему, а как будто в театре, да еще на утреннем спектакле – для детей»¹⁷³; «Обедал вчера за одним столиком с человеком, который сиял необыкновенно: он только что избежал очень большой опасности – в пятидесяти шагах от него разорвался снаряд (на станции II Финляндская, на железнодорожных путях). Но говорит он больше о другом:

¹⁷⁰ Пантелеев Л. Из Ленинградских записей. С. 144.

¹⁷¹ Там же. С. 147.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же. С. 156.

– Вы представляете, какая счастливая случайность: за две минуты до этого с этих путей ушел воинский эшелон»¹⁷⁴.

Л. Пантелеев запечатлевает в своем дневнике психологию ленинградцев, в течение длительного времени находившихся на грани жизни и смерти от голода, болезней, бомбежек, «привыкших» к смертельной опасности, уже не реагирующих на звуки разрывающихся снарядов и не теряющих чувство юмора даже в оккупированном городе: «Пресловутый “коридор смерти” прошли ночью, задавая храповицкого»¹⁷⁵; «Табак “эрзац”, в состав которого входила всякая дрянь вплоть до коры, мха, листьев и мочалы, шутники-ленинградцы называли “елки-палки”, “лесная былль”, “сказка Венского леса” и даже “матрац моей бабушки”»¹⁷⁶; «Сегодня вечером шел по улице Чайковского и вдруг над головой – знакомое и уже забытое: п-и-и-и-и-у-у-у!..

И через секунду-две где-то в приличном отдалении раскатистый грохот.

Один, другой, третий удар.

А на улице все по-прежнему. Шел тихий святочный снег. Дети катались на финских санках. На приступке подъезда пожилая женщина колола березовые полешки.

Люди шагали, не обращая внимания на это зловещее курлыканье вражеских снарядов. Было в этом что-то и умилительное и – страшное, противоестественное.

<...> А за окном все бухало и грохало»¹⁷⁷;

Казалось бы, военные дневники Л. Пантелеева уместнее всего было опубликовать в специальном разделе журнала «Дневник писателя». Но редакция помещает мемуары Л. Пантелеева в первый раздел, где, как правило, публикуются художественные произведения в прозе и стихах. В этом же разделе вышли «воспоминательные» произведения В. Каверина, В. Катаева, Л. Пастернака, И. Эренбурга.

¹⁷⁴ Пантелеев Л. Из Ленинградских записей. С. 163.

¹⁷⁵ Там же. С. 146.

¹⁷⁶ Там же. С. 157.

¹⁷⁷ Там же. С. 147-148.

«Дневник писателя» – особый раздел «Нового мира», где размещались произведения, в которых автор делился своим писательским, читательским и просто жизненным опытом. Как верно заметила Н. Банк, рассуждая об особой тенденции литературы шестидесятых годов – широкой публикации дневников и записных книжек писателей: «Речь идет о том искреннем, “от сердца к сердцу” разговоре, который она (*литература. – М.М.*) ведет с читателем устами своих художников»¹⁷⁸.

В данном разделе были опубликованы произведения К. Чуковского «О соразмерности и сообразности» (1961), Е. Дороша «Книги о наших предках» (1962), «Художник и книга» (1963), В. Каверина «За рабочим столом» (1965), «Несколько лет» (1966), «Собеседник» (1969) и т.д.

«Записные книжки, дневники как исходная ступень творчества, как “основание для будущих рассказов и очерков”, по словам Н. Тихонова о фронтовых записях Э. Капиева»¹⁷⁹, – пишет Н. Банк в статье «Истоки и обобщения». Действительно, дневники В. Каверина «Несколько лет» и «За рабочим столом» станут фундаментом для его большой книги мемуаров «Эпилог» (1988), которая будет рассмотрена в заключающей работу главе.

«Собеседник» – заметки В. Каверина о том, как важен читательский опыт в профессии писателя. Автор рассказывает о том, какую роль сыграло детское чтение и школьные уроки литературы в его личностном и профессиональном формировании, предлагает свой взгляд на преподавание литературы: «надо учить не литературу, а литературой (*разрядка автора – М.М.*), потому что в мире не существует более сильного и прекрасного средства, чтобы заставить людей прямо смотреть друг другу в глаза»¹⁸⁰.

В. Каверин, приводя свой опыт писателя, говорит о том, что читатель не прощает ошибок, и потому важно придерживаться истинности, особенно в деталях: «В “Двух капитанах” я воспользовался неразборчивым факсимиле

¹⁷⁸ Банк Н. Истоки и обобщения // Нева. – 1968. – №12. – С. 173.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Каверин В. Собеседник. Заметки о чтении // Новый мир. – 1969. – №1. – С. 158.

письма лейтенанта Брусилова к матери, и дотошный школьник не только добрался до источника, но доказал, что два слова были прочитаны неверно. Истина деталей – сама по себе деталь в той общей картине достоверности, без которой не может существовать искусство»¹⁸¹.

В. Каверин указывает на недостаток, присущий многим современным ему писателям, – неначитанность: «В наше время писатель без библиотеки – явление обыкновенное. Незнание собственной литературы – факт, к сожалению, часто встречающийся среди писателей разных поколений. Одни скрывают этот недостаток, другие наивно считают его самобытностью, третьи им гордятся»¹⁸². Автор настаивает на невозможности создания качественной литературы без учета опыта других поколений: «Медленное, профессиональное чтение оставляет глубокий след в работе писателя, и наметанный глаз без малейшего труда определяет степень этой начитанности в каждом романе или рассказе. <...> Круг чтения, начавшегося в детские годы, постоянно превращается в круг профессионального чтения и, таким образом, становится орудием художественного познания. Никому еще не удавалось начать литературу сызнова...»¹⁸³.

В 1962 году к восьмидесятилетию К.И. Чуковского «Новый мир» опубликовал его мемуары об А.И. Куприне. Чуковский был «своим» человеком в «Новом мире». В. Лакшин вспоминал о нем: «Раза два или три я видел мельком Чуковского в редакции “Нового мира”. Само собой разумеется, он не узнавал меня в коридорах журнала, где со всех сторон несло: “Здравствуйте, Корней Иванович!” – и он одинаково любезно раскланивался направо и налево. Однажды я был немым свидетелем появления Корнея Ивановича в кабинете Твардовского. Это было в 1963 году, сразу после публикации в “Правде” большого интервью Твардовского Леонарду Шапиро (оно было актом дерзкой самозащиты журнала). Чуковский неожиданно залетел в кабинет редактора, где

¹⁸¹ Каверин В. Собеседник. Заметки о чтении. С. 163.

¹⁸² Там же. С. 162.

¹⁸³ Там же. С. 167-169.

в ту пору находился и я, и, согнувшись в приветствии едва ли не пополам, возгласил, обращаясь к Александру Трифоновичу:

– Низкий вам поклон от всех, искренне чтущих русскую литературу за ваш... фельетон.

Именно так, по-старинному, он и произнес это словечко, как бы с двумя “ё”, и Твардовский расхохотался неожиданному определению жанра своей по необходимости суховатой, с привкусом официоза статьи-интервью.

После ухода Корнея Ивановича он еще долго веселился, повторяя на разные лады: “Фельетон... Вы подумайте, каков старик! И не поленился зайти поздравить – вот забытые литературные нравы... Фельетон... Пожалуй, он так еще в “Биржевых новостях” Куприну или Власу Дорошевичу мог говорить”¹⁸⁴.

Воспоминания о Куприне редакция поместила в раздел «Дневники. Воспоминания» и снабдила очень теплым предисловием, в котором общая характеристика литературного творчества писателя сочетается с личными пожеланиями здоровья, творческих успехов и т.д.

Очерк Чуковского, не имея единого сюжета, сложился из отрывочных заметок. Образ Куприна возникает из отдельных сюжетов его жизни, эпизодов, из разговоров автора со своим героем, случайных реплик, фрагментов его произведений. Воспоминания Чуковского идут в ногу со временем, с развитием и раскрепощением литературы. Куприн предстал в воспоминаниях Чуковского как человек, а не литератор, – живой, сложный, со своими причудами, слабостями, вредными привычками, обаятельный, любознательный, жадный до жизни, участливый и отзывчивый. Чуковский с увлечением рассказывает о разнообразных занятиях Куприна, которому «была ненавистна всякая мысль о литературной иерархии, у него было столько живых интересов...»¹⁸⁵. Чтобы всесторонне и тщательно изучить русский быт, Куприн наблюдал, как живут и работают люди всевозможных профессий: инженеры, циркачи, банкиры, шарманщики, конокрады: «В 1902 году в Одессе газетный репортер Леон

¹⁸⁴ Лакшин В.Я. Голоса и лица. С. 444.

¹⁸⁵ Чуковский К. Куприн // Новый мир. – 1962. – №3. – С. 194.

Треcek познакомил его с начальником одной из пожарных команд. Куприн воспользовался этим знакомством, и когда в центре города на Екатерининской улице загорелся среди ночи набитый жильцами дом, Куприн в медной каске помчался туда вместе с отрядом пожарников и работал в пламене и в дыму до утра. <...> Чтобы изучить досконально промысел рыбаков-“листригонов”, он целыми сутками пропадал вместе с ними на утлых баркасах среди бурного моря, ежечасно грозящего гибелью»¹⁸⁶.

Мемуары Чуковского не претендуют на научность и создание хрестоматийного образа Куприна. Куприн в его очерке «вечно рыскал»¹⁸⁷, «помчался»¹⁸⁸, «пропадал»¹⁸⁹, «бродил»¹⁹⁰. Более того, Чуковский предлагает читателю два взгляда на Куприна, в связи с чем, в мемуарах возникают два противоположных образа писателя. Первый Куприн представляется нам человеком энергичным, необыкновенной физической силы, увлеченным жизнью, неутомимым в своих поисках и исследованиях: «В то время Александр Иванович производил впечатление человека даже чрезмерно здорового: шея у него была бычья, грудь и спина – как у грузчика; коренастый, широкоплечий, он легко поднимал за переднюю ножку очень тяжелое старинное кресло. Ни галстук, ни интеллигентский пиджак не шли к его мускулистой фигуре: в пиджаке он был похож на кузнеца, вырядившегося по случаю праздника. Лицо у него было широкое, нос как будто чуть-чуть перебитый, глаза узкие, спокойные, вечно прищуренные – неутомимые и хваткие глаза, впитывавшие в себя всякую мелочь окружающей жизни»¹⁹¹. Другой Куприн – пьющий, инертный, опустившийся человек, проводящий свое время в компании бывших писателей и мелких журналистов, погубивших свой талант в кабаках: «Больно было видеть среди этих людей Куприна – отяжелевшего, с остекленелым лицом. Он грузно и мешковато сидел у стола, уставленного пустыми

¹⁸⁶ Чуковский К. Куприн. С. 198.

¹⁸⁷ Там же. С. 192.

¹⁸⁸ Там же. С. 198.

¹⁸⁹ Там же. С. 199.

¹⁹⁰ Там же. С. 201.

¹⁹¹ Там же. С. 193-194.

бутылками, и разбухшая багровая шея мало-помалу становилась у него неподвижной. Он уже не поворачивал ее ни вправо, ни влево – весь какой-то оцепенелый и скованный. Только его необыкновенно живые глаза ни за что не хотели потухнуть, но потом тускнели и они, голова опускалась на стол, и он погружался на долгое время в мутную, свинцовую полудремоту. Для меня всегда оставалось загадкой, почему такой сильный, волевой человек, безбоязненно входивший в клетку к тиграм, не может вырваться из пьяной, забубенной среды и преодолеть ее жестокое влияние»¹⁹².

В течение многих лет Чуковский, близко знавший Куприна, наблюдал его то в одном, то в другом состоянии, искренне ему сопереживал и неоднократно пытался вытащить из пьяного угара, увезти на природу, столь любимую русским писателем: «Здесь, на природе, вдали от городских искушений, он воскресал и светлел, и я видел в нем былого Куприна, сильного художника, упоенного жизнью, сжигаемого страстным любопытством ко всему, что творится вокруг»¹⁹³.

Но есть в воспоминаниях Чуковского и третий Куприн – писатель, прошедший восемнадцать лет в эмиграции и вернувшийся в Россию на закате своей жизни: «В 1937 году Куприн возвратился на родину такой изможденный и хилый, что его невозможно было узнать, словно его подменили. В этом немощном, подслеповатом человеке с такой тоненькой шеей, с таким растерянным, изжелта бледным лицом не осталось ни единой черты от того Куприна, какой запечатлен в его книгах»¹⁹⁴.

Задача мемуариста, как и всякого художника, состоит в том, чтобы сказать что-то новое, показать человека с еще неизвестной стороны. Так, Чуковский приводит неизвестные широкой аудитории факты из биографии Куприна, которые можно было бы назвать сугубо личными и даже интимными, если бы сам Куприн не сообщал о подобных случаях своим друзьям и

¹⁹² Чуковский К. Куприн. С. 200-201.

¹⁹³ Там же. С. 202.

¹⁹⁴ Там же. С. 210.

знакомым. В частности, это относится к истории создания известного романа «Поединок». Мемуарист рассказывает, как супруга Куприна Мария Карловна (которая, «крепко верила в дарование мужа и твердой рукой направляла его»¹⁹⁵) потребовала разъехаться с ним, пока он не закончит «Поединка», и как, вследствие этого, Куприн начал «с удесятенной энергией» писать роман, и тотчас, закончив главу, мчался к возлюбленной, и как однажды схитрил, подсунув жене старый отрывок. Описания подобных случаев часто встречаются на страницах воспоминаний Чуковского. Мемуарист приводит пример перевода Куприным стихотворения Гейне, говорит и о стихотворных опытах самого Александра Ивановича: «Мало кому известно, что Куприн и сам был очень неплохим стихотворцем. Стихи сочинял он на все случаи жизни, главным образом шуточные экспромты: басни, эпиграммы, всевозможные “юморески”, пародии. Лирика плохо давалась ему»¹⁹⁶.

К. Чуковский на нескольких страницах старается создать максимально емкий образ Куприна, складывающийся из портретных характеристик, описания разных особенностей его характера, как общеизвестных, так и малозаметных (например, мемуарист пишет об отзывчивости и участливости Куприна к другим людям¹⁹⁷), воспоминаний его супруги Марии Карловны, Ивана Бунина, стихотворений Саши Черного, сведений из трудов его биографа В. Афанасьева, а также фрагментов собственных произведений Куприна, имеющих автобиографические черты; но главное при создании разностороннего образа Куприна – это рассказы Чуковского о многочисленных эпизодах из жизни своего героя, свидетелем и соучастником которых был сам автор, лучше всего свидетельствующих о личности русского писателя.

В ином русле написаны воспоминания Чуковского-младшего, Николая Корнеевича, «Что я помню о Блоке», опубликованные в 1967 году в разделе «Литературная критика». Как справедливо пишет в предисловии редакция,

¹⁹⁵ Чуковский К. Куприн. С. 195.

¹⁹⁶ Там же. С. 203.

¹⁹⁷ Там же. С. 209.

«воспоминания Н. Чуковского, не претендуя на сколько-нибудь полную характеристику Блока, дают некоторые новые штрихи к биографии поэта и рисуют атмосферу самых первых лет развития советской поэзии»¹⁹⁸.

Текст мемуаров строго разделен на три части. В первой, под названием «Я видел Блока», автор создает свой неповторимый образ Блока, состоящий из портретной и психологической характеристик героя, меняющихся с течением времени, рассказов о различных эпизодах из жизни поэта.

Как и воспоминания К. Чуковского о Куприне, очерк Н. Чуковского о Блоке начинается в духе «оттепели» весьма нетрадиционно и даже несколько эпатажно – со встречи юного Николая Чуковского с совершенно пьяным Блоком. Как пишет сам автор, «вероятно, я и запомнил его только оттого, что папа назвал его пьяным. В нашей непьющей семье мне никогда не приходилось встречаться с пьяными, и пьяные очень волновали мое воображение»¹⁹⁹. Очень важен в этой встрече портрет Блока, который навсегда остался в памяти автора как символ дореволюционного литературного мира: «... лицо его я запомнил прекрасно – оно было совсем такое, как на известном сомовском портрете. Он был высок и очень прямо держался, в шляпе, в мокром от дождя макинтоше, блестящем при ярком свете электрических фонарей»²⁰⁰. Через семь лет поэт в глазах Н. Чуковского изменится до неузнаваемости, «хрестоматийный» Блок превратится в обыкновенного, ничем не примечательного и даже несимпатичного обывателя: «Мне казалось, что от того Блока, которого я видел в 1911 году, не осталось ни одной черты – так он изменился. Он больше нисколько не был похож на сомовский портрет. Он обрюзг, лицо стало желтым, широким, неподвижным. Держался он по-прежнему прямо, но располневшее тело с трудом умещалось во френче, который он носил в те годы. Впрочем, я видел его и в пиджаке. Теперь он казался высоким только когда сидел: когда он вставал, он оказывался человеком чуть выше среднего роста»²⁰¹.

¹⁹⁸ Чуковский Н. Что я помню о Блоке // Новый мир. – 1967. – №2. – С. 229.

¹⁹⁹ Там же. С. 229.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

Блок, как следует из названия очерка, является главным героем мемуаров Н. Чуковского. Однако, в отличие, например, от мемуаров отца, в данном произведении вполне отчетливо выражен образ вспоминающего. Например, читатель узнает о литературных пристрастиях юного Н. Чуковского: «Мне было пятнадцать лет, я знал большинство стихотворений Блока наизусть и боготворил его. Ни одно явление искусства никогда не производило на меня такого впечатления, как в те времена стихи Блока; я все человечество делил на два разряда – на людей, знающих и любящих Блока, и на всех остальных. Эти остальные казались мне низшим разрядом»²⁰². Н. Чуковский неоднократно посещал поэтические вечера, на которых Блок читал свои произведения, о чем подробно и с большим воодушевлением рассказывается в мемуарах. Автор описывает интонацию Блока, его поведение на сцене, эмоции и, конечно, свои чувства во время этих чтений. Благоговение и робость испытывал Николай Корнеевич при каждой встрече с Блоком вплоть до 1921 года. Весть о смерти любимого поэта, который был для него «выше всего на свете», стало ударом для Н. Чуковского, о чем он откровенно делится с читателем: «Я плакал весь день. Мой приятель и однолесток Петя Гагарин, никогда до тех пор не слышавший о Блоке, спросил меня:

– А что, Блок твой родственник?»²⁰³.

Нескрываемое субъективное отношение автора к поэту придает трактовке образа Блока порой неожиданные оттенки. Благодаря тому, что мемуары написаны человеком, равнодушным к своему герою и при встречах пронизательно наблюдающим за ним, улавливающим малейшие оттенки его чувств, пытающимся угадать движения души поэта, в тексте тонко воспроизведена манера поведения Блока в разных обстоятельствах, свидетелем которых был Н. Чуковский. Например, поэтический вечер в «Доме искусств» в 1920 году, где Блок читал «Что же ты потупилась в смущеньи?»: на невысокой эстраде не было ни стола, ни кафедры «он стоял... весь открытый публике, и,

²⁰² Чуковский Н. Что я помню о Блоке. С. 230.

²⁰³ Там же. С. 232.

кажется, смущенный этим. <...> Блок читал глухим голосом, медленно и затрудненно, переступая с ноги на ногу. Он как будто с трудом находил слова и перебирал ногами, когда нужное слово не попадалось. От этого получалось впечатление, что мучительные эти стихи создавались вот здесь, при всех, на эстраде»²⁰⁴.

Или воспоминание о чтении «Двенадцати» его женой, Л.Д. Менделеевой: «на этот раз там стоял столик, ничем не покрытый, Любовь Дмитриевна находилась позади столика, а Блок сидел сбоку на стуле, печально опустив голову и обратив к публике свой профиль. Любовь Дмитриевна читала шумно, театрально, с завыванием, то садилась, то вскакивала. На эстраде она казалась громоздкой и даже неуклюжей. Ее обнаженные до плеч полные желтоватые руки металась из стороны в сторону. Блок молчал. Мне тогда казалось, что слушать ее ему было неприятно и стыдно»²⁰⁵.

Во второй части мемуаров Н. Чуковский рассказывает о том, при каких обстоятельствах возник замысел статьи Блока «Русские дэнди». До 1967 года эти сведения не были известны широкому читателю. Близкий друг Николая Чуковского Валентин Иосифович Стенич, молодой поэт, разыграл и обманул Блока, изобразив из себя типичного представителя современной молодежи, испытавшего на себе дурное влияние модернизма, и особенно поэзии Блока. Встретив поэта на улице, Стенич заявил ему: «...мы всем обеспечены и совершенно не приспособлены к тому, чтобы добывать что-нибудь трудом. Все мы – наркоманы, опиисты; женщины наши – нимфоманки. <...> Мы высмеиваем тех, кто интересуется социализмом, работой, революцией. Мы живем только стихами. <...> Нас ничего не интересует, кроме стихов. Ведь мы – пустые, совершенно пустые. <...> Вы же и виноваты в том, что мы – такие... Вы, современные поэты. Вы отравляли нас. Мы просили хлеба, а вы нам давали камень»²⁰⁶.

²⁰⁴ Чуковский Н. Что я помню о Блоке. С. 230.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. С. 232-233.

Первоначальная цель Стенича была – восхитить Блока собой, своими стихами. Но это ему не удалось, т.к. стихи Блоку не понравились. И тогда молодой человек прибегнул к обману, представив Блоку вместо себя вымышленный образ. На самом деле, он был яростным сторонником социализма, никогда в жизни не употреблял наркотиков, редко прибегал к спиртным напиткам, имел множество интересов помимо стихов, и ни о каком «дурном влиянии» на него современной поэзии не могло быть и речи.

Февраль 1918 года был самым трудным периодом в жизни поэта. Он терзался сомнениями, правилен ли был его прежний путь, и правилен ли путь новый. И встреча со Стеничем привела Блока к мучительным рассуждениям по самым болезненным вопросам, плодом чего стала статья «Русские дэнди». Как говорит Н. Чуковский в отношении Блока, «для такого искушения нужен был большой ум. И дар понимания чужой души, даже самой сложной»²⁰⁷. Сам Стенич торжествовал по поводу того, что его обман удался, что придуманный им образ так растревожил и взволновал Блока, что поэт, спустя три месяца после мимолетной встречи с незнакомым юношей, написал целую статью. Валентин Стенич, также как и Николай Чуковский, «благоговел перед Блоком, знал все им написанное наизусть – все три тома стихотворений, и поэмы, и пьесы. Для него Блок был гений, и притом из всех гениев человечества – наиболее близкий ему душевно; когда он читал кому-нибудь стихи Блока, он поминутно снимал очки, чтобы вытереть слезы. Встреча с Блоком была для него грандиозным событием. Тем, что Блок написал об этой встрече целую статью, он гордился до последнего своего дня»²⁰⁸.

Третья часть мемуаров Н. Чуковского «Блок и Гумилев» представляет собой комментарий к статье Блока «Без божества, без вдохновенья» (1921), направленной против Гумилева и его учения о сущности поэзии. Н. Чуковский, знавший и любивший творчество Блока, не менее хорошо разбирался в теории поэзии и стихотворениях Гумилева, так как являлся студентом курсов,

²⁰⁷ Чуковский Н. Что я помню о Блоке. С. 234.

²⁰⁸ Там же. С. 233.

проводимых лидером акмеистов. Мемуарист предлагает свой взгляд на идейную подоплеку спора между символистами и акмеистами. Автор противопоставляет теорию Гумилева, в которой поэзия представлена как сумма «неких механических приемов, абстрактно-заданных, годных для всех времен и для всех поэтов, не зависящих ни от судьбы того или иного творца, ни от любых общественных процессов»²⁰⁹ точке зрения Блока на поэтическое творчество. Теорию поэзии Гумилев представлял наглядно в виде таблицы, состоящей из фонетики, стилистики, композиции и эйдолологии, в которую таким образом можно было вчертить любое стихотворение любого поэта. Тщательно продуманное и сформулированное учение о поэзии Гумилева Н. Чуковский называет «наивнейшей педантской, антиисторичной схоластикой»²¹⁰. Мемуарист задается вопросом: как «подобной мертвечиной мог увлечься живой и страстный поэт в такие бурные годы, на таком крутом историческом переломе?»²¹¹ и здесь же отвечает, что вся акмеистическая схоластика имела определенную цель. Она была от начала до конца полемичной и направлена, «во-первых, против представления, что поэзия является выражением тайного тайных неповторимой человеческой личности, зеркалом подлинной отдельной человеческой души; и, во-вторых, против представления, что поэзия отражает общественные события и сама влияет на них»²¹², то есть, четко против точки зрения на поэзию Александра Блока, которая являла собой «лирический дневник, отражавший душевную жизнь одной отдельной человеческой личности. И именно Блок был отразителем жизни русского общества, написал гениальные стихи о России. <...> И все эти таблицы с анжамбеманами, пиррихиями и эйдолологиями были вызовом Блоку»²¹³. Ответом была статья «Без божества, без вдохновенья», в которой

²⁰⁹ Чуковский Н. Что я помню о Блоке. С. 236.

²¹⁰ Там же. С. 237.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

Блок «вступился за право поэзии отражать человеческую душу, служить своему народу, защищать его правду и мучиться его болью»²¹⁴.

Мемуарный очерк Н. Чуковского «Что я помню о Блоке», опубликованный через два года после смерти самого автора и почти через полвека после того, как ушли из жизни Александр Блок и Николай Гумилев, два мэтра поэзии модернизма, ныне выглядит наивным в той части, что посвящена сопоставлению эстетических позиций Блока и Гумилева, но ценность мемуарной литературы состоит и в том, чтобы погрузить читателя в ту эпоху, о которой повествует мемуарист, и в том, чтобы снабдить исследователя литературы теми фактами, которые до сих пор были недоступны ему.

«Новый мир» в эпоху «оттепели» обрел самостоятельную идейно-эстетическую позицию, – именно это сделало его роль в истории русской литературы XX века очень значимой. Многие мемуары, впервые опубликованные на страницах этого журнала, впоследствии были изданы отдельными книгами, и некоторые из них стали классикой русской литературы. Читателю была представлена возможность ознакомиться с воспоминаниями высокого художественного уровня, разнообразными тематически и жанрово.

²¹⁴ Чуковский Н. Что я помню о Блоке. С. 237.

Глава 2. Мемуарная проза в «Новом мире»: авторская личность – время – герои.

§ 1. «Большая книга воспоминаний»: И. Эренбург «Люди, годы, жизнь»

Мемуары И. Эренбурга публиковались в журнале «Новый мир» с 1960 по 1965 годы. Творчество И. Эренбурга ныне достаточно полно исследовано²¹⁵.

Когда общий замысел мемуаров был определен, и первая часть вышла из-под пера автора, возник вопрос, какой из журналов возьмется этот труд опубликовать. По существу, «Новый мир» был единственным «толстяком», где «Люди, годы, жизнь» могли быть напечатаны. Это хорошо понимал сам автор, и в 1960 году написал письмо А. Твардовскому с предложением о сотрудничестве. Заместитель главного редактора «Нового мира», А. Кондратович, вспоминал: «Эренбург писал, что начал большую работу над воспоминаниями, закончил уже первую книгу и видит, что нигде ее, кроме “Нового мира”, он не сможет напечатать. Он просит А. Т. прочитать книгу, и если А. Т. что-то в ней не понравится, он не будет в обиде, если тот ее не примет к печати. А. Т. тотчас позвонил И. Г. и сказал, что немедленно пришлет курьера, а так как Эренбург жил недалеко от редакции, рукопись через 15 минут лежала у А. Т. на столе <...>. Я не сказал бы, что А. Т. был в восторге от этих воспоминаний. Многое в них раздражало его, но он сразу же

²¹⁵ Полное издание мемуарной книги, без сокращений и купюрных изъятий, впервые вышло в 1990 году, подготовленное Б. Фрезинским, ведущим исследователем творчества писателя (название итоговой исследовательской книги: «Об Илье Эренбурге. Книги, люди, страны: избранные статьи и публикации». – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 904 с.) Не менее важна книга А. Рубашкина «Илья Эренбург. Путь писателя», в которой при исследовании мемуаров «Люди, годы, жизнь» большое внимание уделено методике создания Эренбургом галереи портретов современников, публицистической составляющей книги мемуаров. Представлены первые отзывы критиков на первую книгу воспоминаний, опубликованную в журнале «Новый мир» в 1960 году, и реакция Эренбурга на них. А. Рубашкин настаивает на том, что «Люди годы, жизнь» написаны в жанре «художественного документа», законы которого устанавливаются индивидуально каждым писателем: «Свободный жанр эренбургского повествования предполагал не только легкость перехода от одного десятилетия к другому, сопряжение далеких, казалось бы, друг от друга событий, но и естественное обращение к собственным стихам, которые звучат не как самоцитаты, а как продолжение раздумий, только в иной форме... Но была и проза, звучащая как стихи, – так возникали краски Испании или краски Парижа» (Рубашкин А. Илья Эренбург. Путь писателя. – Л., 1990. – С. 506.).

почувствовал значение мемуаров – и в творческой биографии самого Эренбурга, и вообще в нашей литературе»²¹⁶.

«Люди, годы, жизнь» – это мемуарная хроника, в которой И. Эренбург представляет крупное полотно общественно-политической, военной и культурной жизни не только России, но и стран Европы. Учитывая тяготение сочинения Эренбурга «Люди, годы, жизнь» к жанру мемуарного романа-эпопеи, отметим, что главным для автора является не отражение жизненных перипетий автобиографического героя, а создание эпического портрета эпохи. Эренбург как художник-монументалист старается поместить на свое полотно как можно больше лиц, событий, фактов своей и чужой биографий. Четкая, но во многом противоречивая картина пережитого проступает сквозь субъективные авторские зарисовки, портреты, мнения: «Я не собираюсь связно рассказать о прошлом – мне претит мешать бывшее в действительности с вымыслом... Я буду рассказывать об отдельных людях, о различных годах, перемежая запомнившееся моими мыслями о прошлом»²¹⁷.

М. Кузнецов, познакомившись с первыми частями мемуарной книги Эренбурга, отметил жанровое новаторство книги: «И все же это не только и даже не столько мемуары. Это весьма своеобразное художественное произведение, основной стержень которого – размышление о прошлом и настоящем, раздумья над историей для понимания сущности человека завтрашнего дня. Это мемуарный роман нового, современного типа»²¹⁸.

Художественное время – важный компонент мемуарного произведения. Время в мемуарах И. Эренбурга полностью подчинено воле автора. Зачастую оно содержит установку на хронологичность, как в документальных текстах, однако не всегда авторская мысль следует за ходом истории.

Говоря о движении времени в книге «Люди, годы, жизнь», заметим, что зачастую время идет от настоящего к прошлому. Циклу воспоминаний

²¹⁶ Кондратович А. Новомирский дневник, 1967-1970. – С. 107-108.

²¹⁷ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1960. – №8. – С. 26.

²¹⁸ Кузнецов М. Человечность! О тенденциях современной прозы // В мире книг. – 1963. – №1. – С. 23.

Эренбурга предшествует пояснение, в котором автор с позиции «сегодня» говорит нам и о сравнительно недавнем прошлом, фигурирующем в тексте как «давно», и о давно прошедшем времени – событиях, которые станут предметом его мемуаров: «Давно мне хочется написать о некоторых людях, которых я встретил в жизни, о некоторых событиях, участником или свидетелем которых был; но не раз я откладывал работу: то мешали обстоятельства, то брало сомнение – удастся ли мне воссоздать образ человека, картину, с годами потускневшую, стоит ли довериться своей памяти. Теперь я все же сел за эту книгу – откладывать дольше нельзя»²¹⁹.

Временные пласты находятся в различном, подчас сложном соотношении в мемуарах. В книге Эренбурга «Люди, годы, жизнь» прошлое и настоящее, с одной стороны, изображены автором по принципу контраста: «Когда я вспоминаю улицы моего детства, мне кажется, что я это видел в кино»²²⁰; «Я понял, что я не только родился в XIX веке, но что в 1916 году я живу, думаю, чувствую, как человек далекого прошлого. Я понял также, что идет новый век и что шутить он не будет»²²¹. С другой стороны, при создании литературных портретов мемуарист обращается не только ко времени описываемых событий, но и к прошлому, и будущему своих героев. Таким образом, прошлое представлено не единым монолитом, а естественно текучим, меняющимся, движущимся временным потоком. Оказывается, что оно состоит из разновременных и даже перемежающихся по воле писателя уровней. На всё это может накладываться фрагментарность и нехронологичность самих воспоминаний. Так, повествование Эренбурга о Мандельштаме начинается с совместного их пребывания в Коктебеле. Затем время начинает «прыгать»: «Познакомился я с Осипом Эмильевичем в Москве... Лето 1934 года я искал его в Воронеже... В последний раз я его видел весной 1938 года в Москве... Мы оба родились в 1891 году»²²².

²¹⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1960. – №8. – С. 24.

²²⁰ Там же. С. 34.

²²¹ Там же. С. 25.

²²² Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1961. – №1. – С. 141-142.

Черты эпохи обычно возникают перед читателем без каких-либо пояснений, как нечто само собой разумеющееся. Писатель просто рассказывает о прошлом, последовательно описывая произошедшее с ним. Основная функция исторического времени – помочь ввести в действие, организовать внутреннее пространство произведения. Герой изображается во временном потоке, определенной исторической и социальной обстановке.

Эренбург не описывает первую русскую революцию, для автора она важна как причина решающих событий его жизни, произошедших годом позже: «Тысяча девятьсот шестой год определил мою судьбу. Это был шумный и трудный год: еще вскипали волны революции, но начинался отлив. Одни с печалью, другие с радостью говорили, что гроза позади; восстания матросов в Кронштадте и Свеаборге казались последними раскатами грома. Гимназисты уgomонились, вернулись к учебникам: больше не было ни митингов в университете, ни демонстраций, ни баррикад. В тот год я вошел в большевистскую организацию и вскоре распрощался с гимназией»²²³.

Отдельные исторические события выступают в виде своеобразных точек отсчета во внутреннем времени произведения. Автор указывает на даты событий или время года, располагая подобные реплики по всему повествованию: «Когда мне было пять лет, мои родители переехали из Киева в Москву... Это было в 1896 году»²²⁴; «Шел бурный Пятый год»²²⁵; «Седьмого декабря 1908 года генерал Громыко сообщал полтавскому полковнику Нестерову, что “Илья Григорьев Эренбург в гор. Смоленск до сего времени не пребывал”. В тот самый день Илья Григорьев, высунувшись из окна вагона третьего класса, недоверчиво глядел на зеленую траву и на маленькие домики парижских пригородов... Я хорошо помню декабрьский день, когда я вышел из Северного вокзала на грязную шумную площадь...»²²⁶; «... мне хочется рассказать о том, чем я жил и какой видел Испанию весной 1937 года. Разные

²²³ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1960. – №8. – С. 42.

²²⁴ Там же. С. 30.

²²⁵ Там же. С. 41.

²²⁶ Там же. С. 55.

города жили по-разному. Мадрид был фронтом. Валенсия неожиданно стала столицей, искусственной и неправдоподобной, а Барселона оставалась Барселоной – большим городом, с буржуазией, с анархистами, с традициями баррикад и предательств, с сотнями баров на людной Параллели, с беспечностью и вместе с тем трагичностью. Появились карточки, очереди; но душа города не изменилась»²²⁷.

Расширение повествовательного фона и переход в эпический план происходит, когда время воспринимается как эпоха. При этом историческое время превращается в эпическое, и автор вводит широкие временные параллели. Обычно появление эпохального времени проявляется через вечные или обобщенные образы, укрупнение отдельных событий, введение разнообразных ассоциативных связей, параллельное изображение судеб²²⁸.

Так, например, написана глава о Паоло Яшвили и Тициане Табидзе: «Они были связаны между собой не только общими поэтическими воззрениями, но и крепкой дружбой; эта дружба оказалась долговечней литературных школ; и погибли они вместе. А до чего они не походили один на другого! Паоло был высоким, страстным, чрезвычайно энергичным... А Тициан поражал мягкостью, мечтательностью. Он был красив, всегда носил в петлице красную гвоздику; стихи читал нараспев, и глаза у него были синие, как голубые озера...»²²⁹.

Воспоминания Эренбурга о Есенине представляют собой проблемный очерк жизненного пути поэта. Мемуарист анализирует те искания и противоречия, которыми была наполнена жизнь Есенина. Эренбург обращает внимание на то, что уже с молодости Есенин получал в жизни все, что хотел. В юные годы мечтающий о славе, в двадцать пять лет он был ею пресыщен. В семнадцать лет восхищаясь, казалось бы, недостижимой красавицей Айседорой

²²⁷ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1962. – №5. – С. 133.

²²⁸ См. подробнее: Колядич Т. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология) [Электронный ресурс]: дисс. ... д-ра филол. наук. Москва, 1999. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/01000225886> (дата обращения: 12.02.2016).

²²⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1961. – №1. – С. 148-149.

Дункан, через десять лет он стал ее мужем: «Он хотел поглядеть мир и одним из первых пронесся по всей Европе, увидел Америку. Женщины в него влюблялись. Старые негры и парижские сорванцы ему сочувственно подмигивали. Горький плакал, когда он ему читал стихи. Он делал все, что ему хотелось, и даже строгие блюстители советских нравов глядели сквозь пальцы на его буйные выходки»²³⁰. Казалось бы, все его мечты сбывались. Но, – продолжает Эренбург, «трудно себе представить человека более несчастного. Он нигде не находил себе места; тяготился любовью, подозревал в кознях друзей; был мнительным, неизменно считал, что скоро умрет»²³¹; «Почему он спился? Почему надорвался в самом начале жизненного и поэтического пути? Почему столько неподдельной горечи даже в его ранних стихах, когда он не пил и не буянил?»²³² – ставит вопросы Эренбург.

Автор рассуждает о характере Есенина, его эстетических взглядах, об окружении поэта. Но не дает исчерпывающих ответов на вопросы. Причину драмы Сергея Есенина мемуарист видит не в расхождении поэта с эпохой, как считали некоторые его современники. Есенин был поэтом своего времени. В его чарующих стихах находили утешение многие люди, испытавшие на себе трагизм первой половины XX века. Быть может, в этом и заключался смысл его жизни, цель его творчества, не сознаваемая им самим.

Эренбург выделяет ряд несомненных художественных достоинств поэзии Есенина. Во-первых, актуальность его стихов во все времена. Есенин очень выразительно передает настроения и ситуации, которые переживает, пожалуй, каждый человек в своей жизни. «Стихи им нужны в часы печали, и тогда на выручку приходит Есенин, который давно умер и о котором они ничего не знают, кроме самого важного: он писал за них и про них»,²³³ – говорит Эренбург о своих молодых современниках. Во-вторых, мастерство поэзии: «Он не писал о том, как делать стихи, никогда не приравнивал труд поэта к

²³⁰ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1961. – №2. – С. 101-102.

²³¹ Там же. С. 102.

²³² Там же. С. 354.

²³³ Там же. С. 103.

производству, но смешно верить, что он был наивным песенником... Есенин много раз говорил мне, что подолгу работает над стихом, черкает, рвет... Есенин не раз себя называл “хулиганом”; но в одном он был почтителен: ценил мастерство»²³⁴. И наконец, в-третьих, Есенин обладал таким качеством, которое отличало тех особенных поэтов, истинных творцов, счет которым – единицы во всей истории литературы, – это определенная прозорливость. После возвращения из Америки он назвал эту страну «железным Миргородом»²³⁵, а «было это в 1923 году, когда Леф прославлял красоту нью-йоркских небоскребов, когда был в моде НОТ (научная организация труда) – за два года до поездки в Америку Маяковского»²³⁶.

Поэтическая установка обосновывала диаметрально противоположные жизненные и творческие взгляды Есенина и Маяковского. Эренбург как писатель-публицист интересуется разностью творческих судеб двух литераторов: «Маяковский подчинял свои настроения идее. Есенин <...> писал, не задумываясь, как ему в ту минуту хотелось... Маяковскому пришлось бороться с непониманием, издевками одних, душевным холодом других, а Есенина понимали и любили при жизни»²³⁷. Пожалуй, лучше всего о разности двух ведущих поэтов эпохи сказал сам Сергей Александрович: “Он (*Маяковский – М. М.*) поэт для чего-то, а я поэт от чего-то”»²³⁸.

Поэзию Есенина Эренбург сравнивает с пением соловья: «Никто не может объяснить, почему нас трогают многие стихи Есенина. Бывают поэты, полные высоких мыслей, блистательных наблюдений, страстных чувств, которые десятилетиями осваивают искусство передать другим свое духовное богатство. А Есенин писал стихи только потому, что родился поэтом»²³⁹.

Илья Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» рисует образ Сергея Есенина как человека, которого он хорошо знал, стихи которого любил, как

²³⁴ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1961. – №2. – С. 103.

²³⁵ Там же. С. 355.

²³⁶ Там же. С. 102.

²³⁷ Там же. С. 101.

²³⁸ Там же. С. 100.

²³⁹ Там же. С. 103.

поэта, перед которым преклонялся. Ответы на свои вопросы о драме Есенина он не формулирует в своем произведении. В мемуарах Эренбурга Есенин – это, прежде всего, человек необыкновенной судьбы, загадку жизни которого невозможно разгадать, потому, что жизнь поэта не поддается анализу.

О значении Маяковского для литературной жизни страны и для развития собственного творчества Эренбург говорит следующим образом: «Маяковский остался для меня огромным явлением и в поэзии, и в жизни века; но непосредственно на меня он никак не повлиял, оставался близким и одновременно бесконечно далеким»²⁴⁰. Маяковский, по мнению Эренбурга, обладал противоречивым характером. Он написал статью «Как делать стихи», считая себя мастером в поэзии. «На самом деле Маяковский хорошо знал те мучения, которые неизменно связаны с творчеством»²⁴¹; «Он казался чрезвычайно крепким, здоровым, жизнерадостным. А был он порой несносно мрачным; отличался болезненной мнительностью: носил в кармане мыльницу и, когда приходилось пожать руку человеку, который был ему почему-то физически неприятным, тотчас уходил и тщательно мыл руки. В парижских кафе он пил горячей кофе через соломинку, которую подавали для ледяных напитков, чтобы не касаться губами стакана. Он высмеивал суеверия, но все время что-то загадывал, обожал азартные игры – орел и решку, чет или нечет»²⁴²; «Он отнюдь не был “монолитом” – большой, сложный, с огромной волей и с клубком порой противоречивых чувств»²⁴³. Сбрасывая с корабля современности всех классиков, «Маяковский сокрушал не только красоту прошлого, но и себя самого»²⁴⁴.

«Его жизнь разбилась о поэзию»²⁴⁵ – такой суровый вывод делает Эренбург. Драма поэта заключалась в тех противоречиях, которыми он себя окружил. Маяковский – неистовый борец за идею, который не гнушается

²⁴⁰ Эренбург И. Люди, годы, жизнь //Новый мир. – 1961. – №1. – С. 107.

²⁴¹ Там же. С. 109.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же. С. 107.

²⁴⁴ Там же. С. 112.

²⁴⁵ Там же. С. 109.

средствами в достижении целей, стремится подчинить свой талант и всю жизнь служению своему идеалу. Но при этом он остается лириком, человеком с особенной поэтической чуткостью, с большим талантом, который вгоняет в неподходящие для себя рамки.

И. Эренбург рассматривает феномен личности Маяковского в контексте его жизни, обращает внимание на то, что, будучи чувствительным человеком, лиричным поэтом, он «наступал на горло собственной песне»²⁴⁶ во имя того, чтобы быть воплощением образа сурового и непоколебимого строителя коммунизма, вдохновителя пролетариата.

Безусловной заслугой Эренбурга стало то, что он легализовал имена М. Цветаевой, О. Мандельштама, Вс. Мейерхольда. Писал Эренбург и о почти неизвестных советскому читателю А. Модильяни, Г. Аполлинере, П. Пикассо, Д. Ривере, М. Шагале.

Остановимся подробнее на литературном портрете Марины Цветаевой. «Я встречал в жизни поэтов, – пишет И. Эренбург, – знаю, как тяжело расплачивается художник за свою страсть к искусству; но, кажется, нет в моих воспоминаниях более трагического образа, чем Марина»²⁴⁷. Для Эренбурга важны черты внешности Цветаевой, в портрете которой доминирует противоречивость: «В ней поражало сочетание надменности и растерянности; осанка была горделивой – голова, откинута назад, с очень высоким лбом; а растерянность выдавали глаза: большие, беспомощные, как будто невидящие – Марина страдала близорукостью. Волосы были коротко подстрижены в скобку. Она казалась не то барышней-недотрогой, не то деревенским пареньком... Марина совмещала в себе старомодную учтивость и бунтарство, высокомерность и застенчивость, книжный романтизм и душевную простоту»²⁴⁸.

²⁴⁶ Эренбург И. Люди, годы, жизнь //Новый мир. – 1961. – №1. – С. 109.

²⁴⁷ Там же. С. 100.

²⁴⁸ Там же. С. 98.

К этому портрету, как к смысловому ядру, примыкают все те события её жизни, которые поразили Эренбурга: пятилетняя дочь, читающая на память стихи Блока в разорённой квартире, муж – офицер Белой армии, семнадцать лет, проведенные в эмиграции, так и не давшей поэту желанной творческой свободы, разочарования в людях и в идеях, гибель младшей дочери и мужа, арест старшей, одиночество, сопровождавшее её с отрочества до конца жизни.

Глава о Марине Цветаевой фактически представляет собой небольшую повесть, где автором сжато передан весь ее жизненный путь. Повествование это глубоко психологично, оригинально нарисован внешний облик поэта. Особое место занимает анализ ее творчества. Это отличает мемуары Эренбурга от автобиографического произведения Пастернака, где образ Цветаевой дан в контексте не столько истории XX века, сколько в контексте жизненного пути самого Пастернака.

Предмет изображения Эренбурга – частная и общественная жизнь человека, его творческая деятельность, отношения с властью. Литературные портреты в книге Эренбурга выделены в отдельные разделы и зачастую не имеют явно выраженной связи с биографической канвой книги.

Мемуары, в зависимости от намерения автора, могут быть более или менее «автобиографичными». Помимо разной степени авторского самораскрытия, образ мемуариста может усложняться другими проявлениями авторского «я», например, присутствием автобиографического героя и введением образа повествователя.

В книге «Люди, годы, жизнь» отношения автора и автобиографического героя достаточно прозрачны. В произведении отсутствует прямая авторская оценка автобиографического героя. На протяжении всего цикла мемуарист осмысливает собственную жизнь, поступки и никогда не судит своего героя, так как «за полвека множество раз менялись оценки людей и событий, и чувства невольно поддавались влиянию обстоятельств»²⁴⁹.

²⁴⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1960. – №. 8. – С. 24.

Автобиографический герой Эренбурга почти не имеет слабостей. А. Мелихов подчеркивает, что «мы никогда не видим его растерянным, мечущимся, творящим глупости, а то и подлости, что, увы, бывает практически с каждым из нас, – у него как будто бы даже нет тела: у него никогда не болит живот, не промокают ноги...»²⁵⁰. В книге единичны возгласы удивления, восторга, негодования; в настроении героя доминирует благородная сдержанность: «Сейчас у меня слишком много желаний и, боюсь, недостаточно сил. Кончу признанием: я ненавижу равнодушие, занавески на окнах, жесткость и жестокость отъединения. Когда я писал о друзьях, которых нет, порой я отрывался от работы, подходил к окну, стоял, как стоят на собраниях, желая почтить усопшего; я не глядел ни на листву, ни на сугробы, я видел милое мне лицо. Многие страницы этой книги продиктованы любовью. Я люблю жизнь, не каюсь, не жалею о прожитом и пережитом, мне только обидно, что я многого не сделал, не написал, не догоревал, не долюбил. Но таковы законы природы: зрители уже торопятся к вешалке, а на сцене герой еще восклицает: “Завтра я...” А что будет завтра? Другая пьеса и другие герои»²⁵¹.

В последней книге воспоминаний, когда дистанция между прошлым и настоящим сводится к минимуму, события практически совпадают со временем написания книги, автор в большей степени стремится поразмышлять над известными фактами, которые уже превратились в историю. Он не столько рассказывает о пережитом, сколько стремится осмыслить обстоятельства жизни и поделиться с читателем своими соображениями: «Искусство продолжало меня радовать, открывало на многое глаза. Изобретение кинематографии – заслуга техники, но когда я увидел последние фильмы Феллини, Алена Рене, я понял, что кино начинает находить свой язык, что оно способно не только передать игру гениального мима Чаплина, реальность зримого, динамику

²⁵⁰ Мелихов А. Не забудьте прошлый свет. Эренбург: личность сквозь призму творчества и творчество сквозь призму личности // Звезда. – 2006. – №6. – С. 186.

²⁵¹ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1965. – №4. – С. 83.

событий, но и осветить духоту, темноту душевного мира человека не так, как это делали сцена, книга или холст»²⁵².

Как свидетельствует А. Мелихов, Эренбург в последние годы его жизни воспринимался уже не как реальный человек из плоти и крови, но как легенда, особенно прогрессивной интеллигенцией. Несмотря на многочисленные нападки власти, литературной критики, Эренбург продолжал писать. И на его веку сменилось не одно поколение властителей, не смогших подавить его творческие устремления: «Я знал, начиная эту книгу, что меня будут критиковать: одним покажется, что я слишком о многом умалчиваю, другие скажут, что я про слишком многое говорю... Критиковали, да и будут критиковать не столько мою книгу, сколько мою жизнь. Но начать жизнь сызнова я не могу»²⁵³.

Мемуарная книга И. Эренбурга имеет свойства публицистического произведения, где установка на достоверность является стержнем всего повествования, а художественная обработка допустима только в рамках оформления воспоминаний. В связи с этим, особую роль начинают иметь своеобразные «игры с памятью». Эренбург вынужден был о многом умалчивать, о многом лишь намекать, выражаться очень взвешенно и корректно во всех случаях, когда речь шла о «запретных» темах и событиях. Нет в воспоминаниях Эренбурга даже такого факта из его биографии, как отказ подписать антиеврейский документ, о чем пишет Григорий Свирский в своей книге «На лобном месте. Литература нравственного сопротивления»: «В комбинате “Правды” собрали “государственных евреев” – подписываться под статьей, одобряющей высылку всех евреев, до грудных детей включительно, чтоб спасти-де их от гнева народа... Лев Кассиль, который вслед за генералом Драгунским, историком Минцем и другими уже подписал этот документ (“А куда деваться?” – бурчал он), рассказывал, как Илья Эренбург поднялся и, ступая по ногам и пошатываясь, пошел к выходу... На него

²⁵² Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1965. – №4. – С. 82.

²⁵³ Там же. С. 83.

смотрели с ужасом, как на человека, выпавшего из окна небоскреба. Илья Григорьевич позже сам рассказывал, что испытал в эти минуты, когда впервые решился воспротивиться воле Сталина, то есть умереть. «Я думал, меня возьмут тут же, у выхода из конференц-зала... Вижу, в коридоре никого. Ну, думаю, у гардероба... Нет, дали одеться. Вышел, сказал шоферу: «На дачу самой длинной дорогой...» Эренбург писал в машине письмо-завещание, ни минуты не сомневаясь, что его возьмут у дачи... Эренбург распрямился в конце жизни»²⁵⁴.

В конце шестой книги Эренбург, говоря о своем прежнем обещании подробнее написать о Сталине, публично назвал это обещание легкомысленным и сказал, что вынужден от него отказаться²⁵⁵. Но, скажем, С. Довлатов, выражая мнение определенной части читателей, не смог удержаться от сарказма при размышлении о мере дозволенного и сокрытого в мемуарной книге Эренбурга: «Я одного не понимаю. Почему мои обыкновенные родители все знали, а Эренбург – нет?»²⁵⁶.

Б. Фрезинский свидетельствует о том, что обращался к Эренбургу с просьбой написать о Н.И. Бухарине, на что мемуарист, не называя имени Бухарина впрямую, ответил, что удивлен просьбой: «Главы давно написаны, не могли быть включены в журнал, но, надеюсь, войдут в отдельное издание»²⁵⁷.

Несмотря на недоговоренности, субъективность и «игры с памятью», книга мемуаров «Люди, годы, жизнь» заняла свою нишу в истории русской литературы. О роли, которую она сыграла в культуре постсталинского времени очень точно, с нашей точки зрения, написал А. Мелихов: «Сегодня трудно даже представить, насколько расширила хотя бы полудозволенную картину мира эта книга – она прорубила новое окно не только в Европу, но и в наше собственное непредсказуемое прошлое. Но... если прежде ее ругали за то, что в ней есть, то теперь начали ругать за то, чего в ней нет. И подлинно: Эренбург не покушался

²⁵⁴ Свирский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления 1946-86 г.г. [Электронный ресурс]. – Москва, 1998.- Режим доступа: <http://lib.ru/NEWPROZA/SWIRSKIJ/svirsky1.txt> (дата обращения 01.02.2016).

²⁵⁵ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1965. – № 4. – С. 60.

²⁵⁶ Довлатов С. Собрание прозы в трех томах. Том 2. – СПб, 1993. – С. 189.

²⁵⁷ Фрезинский Б. Илья Эренбург и Николай Бухарин (Взаимоотношения, переписка, мемуары, комментарии) // Вопросы литературы. – 1999. – №1. – С. 333.

на невозможное, а потому очень многое действительно обошел. А что еще хуже – кое о чем высказался прямо-таки в лакировочном духе: планомерное профилактическое истребление людей и структур, способных хотя бы теоретически когда-нибудь сделаться очагами сопротивления, Эренбург уподобил фронтовой ошибке, когда артиллерия бьет по своим»²⁵⁸.

В течение шести лет при всех изгибах идеологической политики в журнале «Новый мир» продолжалось печатание мемуаров Эренбурга, подчас вызывавших яростные нападки цензуры и критики. Не только «внутренний редактор» сковывал автора в стремлении дать широкую картину прошлого, но и идеологические ограничения, в силу которых редакция, несмотря на либеральную направленность журнала, не смогла пропустить несколько глав, а также массу эпизодов и высказываний в книге воспоминаний. Эта проблема будет рассмотрена нами в следующей главе.

§ 2. «Попытка автобиографии»: Б. Пастернак «Люди и положения»

«Люди и положения» – это второй опыт автобиографии Б. Пастернака, законченный в 1957 году и напечатанный в первом номере журнала «Новый мир» в 1967 году в разделе «Литературное наследие». Комментарии к произведению были написаны Евгением Пастернаком, сыном писателя.

«Судьба поэта, уже по одному тому, что он поэт, – есть судьба совсем особая, даже и в том случае, если она целиком совпадает своими внешними событиями с судьбой генерала» (*разрядка автора. – М. М.*)²⁵⁹, – писал в 1927 году Г. Винокур. Жизненный и творческий путь Пастернака в своей исключительности стал источником многочисленных историко-литературных и литературоведческих работ. С конца 1980-х годов актуальной темой для исследователей стала биография Пастернака и, как следствие –

²⁵⁸ Мелихов А. Не забудьте прошлый свет. Эренбург: личность сквозь призму творчества и творчество сквозь призму личности. С. 195.

²⁵⁹ Винокур Г. Биография и культура. – М., 1927. – С. 69-70.

интенсифицировался исследовательский интерес к автобиографической прозе поэта²⁶⁰.

Строгость стиля Пастернака, высокое качество текста, нехарактерная для поэта жанровая форма автобиографии и возможность реабилитации имени одного из самых крупных литераторов XX века, – все это послужило причиной того, что редакция «Нового мира» решила поместить «Люди и положения» на страницы своего журнала.

Как замечено выше, для Пастернака это не первая автобиография. В 1929–1931 годах в журналах «Звезда» и «Красная новь» вышла его автобиографическая повесть «Охранная грамота». «Люди и положения» в каком-то смысле являются для автора переосмыслением своей биографии и – одновременно – своей автобиографии. Произведение начинается с того, что в первых же строках Пастернак критикует предыдущий мемуарный опыт за то, что книга «попорчена ненужной манерностью, общим грехом тех лет»²⁶¹.

Два произведения, несмотря на то, что в обоих рассказано об одном времени, об одних и тех же людях, являют собой пример изменений, произошедших в творческом сознании поэта. Об этом очень точно и выразительно написал В. Каверин: «В первой размышления вступают без обоснованного предлога, вспыхивают, влетают в сознание читателя, как шаровая молния, которая может взорваться, но может и спокойно выплыть в окно, поразив зрителя лишь самым фактом своего существования. Переходы от личного к всечеловеческому – почти на каждой странице. <...> Совсем другая

²⁶⁰ Так, в книге Е. Пастернака «Борис Пастернак: биография» (1989) подробно изложен замысел и история публикаций «опыта автобиографии» «Люди и положения». В книгах Л. Флейшмана «Борис Пастернак в двадцатые годы» (1981) и «Борис Пастернак в тридцатые годы» (1984) представлен детальный анализ «Охранной грамоты», первого автобиографического произведения Пастернака. Статья А. Бема «“Охранная грамота” Бориса Пастернака» (1931) явилась первым откликом на публикацию «Охранной грамоты» в журналах «Звезда» (1929) и «Красная новь» (1931). К. Поливанов в своей работе «Маяковский в “Охранной грамоте” и “Людах и положениях”» (1994) «расшифровывает» две автобиографии Пастернака не столько с целью сделать образ Маяковского более понятным для читателя, сколько с целью интерпретировать творческое поведение Пастернака, основные мотивы его ранней лирики, а также политический подтекст его творчества. Й. Ужаревич в работе «Одна жизнь – две автобиографии: Проблема “гения” в автобиографической прозе Б. Пастернака» (1998) рассуждает о различии двух автобиографий. Примером отношения Пастернака к феномену «гения» и «гениальности» автор иллюстрирует главный тезис твоей работы об основной разнице между «Охранной грамоты» и очерка «Люди и положения».

²⁶¹ Пастернак Б.Л. Люди и положения // Новый мир. 1967. – №1. – С. 204.

картина представляется нам в “Людах и положениях”. Теперь история жизни разделена на главы, развертывающиеся перед читателем в календарном порядке: “Младенчество”, “Девятисотые годы”, “Перед первой мировой войною” и т.д. Жизненные впечатления не только рассмотрены со стороны, но рассмотрены совсем другими глазами. Цветаева, Яшвили, Маяковский написаны как раз в “биографической вертикали”, с очевидной целью показать место, которое занимали они в жизни поэта²⁶².

Ясно выступает разница в манере повествования. В «Охранной грамоте» читатель погружается в ассоциативность стиля, полного развернутых метафор. Стиль мемуарной прозы напрямую соотносим со стилем ранней лирики Пастернака. Например, посещению Венеции в «Охранной грамоте» посвящено пять главок. Цель автора не столько описать город, чтобы в представлении читателя создался законченный его образ, сколько передать цепочку своих впечатлений, ассоциаций, сформировать чувственный облик города: «Венеция город, обитаемый зданьями – четырьмя перечисленными и еще несколькими в их роде. В этом утверждении нет фигуральности. Слово, сказанное в камне архитекторами, так высоко, что до его высоты никакой риторике не дотянуться. Кроме того, оно, как ракушками, обросло вековыми восторгами путешественников. Растущее восхищение вытеснило из Венеции последний след декламации. Пустых мест в пустых дворцах не осталось. Все занято красотой. <...>

Однажды под этими же штандартными мачтами, переплетаясь поколеньями, как золотыми нитками, толпилось три великолепно вотканных друг в друга столетья, а невдалеке от площади недвижимой корабельной чащей дремал флот этих веков. Он как бы продолжал планировку города. Снасти высовывались из-за чердаков, галеры подглядывали, на суше и на кораблях двигались по-одинаковому. Лунной ночью иной трехпалубник, уставясь ребром в улицу, всю ее сковывал мертвой грозой своего недвижно развернутого

²⁶² Каверин В. Уроки и соблазны // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 117.

напора. И в том же выносном величьи стояли фрегаты на якорях, облюбовывая с рейда наиболее тихие и глубокие залы»²⁶³.

В «Людах и положениях» автор одной фразой создает образ итальянского города: «Я видел Венецию, кирпично-розовую и аквамаринно-зеленую, как прозрачные камешки, выбрасываемые морем на берег...»²⁶⁴.

В. Каверин, анализируя два мемуарных произведения Б. Пастернака, замечает, что «в ранних воспоминаниях с волнующей силой рассказана любовь к Скрябину, любовь к музыке, которой были отданы шесть лет, а в поздних – дана лишь информация об этой любви»²⁶⁵. В «Людах и положениях» обнаруживается связь с его поздним поэтическим творчеством, в котором, как известно, поэт стремился к простоте, строгости и лаконичности. Эмоции уступают место рассуждению и анализу. В поздних мемуарах особо важна ретроспективность, когда Пастернак другими глазами, с высоты своего житейского и литературного опыта, в рамках иной литературной манеры оценивает события, происходившие несколько десятков лет назад.

Несмотря на явные различия, между двумя автобиографиями не надо искать противостояния. Второй автобиографический очерк не отменяет первого, а дополняет его: «простота правды не может заменить размаха молодости, набирающей силу»²⁶⁶.

Обращенность Пастернака к мемуарному жанру свидетельствует о необходимости переосмыслить прожитое, подвести необходимые предварительные итоги, постараться правдиво и для себя, и для читателя рассказать о былом. В сущности, теми же причинами руководствовался и А. Твардовский, когда в 1967 году взял на себя смелость опубликовать мемуары опального писателя, хотя с 1958 года Пастернаку позволяли издавать в СССР только стихотворения и переводы.

²⁶³ Пастернак Л. Охранная грамота // Собр. соч.: В 5 т. Т.4.: Повести, статьи, очерки. – М., 1991. – С. 204-205.

²⁶⁴ Пастернак Б.Л. Люди и положения. С. 222.

²⁶⁵ Каверин В. Проза Пастернака // Новый мир. – 1983. – №6. – С. 263.

²⁶⁶ Каверин В. Письменный стол: воспоминания и размышления. – М., 1985. – С. 149-150.

Как сообщало «Радио Свобода» 7 марта 1967 года, «эссе... содержит решительное осуждение литературных опытов Сталинской эпохи, которые на протяжении многих лет публиковались в СССР. Например, говоря о Маяковском, о котором нео-сталинисты пишут только в восторженном тоне, Пастернак же заметил с горечью: “Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповинен”»²⁶⁷. Материал стенографии новостного выпуска зарубежного «Радио “Свобода”» показывает моментальность реакции на смелую по тем временам и неожиданную публикацию, косвенно свидетельствует, как непросто было реабилитировать жанр мемуаров во времена «оттепели».

События в «Людах и положениях» даются во временной последовательности, не обнаруживая явной процессуальности, отсюда хронологическая раздробленность книги. В таком случае повествование может длиться бесконечно. Мемуары заканчиваются воспоминаниями автобиографического субъекта о «трех тенях» (М. Цветаева, П. Яшвили, Т. Табидзе) и затем неожиданно обрываются на тридцатых годах XX века. В «Заключении» Пастернак отмечает, что писать «о людях и судьбах, охваченных рамою революции... надо так, чтобы замирало сердце и подымались дыбом волосы», писать не бледнее, «чем изображали Петербург Гоголь и Достоевский». «Но, – добавляет Пастернак, – мы далеки еще от этого идеала»²⁶⁸. Думается, здесь очевидно сознательное использование Пастернаком фигуры умолчания.

Б. Пастернак назвал свой мемуарный текст автобиографическим очерком. Если исходить из типологии повествовательных форм мемуарной литературы, сформулированной Т.Г. Симоновой²⁶⁹, в основе мемуаров-очерка – один или несколько литературных портретов. При создании автобиографии Пастернак преследовал цель рассказать о своей жизни в контексте своего времени. «Люди

²⁶⁷ The Third Purge of Novy MIR. RADIO FREE EUROPE. 7 March 1967 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/63-4-278.pdf>

²⁶⁸ Пастернак Б. Люди и положения. С. 236.

²⁶⁹ Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. С. 44.

и положения» – это повествование о себе и о других. «Другие» в «Людах и положениях» – это, прежде всего, образы тех людей, которые сыграли безусловную роль в его жизни, повлияли на его становление как писателя и поэта. Ими стали Скрябин, Блок, Рильке, Есенин, Маяковский, Цветаева, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе.

В отличие от пафоса «Охранной Грамоты» в позднем автобиографическом очерке уже не ставится вопрос о «гениальности» и «гениях». Автобиографический субъект с исторической дистанции охватывает события и судьбы людей. Позиция «я» обнаруживает себя в форме эстетических, этических и культурно-исторических оценок и высказываний.

Так, особый след в русской поэзии и в жизни Пастернака оставила Марина Цветаева, одна из самых ярких и значимых фигур в литературе XX века. Автор не скрывает, что прелесть цветаевских стихов открылась для него далеко не сразу, что он долгое время недооценивал ее: «Слух у меня тогда был испорчен выкрутасами и ломкою всего привычного, царившими кругом. Все нормально сказанное отскакивало от меня. Я забывал, что слова сами по себе могут что-то заключать и значить, помимо побрякушек, которыми их увешали.

Именно гармония цветаевских стихов, ясность их смысла, наличие одних достоинств и отсутствие недостатков служили мне препятствием, мешали понять, в чем их суть. Я во всем искал не сущности, а посторонней остроты»²⁷⁰.

Марина Цветаева как поэт открылась для Пастернака внезапно. Это не только его известная оценка: «ранняя Цветаева была тем самым, чем хотели быть и не могли все остальные символисты, вместе взятые»²⁷¹, но и созданный Пастернаком чуть ли не физиологически точный образ её поэзии: «лирическое могущество цветаевской формы, кровно пережитой, не слабогрудой, круто сжатой и сгущенной, не запыхивающейся на отдельных строчках,

²⁷⁰ Пастернак Б. Люди и положения. С. 232.

²⁷¹ Там же.

охватывающей без обрыва ритма целые последовательности строф развитием своих периодов»²⁷².

Пастернак не пишет о личных отношениях с Цветаевой, не упоминает о многих стихотворениях, которые они посвятили друг другу. Краткость своего повествования о ней Пастернак объясняет так: «Если бы я стал рассказывать случай за случаем и положение за положением историю объединявших меня с Цветаевой стремлений и интересов, я далеко вышел бы из поставленных себе границ. Я должен был бы посвятить этому целую книгу, так много пережито было тогда совместного, менявшегося, радостного и трагического, всегда неожиданного и всегда, от раза к разу, обоюдно расширявшего кругозор.

Но и здесь, и в оставшихся главах я воздержусь от личного и частного и ограничусь существенным и общим»²⁷³. Емко и глубоко дано описание темперамента Марины Цветаевой: «Цветаева была женщиной с деятельной мужскою душой, решительной, воинствующей, неукротимой. В жизни и творчестве она стремительно, жадно и почти хищно рвалась к окончательности и определенности, в преследовании которых ушла далеко и опередила всех»²⁷⁴.

Поэт понимал недооцененность Цветаевой в России и предвидел ее последующую славу: «Я думаю, самый большой пересмотр и самое большое признание ожидают Цветаеву»²⁷⁵.

Воспоминания Пастернака о Марине Цветаевой – это попытка нарисовать общую картину взаимоотношений с Цветаевой в контексте ее судьбы, создать законченный образ ее как человека и как поэта, представить формулу ее творчества. Обращает на себя внимание глубоко продуманный отбор биографического материала, сделанный с характерной для Пастернака особой деликатностью, уважением к памяти Цветаевой.

Сергей Есенин и Владимир Маяковский рассматриваются мемуаристом, как ни странно, почти в паре. Два поэта двадцатых годов воспринимались

²⁷² Пастернак Б. Люди и положения. С. 232.

²⁷³ Там же. С. 233.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же.

современниками как диаметрально противоположности. Один из них – певец русской природы, родной земли, восторженный человек и чувствительный поэт, баловень судьбы, другой – вдохновитель рабочего класса, официально признанный первым поэтом в новом обществе, живший под блестящим стеклом рамки, в которую он себя вставил, всю жизнь несущий на себе её тяжесть, он и в жизни старался стать воплощенным лозунгом. Десятилетия спустя Пастернак почву для сопоставления этих двух литераторов видит в значении, которое оказали они на русскую литературу и читателя. Двух разных поэтов объединило сердце человека советской эпохи, который должен был строить новое общество и новое государство, для этого нуждавшийся во вдохновенных воззваниях и стихах первого пролетарского поэта, и одновременно тосковавший по старому, родному, отчасти романтическому искусству, жизненной, пронзительной поэзии, звучащей из уст современного ему молодого поэта.

Образ Есенина в «Людах и положениях» Б. Пастернака представлен глубокой, богатой метафорой: «Он Иван-царевичем на сером волке перелетел океан и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан. Он и стихи свои писал сказочными способами, то, как из карт, раскладывая пасьянсы из слов, то записывая их кровью сердца»²⁷⁶. Пастернак из фигуры Есенина создает метафорический образ поэта из народной сказки, который озарил своим волшебным даром русскую литературу. Этот поэт для Пастернака, прежде всего, – певец своей Родины. Именно в стихах о среднерусской природе ярко проявился гениальный артистизм поэта – «высшее моцартовское начало»²⁷⁷. Одним предложением Пастернак характеризует свои отношения с поэтом: «То, обливаясь слезами, мы клялись друг другу в верности, то завязывали драки до крови, и нас силою разнимали и растаскивали посторонние»²⁷⁸.

²⁷⁶ Пастернак Б. Люди и положения. С. 230.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же.

По мнению Пастернака, Сергей Есенин соперничает в народных сердцах только с одним поэтом – Владимиром Маяковским²⁷⁹. Противопоставление городской опустошающей и одурманивающей стихии у Маяковского и свободы просторов русской природы с их красочностью и свежестью у Есенина и в то же время их соединение в народных душах – весьма показательно для эпохи двадцатых годов, времени насильственного изменения привычной жизни, искоренения многих ценностей, утверждения новых, притягательных, но пока чуждых для людей. Стремление к привычной, естественной жизни, крестьянскому, природному, домашнему быту и одновременно большой интерес к новым порядкам, городской среде, иной культуре сочетается в «новом» человеке в эти годы.

Образу Владимира Маяковского Б. Пастернак отводит одно из центральных мест в галерее литературных портретов в «Людях и положениях» как поэту, сыгравшему огромную роль в его творческом становлении.

Начиная рассказ о Маяковском, мемуарист сразу же оговаривается: «Я не буду описывать моих отношений с Маяковским... Я не буду приводить истории наших встреч и расхождений. Я постараюсь дать, насколько могу, общую характеристику Маяковского и его значения. Разумеется, то и другое будет субъективно окрашено и пристрастно»²⁸⁰.

Выразителен внешний облик Маяковского: «Передо мной сидел красивый, мрачного вида юноша с басом протодиакона и кулаком боксера, неистощимо, убийственно остроумный, нечто среднее между мифическим героем Александра Грина и испанским тореадором»²⁸¹. В своем первом впечатлении от будущего «лучшего и талантливейшего поэта эпохи» Пастернак не разочаровался и впоследствии. «Сразу угадывалось, что если он и красив, и остроумен, и талантлив, и, может быть, архиталантлив, – это не главное в нем, а главное – железная внутренняя выдержка, какие-то заветы или устои

²⁷⁹ Пастернак Б. Люди и положения. С. 229.

²⁸⁰ Там же. С. 227.

²⁸¹ Там же. С. 228.

благородства, чувство долга, по которому он не позволял себе быть другим, менее красивым, менее остроумным, менее талантливым»²⁸².

Ранняя лирика Маяковского была очень любима Пастернаком, в чем он откровенно признается. Но его позднее творчество Пастернак не признавал и считал революционные произведения поражением Маяковского: «Я не понимал его пропагандистского усердия, внедрения себя и товарищей силою в общественном сознании, компанейства, артельщины, подчинения голосу злободневности. Еще непостижимее мне был журнал «Леф», во главе которого он стоял, состав участников и система идей, которые в нем защищались.

За вычетом предсмертного и бессмертного документа “Во весь голос”, позднейший Маяковский, начиная с “Мистерии-буфф”, недоступен мне. До меня не доходят эти неуклюже зарифмованные прописи, эта изошренная бессодержательность, эти общие места и избитые истины, изложенные так искусственно, запутанно и неостроумно. Это, на мой взгляд, Маяковский никакой, несуществующий. И удивительно, что никакой Маяковский стал считаться революционным»²⁸³.

К. Поливанов утверждает, что в тех случаях, когда Пастернак пишет о своем неприятии позднего творчества Маяковского и об отношении Маяковского к поэме Пастернака «Девятьсот пятый год», то в обоих фрагментах речь идет об одном и том же, «о ретроспективном неприятии тех моментов, которые были общими в литературных путях обоих поэтов после революции»²⁸⁴, что впоследствии привело Пастернака к обоснованию собственного литературного пути.

Отдельно Пастернак касается темы своих взаимоотношений с Маяковским, говорит, что между ними никогда не было дружеской короткости. Эренбург считает, что в своей автобиографии Пастернак отрекся от своей дружбы с Маяковским. Однако, в этом вопросе, возможно, имеет место

²⁸² Пастернак Б. Люди и положения. С. 228.

²⁸³ Там же. С. 230.

²⁸⁴ Поливанов К. Маяковский в «Охранной грамоте» и «Людах и положениях» // НЛО. – 1994. – №7. – С. 228.

ретроспективное смещение, столь типичное для всех вариантов эго-литературы. Пастернак написал «Люди и положения» в 1957 году, спустя тридцать лет с момента описываемых событий, переосмысляя свою жизнь, переоценивая дружеские и литературные связи. Вызвавшая яростную критику со стороны официоза, направленную как на Пастернака, так и на журнал, ее опубликовавший, фраза о посмертной судьбе поэта («Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповинен»²⁸⁵) чуть позже стала применима ко многим писателям, которых сделали «советскими классиками».

В «Людах и положениях» Маяковский предстает как большой поэт в своих начинаниях, но бессмысленно растративший свой дар на политику, безрассудно отдавший талант на революционную пропаганду. Б. Пастернак видит в Маяковском талантливого поэта, оставившего большой след в сознании автора своим ранним творчеством, но безвозвратно потерянного, потухшего в развитии своей революционной деятельности, на самом деле, чуждой его поэтическому дару.

По мнению А. Бема, рецензировавшего «Охранную грамоту», двух крупнейших поэтов объединила одна роковая черта в их психике – «понимание жизни как жизни поэта», т.е. «свою личную жизнь они делали литературным фактом, себя они не могли отделить от литературы, своего литературного героя они смешали с собою. Отсюда крушение героя вело и к личной трагедии и обратно: личная трагедия становилась событием литературным. За свое романтическое непонимание поэт расплачивался жизнью»²⁸⁶. А. Бем утверждает, что осознание ложности такого отношения к жизни спасло от преждевременной гибели А. Блока и помогло Б. Пастернаку выбрать самостоятельный литературный путь.

²⁸⁵ Пастернак Б. Люди и положения. С. 231.

²⁸⁶ Бем А. «Охранная грамота» Бориса Пастернака // Руль. – 1931. – 8 октября. – №3304 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russianresources.lt/archive/Bem/Bem_14.html (Дата обращения: 17.03.2016).

Образы Марины Цветаевой, Сергея Есенина и Владимира Маяковского, созданные Б. Пастернаком, свидетельствуют о том, как в мемуарной прозе память и воспоминания преломляются в творческом сознании автора. При создании литературного портрета происходит превращение реального человека в литературный образ, конечно, особого рода – открыто сохраняющий связь с прототипом, стремящийся как можно точнее передать его характерные черты.

Мемуарные образы в произведении Бориса Пастернака совмещают в себе объективную реальность и индивидуальное отношение к ней мемуариста. Документальная основа образа дополняется художественными приемами его воссоздания, содержание жизни претворяется в художественное содержание. Портреты литераторов различаются в зависимости от жанра, выбранного автором, личности самого мемуариста, и от характера взаимоотношений автора и героя. Пастернак создает образы поэтов, личности и творчество которых повлияли, в первую очередь, на него самого и его литературную судьбу, и, одновременно, оставили безусловный след в истории русской литературы.

Итак, можно заключить, что в построении образной системы очерка «Люди и положения» проявляет себя жизненная дистанция. В создании литературных портретов ясно чувствуется отношение Пастернака к бывшему как к давно происшедшему и в культурной истории уже получившему свое место.

Решая следующий важный вопрос о соотношении документального и художественного в «Людах и положениях», отметим, учитывая строгость мемуаров Пастернака, с одной стороны, изначальную установку на документальность, с другой – большую долю умолчания, и аберрацию памяти, что для данного текста характерна «субъективная правдивость» (термин А. Твардовского). Так, например, сквозящие по всему тексту упоминания дат тех или иных событий относят воспоминания Пастернака к определенным фактам истории: «С этого балкона население дома наблюдало в 1894 году церемониал перенесения праха императора Александра Третьего, а затем, спустя два года, отдельные сцены коронационных торжеств при воцарении

Николая Второго»²⁸⁷; «В ответ на выступления студенчества после манифеста 17 октября буйствовавший охотнорядский сброд громил высшие учебные заведения, университет, Техническое училище»²⁸⁸; «Летом 1935 года я, сам не свой и на грани душевного заболевания от почти годовой бессонницы, попал в Париж, на антифашистский конгресс. Там я познакомился с сыном, дочерью и мужем Цветаевой и как брата полюбил этого обаятельного, тонкого и стойкого человека»²⁸⁹.

В «Людах и положениях» для автора важен день, с которого началось его знакомство со Скрябиным, поэтому название года и сезона, во-первых, работает на достоверность изображаемого события, во-вторых, вводит в объективный исторический и авторский субъективный чувственный, эмоциональный и ассоциативный контекст, в-третьих, создает необходимое настроение: «весной 1903 года отец снял дачу в Оболенском, близ Малоярославца, по Брянской, ныне – Киевской, железной дороге. Дачным соседом нашим оказался Скрябин»²⁹⁰. Пастернак описывает один из весенних дней, когда он ушел в лес сразу же по приезде на дачу. Впечатления от лесного пейзажа врезались у него в памяти, ассоциативным образом соединяясь с впечатлениями от музыки Скрябина: «И совершенно так же, как чередовались в лесу свет и тень и перелетали с ветки на ветку и пели птицы, носились и раскатывались по нему куски и отрывки Третьей симфонии или Божественной поэмы, которую в фортепианном выражении сочиняли на соседней даче.

Боже, что это была за музыка! Симфония непрерывно рушилась и обваливалась, как город под артиллерийским огнем, и вся строилась и росла из обломков и разрушений. Ее всю переполняло содержание, до безумия разработанное и новое, как нов был жизнью и свежестью дышавший лес, одетый в то утро, не правда ли, весенней листвой 1903-го, а не 1803 года»²⁹¹.

²⁸⁷ Пастернак Б. Люди и положения. С. 205

²⁸⁸ Там же. С. 212.

²⁸⁹ Там же. С. 232-233.

²⁹⁰ Там же. С. 209.

²⁹¹ Там же.

Повествование о реально живущих / живших людях, в особенности, об известных деятелях искусства и культуры также является чертой документальной литературы. В «Людях и положениях» Пастернак рассказывает о ведущих литераторах первых десятилетий XX века: А. Блоке, В. Маяковском, С. Есенине, М. Цветаевой; упоминает Вяч. Иванова, А. Белого, В. Хлебникова, И. Эренбурга.

Художественность мемуаров Пастернака проявляется в литературной обработке и беллетризации известных фактов. Автор вводит в свои воспоминания описательные лирические отступления: «Быстро проходила короткая весенняя ночь. В раскрытое окошко веяло утренним холодом. Его дыхание подымало полы занавесей, шевелило пламя догоравших свечей, шелестело лежавшими на столе листами бумаги. И все зевали, гости, хозяин, пустые дали, серое небо, комнаты, лестницы»²⁹². Персонажей своего произведения он «подсвечивает» выразительной образностью: «У Блока было все, что создает великого поэта, – огонь, нежность, проникновение, свой образ мира, свой дар особого, все претворяющего прикосновения, своя сдержанная, скрадывающаяся, вобравшая в себя судьба... Петербург Блока – наиболее реальный из Петербургов, нарисованных художниками новейшего времени. Он до безразличия одинаково существует в жизни и воображении, он полон повседневной прозы, питающей поэзию драматизмом и тревогой, и на улицах его звучит то общеупотребительное, будничное просторечие, которое освежает язык поэзии.

В то же время образ этого города составлен из черт, отобранных рукой такую нервную, и подвергся такому одухотворению, что весь превращен в захватывающее явление редчайшего внутреннего мира»²⁹³.

На страницах автобиографического очерка Пастернак помещает переводы двух стихотворений Р.М. Рильке: «За книгой» и «Созерцание». Обилие деталей, фокусировка внимания на отдельных частях изображаемого также способствует

²⁹² Пастернак Б. Люди и положения. С. 218.

²⁹³ Там же. С. 213-214.

художественному статусу текста: «Длинный ряд распахивающихся и захлопывающихся дверей вдоль всей стены вагона, по отдельной двери в каждое купе. Четыре рельсовых пути по кольцевой эстакаде, высящейся над улицами, каналами, скаковыми конюшнями и задними дворами исполинского города. Нагоняющие, обгоняющие друг друга, идущие рядом и расходящиеся поезда. Двоящиеся, скрещивающиеся, пересекающие друг друга огни улиц под мостами, огни вторых и третьих этажей на уровне свайных путей, иллюминированные разноцветными огоньками автоматические машины в вокзальных буфетах, выбрасывающие сигары, лакомства, засахаренный миндаль. Скоро я привык к Берлину, слонялся по его бесчисленным улицам и беспредельному парку, говорил по-немецки, подделываясь под берлинский выговор, дышал смесью паровозного дыма, светильного газа и пивного чада, слушал Вагнера»²⁹⁴; «Был в Берлине и Горький. Отец рисовал его. Андреевой не понравилось, что на рисунке скулы выступили, получились угловатыми. Она сказала: «Вы его не поняли. Он – готический». Так тогда выражались».²⁹⁵

И, напротив, намеренное умолчание о тех или иных событиях, рассказа о которых ждет читатель, – свидетельство присутствия в мемуарах образа автора, творца, по своему усмотрению отбирающего жизненный материал для включения его в свой текст. В «Людах и положениях» это намеренный авторский шаг, который связан не столько с цензурными и идеологическими ограничениями (хотя также играющими роль), сколько с переосмыслением своей жизни и расстановкой акцентов, а, следовательно, опущением определенных событий, и с выбранной темой – темой искусства. Поэтому в сфере мемуарных интересов Пастернака – только те факты и люди, которых он считает особенно важными и дорогими в своей жизни. Собственная литературная и моральная цензура со всей строгостью определяет круг областей, входящих в автобиографический очерк. Соответственно, политика, философия, личная жизнь не находят отражения в его произведении; в то

²⁹⁴ Пастернак Б. Люди и положения. С. 215.

²⁹⁵ Там же.

время, как литература и музыка – основные предметы, вокруг которых строится мемуарный текст: «Мелодии этих произведений вступают так, как тотчас же начинают течь у вас слезы, от уголков глаз по щекам, к уголкам рта. Мелодии, смешиваясь со слезами, текут прямо по вашему нерву к сердцу, и вы плачете не оттого, что вам печально, а оттого, что путь к вам вовнутрь угадан так верно и пронизательно. <...> Вещами общеизвестными, ходовыми истинами полно искусство. Хотя пользование ими всем открыто, общеизвестные правила долго ждут и не находят применения. Общеизвестной истине должно выпасть редкое, раз в сто лет улыбающееся счастье, и тогда она находит приложение. Таким счастьем был Скрябин. Как Достоевский не романист только и как Блок не только поэт, так Скрябин не только композитор, но повод для вечных поздравлений, олицетворенное торжество и праздник русской культуры»²⁹⁶; «... хотя художник, конечно, смертен, как все, счастье существования, которое он испытал, бессмертно и в некотором приближении к личной и кровной форме его первоначальных ощущений может быть испытано другими спустя века после него по его произведениям.

Доклад назывался “Символизм и бессмертие” потому, что в нем утверждалась символическая, условная сущность всякого искусства в том самом общем смысле, как можно говорить о символике алгебры»²⁹⁷.

Несомненно, ведущим фактором художественности мемуаров является субъективность авторского видения событий и людей и соответственная их передача на страницы своего произведения. Подчас эта черта даже оговаривается автором в мемуарах: «Я постараюсь дать, насколько могу, общую характеристику Маяковского и его значения. Разумеется, то и другое будет субъективно окрашено и пристрастно»²⁹⁸. Но при этом подчеркнутая субъективность становится отличительной чертой мемуаров, «толкая» текст в область художественной прозы.

²⁹⁶ Пастернак Б. Люди и положения. С. 212.

²⁹⁷ Там же. С. 219.

²⁹⁸ Там же. С. 227.

В воспоминаниях Б. Пастернака время зачастую не строго хронологическое, несмотря на то, что повествование начинается с младенчества автора и заканчивается тридцатыми годами. Отдельные главы представляют собой литературные портреты, где в сжатом виде обрисовывается история отношений Пастернака с тем или иным человеком, а также содержится краткая характеристика его творчества и личности, данная автором-мемуаристом. События представлены через призму восприятия Пастернака, тем самым, субъективное время автора в «Людах и положениях» отличается от исторического. Примером тому может быть портрет-характеристика Андрея Белого: «Душой всех этих начинаний был Андрей Белый, неотразимый авторитет этого круга тех дней, первостепенный поэт и еще более поразительный автор “Симфоний” в прозе и романов “Серебряный голубь” и “Петербург”, совершивших переворот в дореволюционных вкусах современников и от которых пошла первая советская проза.

Андрей Белый обладал всеми признаками гениальности, не введенной в русло житейскими помехами, семьей, непониманием близких, разгулявшейся вхолостую и из силы производительной превратившейся в бесплодную и разрушительную силу. Этот изъян излишнего одухотворения не ронял его, а вызывал участие и прибавлял страдальческую черту к его обаянию.

Он вел курс практического изучения русского классического ямба и методом статистического подсчета разбирал вместе со слушателями его ритмические фигуры и разновидности. Я не посещал работ кружка, потому что, как и сейчас, всегда считал, что музыка слова – явление совсем не акустическое и состоит не в благозвучии гласных и согласных, отдельно взятых, а в соотношении значения речи и ее звучания»²⁹⁹.

Создание литературного портрета Льва Толстого начинается с эпизода, предшествующего похоронам писателя, когда Пастернак прибыл в Ясную Поляну, сопровождая отца, который рисовал покойного Толстого: «Но в углу

²⁹⁹ Пастернак Б. Люди и положения. С. 218-219.

лежала не гора, а маленький сморщенный старичок, один из сочиненных Толстым старичков, которых десятки он описал и рассыпал по своим страницам. Место было кругом утыкано невысокими елочками. Садившееся солнце четырьмя наклонными снопами света пересекало комнату и крестило угол с телом крупной тенью оконных крестовин и мелкими, детскими крестиками вычертившихся елочек»³⁰⁰. Далее Пастернак дает субъективную целостную характеристику жизни и творчества писателя, рисует создавшийся в его сознании образ Толстого: «Было как-то естественно, что Толстой успокоился, упокоился у дороги, как странник, близ проездных путей тогдашней России, по которым продолжали пролетать и круговращаться его герои и героини и смотрели в вагонные окна на ничтожную мимолежащую станцию, не зная, что глаза, которые всю жизнь на них смотрели, и обняли их взором, и увековечили, навсегда на ней закрылись. <...> Главным качеством этого моралиста, уравниателя, проповедника законности, которая охватывала бы всех без послаблений и изъятий, была ни на кого не похожая, парадоксальности достигавшая оригинальность.

Он всю жизнь, во всякое время обладал способностью видеть явления в оторванной окончателности отдельного мгновения, в исчерпывающем выпуклом очерке, как глядим мы только в редких случаях, в детстве, или на гребне всеобновляющего счастья, или в торжестве большой душевной победы.

Для того чтобы так видеть, глаз наш должна направлять страсть. Она-то именно и озаряет своей вспышкой предмет, усиливая его видимость.

Такую страсть, страсть творческого созерцания, Толстой постоянно носил в себе. Это в ее именно свете он видел все в первоначальной свежести, по-новому и как бы впервые. Подлинность виденного им так расходится с нашими привычками, что может показаться нам странной. Но Толстой не искал этой странности, не преследовал ее в качестве цели, а тем более не сообщал ее своим произведениям в виде писательского приема»³⁰¹.

³⁰⁰ Пастернак Б. Люди и положения. С. 220.

³⁰¹ Там же. С. 221.

Автобиографический герой фокусирует в себе двойственность взгляда на включенный в произведение жизненный материал – «тогда» (в прошлом) и «сейчас» (в период написания мемуаров). Доминирует позиция «сейчас» – современное восприятие былого. Прошлое невольно подвергается трансформации в результате временной дистанции между происшедшим и его отражением, происходит так называемая аберрация памяти: «Вероятно, тогда или позже, после годичного пребывания с родителями в Берлине, я увидел первые в моей жизни строки Блока. Я не помню, что это было такое, “Вербочки” или из “Детского”, посвященного Олениной д'Альгейм, или что-нибудь революционное, городское, но свое впечатление помню так отчетливо, что могу его восстановить и берусь описать»³⁰². Далее Пастернак переходит к характеристике Блока в контексте своего современного взгляда на литературу и на место в ней большого поэта: «Что такое литература в ходовом, распространеннейшем смысле слова? Это мир красноречия, общих мест, закругленных фраз и почтенных имен, в молодости наблюдавших жизнь, а по достижении известности перешедших к абстракциям, перепевам, рассудительности. И когда в этом царстве установившейся и только потому незамечаемой неестественности кто-нибудь откроет рот не из склонности к изящной словесности, а потому, что он что-то знает и хочет сказать, это производит впечатление переворота, точно распахиваются двери и в них проникает шум идущей снаружи жизни, точно не человек сообщает о том, что делается в городе, а сам город устами человека заявляет о себе. Так было и с Блоком. Таково было его одинокое, по-детски неиспорченное слово, такова сила его действия.

Бумага содержала некоторую новость. Казалось, что новость сама без спроса расположилась на печатном листе, а стихотворения никто не писал и не сочинял. Казалось, страницу покрывают не стихи о ветре и лужах, фонарях и

³⁰² Пастернак Б. Люди и положения. С. 212-213.

звездах, но фонари и лужи сами гонят по поверхности журнала свою ветреную рябь, сами оставили в нем сырые, могучие воздействующие следы»³⁰³.

Чаще всего повествование разворачивается от давнего прошлого к более близким временным периодам. При этом в одном предложении могут объединяться «давно» и «сегодня». «Весной 1903 года отец снял дачу в Оболенском, близ Малоярославца, по Брянской, ныне – Киевской, железной дороге»³⁰⁴.

Говоря о движении времени в мемуарах, заметим, что зачастую время идет от настоящего к прошлому: «Когда мне было три года, переехали на казенную квартиру при доме Училища живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой против Почтамта»³⁰⁵; «Вот что я прочел пятьдесят лет спустя, совсем недавно, в позднейшее советское время, в книге Н. С. Родионова “Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого”, на странице 125-й, под 1894 годом: “23 ноября Толстой с дочерьми ездил к художнику Л.О. Пастернаку в дом Училища живописи, ваяния и зодчества, где Пастернак был директором, на концерт, в котором принимали участие жена Пастернака и профессора Консерватории скрипач И.В. Гржимали и виолончелист А.А. Брандуков”.

Тут все верно, кроме небольшой ошибки. Директором Училища был князь Львов, а не отец»³⁰⁶.

Обостренное ощущение времени, умение увидеть его присутствие в большом и малом, свойственные писателю, находятся в полном соответствии с особенностями избранного им жанра. А. Пятигорский заметил о Пастернаке и его творчестве: «Да, на самом деле с ним мы хоронили те же двадцатые – не до и не после, не больше и не меньше, а совсем не всю “московскую культуру”! Двадцатые – с их поразительной изолированностью духовной жизни одних от культурной – других. С их изолированностью духа от культуры порой в одном

³⁰³ Пастернак Б. Люди и положения. С. 239-240.

³⁰⁴ Там же. С. 209.

³⁰⁵ Там же. С. 205.

³⁰⁶ Там же. С. 206.

и том же человеке. Двадцатые – с разнообразнейшей жизнью разных людей, необычайно причудливо соединенных в иные группы и общности, нежели те, к которым они принадлежали по рождению...»³⁰⁷.

Представление о времени в мемуарах складывается из многих факторов. Это исторические обстоятельства, особенности быта и культуры определенной эпохи. В соответствии с этим формируется время личное, историческое и эпическое³⁰⁸. Данные разновидности взаимосвязаны и образуют обобщенный стержневой образ.

Время в книге Пастернака «Люди и положения» эволюционирует от бытового, личного к историческому и философскому. Основная функция исторического времени – помочь ввести в действие, организовать внутреннее пространство произведения. Герой изображается во временном потоке, определенной исторической и социальной обстановке.

Таким образом, «Люди и положения» можно назвать индивидуальным вариантом мемуарной прозы, поскольку, в отличие от автобиографии, в данном тексте много внимания, помимо личности мемуариста и его творческого пути, уделяется фигурам современников. Они предстают не как недостижимые гении, какими выглядели герои «Охранной грамоты», а как сложные, глубокие, человеческие образы, полноценные личности. «Люди и положения» – это рассказ Пастернака о себе и о других, где автор проявил себя в новой роли – классического писателя-мемуариста.

Опубликованные в «Новом мире» мемуары Пастернака явились откликом на потребность общества к правдивому освещению эпохи. Иным откликом стали воспоминания Ильи Эренбурга, Вениамина Каверина, Валентина Катаева и других писателей, встретившихся на страницах журнала Александра Твардовского.

³⁰⁷ Пятигорский А.М. Пастернак и Доктор Живаго // Пятигорский А.М. Избранные труды. – М., 1996. – С. 218.

³⁰⁸ См. подробнее: Колядич Т. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология) [Электронный ресурс]: дисс. ... д-ра филол. наук / Т. Колядич. – Москва, 1999. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/01000225886> (дата обращения 01.02.2016).

§ 3. «Мовистская проза» и жанр мемуаров: В. Катаев «Трава забвенья»

«Новая проза» В. Катаева, вызвавшая большое количество споров в критике, частично была опубликована в «Новом мире» в 1966 («Святой колодец»), 1967 («Трава забвенья») и 1969 («Кубик») годах. Уже в 1968 году в редакции журнала «Вопросы литературы» состоялась дискуссия о «Траве забвенья» и «Святом колодце», в которой приняли участие Б. Сарнов, В. Гусев, И. Гринберг, где речь шла о самостоятельности художественной концепции произведений, о своеобразии стиля и широком фронте стилевых поисков писателя. Споры о «мовистской прозе» В. Катаева и об этической позиции автора не прекращаются и по сей день³⁰⁹.

В. Катаев, при всей его именитости, – автор неожиданный для «Нового мира». Публикация его произведений в журнале проходила не без сложностей (на чем мы подробно остановимся в третьей главе). Но несмотря на то, что главного редактора не могли не смутить субъективность и субъективизм Катаева, а также едкие замечания автора об одном из героев книги «Трава забвенья» – Иване Бунине, которого глубоко почитал А. Твардовский как своего учителя, тем не менее, публикация состоялась и свидетельствовала об эстетической широте журнала.

³⁰⁹ Воспоминаниям о совместной работе в редакции журнала «Юность» посвящена статья В. Розова «Феномен Валентина Катаева» (1995). Автор рассуждает о конформизме Катаева в сталинские времена, когда цензура была особенно сурова к писателям. Однако, такие произведения как «Алмазный мой венец», «Святой колодец» и «Трава забвенья», опубликованные в «оттепельные» времена, свидетельствовали о том, что Катаеву удалось сберечь свой первородный талант, «пронести его сквозь бури, наводнения, землетрясения». О.И. Новикова и В.И. Новиков в статье «Зависть: Перечитывая Валентина Катаева» делают вывод о поэтичности мемуарной прозы Катаева, который «вслед за Пастернаком, стремится стереть границу между прозой и стихом: «он вживил в свои тексты стихотворные цитаты, не просто записав их *in continuo*, но интонационно освоив, даже присвоив, узурпировав авторство. По Пастернаку и Мандельштаму он начал настраивать собственный ритм, выстраивать прозаическую “строфику”. Каждая фраза должна быть равноценной стиху – тогда, для того чтобы быть поэтом, необязательно пользоваться метрикой и рифмами» (Новый мир. – 1997. – №1. – С. 221.). Фундаментальная работа М.А. Литовской «“Феникс поет перед солнцем”: Феномен Валентина Катаева» (1999) посвящена исследованию жизни и творчества писателя во взаимосвязи с политическими, социальными и культурными процессами, происходящими в России в XX веке. В главе «Три поэта: “Трава забвенья”» рассмотрена структура, композиция, временная и пространственная организация произведения, выявлены характерные черты творческой манеры Катаева, предложено терминологическое значение «мовизма», проанализированы образы персонажей и автобиографического героя. На выводы, сделанные М.А. Литовской, мы во многом опираемся при исследовании жанровых и стилевых особенностей прозы Катаева. Одной из последних публикаций о В. Катаеве стала публикация в «Новом мире» глав из книги С. Шаргунова «Валентин Катаев» серии «Жизнь замечательных людей» (2016), где исследователь предлагает свое определение жанра «Травы забвенья», «Святого колодца» и «Кубика» – «лирические повести от первого лица».

Предметом нашего внимания станет произведение «Трава забвенья», которое является показательным для художественных особенностей стиля В. Катаева.

Выбор А. Твардовским «Травы забвенья» для публикации в журнале обусловлен оригинальностью свидетельства автора и «субъективной правдивостью» произведения.

Б. Сарнов связывает вольность авторского повествования с поисками новой формы, которую он видел в принципах теории мовизма, со стремлением «оказаться на уровне самых последних художественных веяний эпохи»³¹⁰. Поиски нового выражения привели Катаева, по определению исследователя, к созданию «ультрасовременной художественной формы»³¹¹.

Влияние художественной прозы на книгу Катаева «Трава забвенья» обнаруживается в характере созданной им образной системы. Наряду с подлинными историческими фигурами появляются вымышленные персонажи: девушка из совпартшколы Клавдия Заремба, корреспондент ЮгРоста Рюрик Пчелкин. Задача вымышленных персонажей заключается в том, чтобы усилить нравственно-философские проблемы, встающие при изображении реальных лиц, и способствовать их разрешению. Драматизм судеб Клавдии Зарембы и Пчелкина порождается суровостью революционной эпохи, ставящей человека перед сложным выбором. Таким образом, дублируется общественное поведение Бунина и Маяковского, которые являют собой два противоположных варианта ориентации человека в революции³¹².

О вступлении Маяковского в РАПП Катаев говорит кратко: «Он недавно вступил в РАПП и, конечно, уже страшно раскисался»³¹³. Маяковский вошел в эту организацию, чтобы доказать свою горячую привязанность к идеям революции, даже быть инициатором самых крутых мер борьбы с врагами новой власти в области искусства. Возможной проекцией на деятельность

³¹⁰ Сарнов Б. Величие и падение мовизма // Октябрь. – 1995. – №3. – С. 183.

³¹¹ Там же. С. 184.

³¹² См. об этом: Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. С. 43.

³¹³ Катаев В. Трава забвенья // Новый мир. – 1967. – №3. – С. 103.

Маяковского в РАППе становится история предательства Клавдией Зарембы штабс-капитана, когда во имя революции оправдывались самые бесчеловечные поступки: «Для того чтобы взять эту (*контрреволюционную – М. М.*) организацию, чрезвычайной комиссии надо было ввести в нее своих людей. Во главе организации стоял молодой врангелевский штабс-капитан. И надо было начинать с него. Это было очень трудно. Офицер был чрезвычайно осторожен, ни с кем не знакомился и внутри своей организации был связан только с несколькими офицерами, им же привлеченными к работе. Однако он не нашел в себе достаточно сил, чтобы побороть свое желание познакомиться с девушкой, которую он вот уже несколько дней подряд встречал на улице и в столовой ЕПО. Он уступил своей слабости. Познакомился. Она не знала, кто он. Он не знал, кто она. В губчека ей объяснили, с кем она познакомилась, и приказали влюбить в себя штабс-капитана. Задание было выполнено с лихвой: она не только влюбила его в себя, но влюбилась сама и не скрыла этого от заведующего секретно-оперативным отделом губчека, который взял с нее слово, что, несмотря ни на что, она доведет дело до конца. Девушка торопила. Она говорила, что больше не может вынести этой пытки. Но дело с ликвидацией заговора затягивалось, так как взять следовало не только верхушку, а и хвосты. Она твердо исполнила свой партийный революционный долг, ни на минуту не выпуская из виду своего возлюбленного до тех пор, пока они не были вместе арестованы, сидели рядом в камерах, перестукивались, пересылали записки. Затем он был расстрелян. Она освобождена»³¹⁴.

Художественность и документальность переплетаются между собой в повести «Трава забвенья». В текст вводятся чужие воспоминания: «Очень хорошо об этом у Олеси: “Мы с Валентином Катаевым сидели в ложе и с неистовым любопытством ждали выхода на сцену того, чье выступление только что возвестил председатель. На сцене не было ничего, кроме столика, за которым сидел президиум – по всей вероятности, люди из городского комитета

³¹⁴ Катаев В. Трава забвенья . С. 80.

партии, из редакций, из руководства комсомола. Пустая огромная сцена, в глубине ее голые стены даже с какими-то балконами...<...> Я был уверен, что выйдет человек театрального вида, рыжеволосый, почти буффон... Такое представление о Маяковском могло все же возникнуть у нас: ведь мы-то знали о желтой кофте и о литературных скандалах в прошлом!

Совсем иной человек появился из-за кулис!

Безусловно, он поразил тем, что оказался очень рослым; поразил тем, что из-под чела его смотрели необыкновенной силы и красоты глаза... Но это вышел, в общем, обычного советского вида, несколько усталый человек, в полушубке с барашковым воротником и в барашковой же, чуть сдвинутой назад шапке»³¹⁵.

Далее Катаев предлагает читателю свои воспоминания об этом вечере. Разногласия с Олешей проявляется в деталях. «Хорошо помню и я этот вечер – Ингулов в президиуме! может быть, рядом с ним и Клавдия Заремба! – и Маяковского, так прекрасно описанного Олешей. Однако я бы не сказал, что Маяковский был в полушубке с барашковым воротником и барашковой шапке. Это неточно. Я бы сказал так: на Маяковском было темно-серое, зимнее, короткое, до колен, полупальто с черным каракулевым воротником и такая же черная – но не шапка, а скорее круглая неглубокая шапочка, действительно несколько сдвинутая на затылок, открывая весь лоб и часть остриженной под машинку головы»³¹⁶.

Вопрос о степени субъективности и достоверности воспоминаний поднимался литературоведами и литературными критиками неоднократно. Как мы помним, большинство исследователей считают, что субъективность – непеременимое условие создания мемуарного произведения при изначальной установке на достоверность. Применительно к книге Катаева «Трава забвенья» вопрос о субъективности углубляется и усложняется тем, что в сознании автора

³¹⁵ Катаев В. Трава забвенья. С. 99.

³¹⁶ Там же. С. 99.

происходит сближение воспоминания с воображением³¹⁷: «Рассматривая и перебирая эти чудом уцелевшие в моих папках полуистлевшие бумажки, я как бы на ощупь прокладывал путь сквозь безмолвные области подсознательного в темные хранилища омертвевших сновидений, стараясь их оживить, и сила моего воображения оказалась так велика, что я вдруг с поразительной, почти осязаемой достоверностью и ясностью увидел внутренность тесной мазаной хаты»³¹⁸.

Память субъективна и потому, что субъективен сам процесс восприятия, как замечает М.А. Литовская, ибо в зависимости от настроения, возраста и других условий человек по-разному может видеть один и тот же предмет³¹⁹. Так, в ожидании первой встречи с Буниным автобиографический герой воспринимает дачу, на которой остановился его учитель, «по меньшей мере древнеримской виллой в духе живописца Семирадского; даже скромная полоса не слишком красивого Черного моря, откуда доносились резкие восклицания купальщиков, представлялась мне пламенным Неаполитанским заливом с красными парусами»³²⁰. Через несколько недель, когда герой вновь посещает великого писателя, оставившего у себя тетрадку со стихами Катаева, исчезает ощущение недостижимости желаемого, и герой уже другими глазами смотрит на жилище Бунина: «хотя стояло все то же горячее приморское утро, но дача уже не показалась мне римской виллой и над кубовой полосой беспокойного Черного моря я не увидел красных парусов Неаполитанского залива, а комната, куда меня пригласил хозяин, была проста, как дворницкая»³²¹.

Категории памяти/забвения оказывают безусловное влияние на степень субъективности произведения, что сам В. Катаев не особо скрывает, более того, не без основания применительно к своему творчеству связывая степень художественности со степенью субъективности.

³¹⁷ См. об этом: Литовская М.А. «Феникс поет перед солнцем»: Феномен Валентина Катаева. С. 295.

³¹⁸ Катаев В. Трава забвенья. С. 60.

³¹⁹ Литовская М.А. «Феникс поет перед солнцем»: Феномен Валентина Катаева. С. 295.

³²⁰ Катаев В. Трава забвенья. С. 4.

³²¹ Там же. С. 8.

В книге Катаева авторское начало проявляется в трех ипостасях: автор – повествователь – автобиографический герой³²². Наиболее активную роль в данном триединстве играет повествователь. Его присутствие проявляется в отдельных, как бы вскользь брошенных замечаниях по поводу персонажей или событий, в лирических отступлениях или рассуждениях: «... все то, что я вижу в данный миг, сейчас же делается мною или я делаюсь им, не говоря уже о том, что сам я – как таковой – непрерывно изменяюсь, населяя окружающую меня среду огромным количеством своих отражений»³²³; «Гениальное просто, но именно в этом и заключается самая суть поэзии»³²⁴.

Повествователь обнажает свои творческие приемы, что создает впечатление рождения текста экспромтом, на глазах читателя: «Его по-украински темно-карие, несколько женские глаза – красивые и внимательные – смотрели снизу вверх, отчего мне всегда хотелось их назвать “рогатыми”. Рогатые глаза. Глупо. Но мне всегда так хотелось. Может быть, в этом и есть самая суть мовизма – писать как хочется, ни с чем не считаясь»³²⁵; «Многие описывали наружность Бунина. По-моему, лучше всего получилось у Андрея Белого: профиль кондора, как бы заплаканные глаза, ну и так далее. Более подробно не помню»³²⁶.

Если автобиографический герой больше связан с прошлым как современник своих знаменитых собратьев по литературе, то повествователь отражает настоящее – время создания произведения: «В непосредственной близости от памятника Пушкину, тогда еще стоявшего на Тверском бульваре, в доме, которого уже давным-давно не существует, имелся довольно хороший гастрономический магазин в дореволюционном стиле»³²⁸. Тот факт, что автобиографический герой наделен именем, окончательно отделяет его от автора и повествователя.

³²² См. об этом: Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. С. 40.

³²³ Катаев В. Трава забвенья. С. 3.

³²⁴ Там же. С. 92.

³²⁵ Там же. С. 88.

³²⁶ Там же. С. 5.

³²⁸ Там же. С. 93.

В книге Катаева заявленная автобиографическая линия не подчиняет себе весь жизненный материал. Внимание акцентируется на современниках писателя, и благодаря совокупности их образов создается представление о литературной среде двадцатых годов XX века. Героями произведения В. Катаева становятся Иван Бунин и Владимир Маяковский. Как пишет М.А. Литовская, «это не столько воспоминания, сколько размышления об особенностях творческих индивидуальностей двух классиков отечественной литературы, с которыми свела судьба»³²⁹.

Сюжетной основой «Травы забвенья» становится восприятие автобиографическим героем людей и событий. Автобиографический герой становится обязательным компонентом текста как связующее звено между двумя полюсами русской литературы в революционную эпоху – Маяковским и Буниным. Одна из ведущих тем книги – его общение с этими людьми и его литературное и душевное становление под их влиянием.

С образом автобиографического героя связаны важные художественные задачи произведения: формирование человеческой личности, ее творческая реализация и общественная позиция. В книге формулируется проблема выбора пути в сложное время революционных потрясений; этот выбор встает перед всеми персонажами книги, и каждый принимает решение, которое определяет его дальнейшую жизнь. Бунин не принял новую власть и уехал из революционной страны. С точки зрения автобиографического героя, «Бунин променял две самые драгоценные вещи – Родину и Революцию – на чечевичную похлебку так называемой свободы и так называемой независимости, которых он всю жизнь добивался»³³⁰. Это характеризует героя как несомненного последователя новой власти, о чем он сам заявляет: «Я сын Революции. Может быть, и плохой сын. Но все равно сын»³³¹. Данный факт лишний раз подчеркивает субъективность книги Катаева.

³²⁹ Литовская М.А. «Феникс поет перед солнцем»: Феномен Валентина Катаева. С. 292.

³³⁰ Катаев В. Трава забвенья. С. 119.

³³¹ Там же. С. 55.

Образ автора в прозе Катаева может расщепляться на несколько составляющих: непосредственный творец текста, действующий в настоящем времени; автобиографический герой, живущий в прошлом; в отдельных случаях – повествователь, являющийся связующим звеном между автобиографическим героем и автором.

Время в книге Катаева, в зависимости от целевой установки автора, может идти последовательно или, дробясь на части, причудливо перемежающиеся между собой. В первой части «Травы забвенья» еще проступают формы традиционного воспоминания с последовательным течением событий (рассказ о Бунине): «Крепко сжав хваткими пальцами наши сочинения, Бунин велел нам явиться через две недели, корректно поклонился одной головой, давая понять, что аудиенция кончена, и удалился, а его брат Юлий сказал, что Ваня торопится в гости, и проводил нас несколько шагов по каменной террасе до ступенек, которые вели на садовую дорожку, покрытую пыльным скрипучим гравием, подобно всем дорожкам на одесских дачах.

Ровно через две недели – минута в минуту – мы опять стояли на каменных плитах знакомой террасы, через перила которой к нам тянулись багрово-оранжевые сосисочки – соцветия растения, названия которого я тогда еще не знал и узнал только лет через пятьдесят»³³³.

Вторая часть (рассказ о Маяковском) приобретает черты условного художественного сюжета, когда разновременные события привязываются к одному дню жизни героя. Катаев постоянно прибегает к хронологическим инверсиям. Повествование развивается ассоциативно, когда фрагменты далекого и более близкого прошлого, настоящего предстают в свободном чередовании, вызванные прихотливым движением авторской мысли. На протяжении практически всей второй части автором прокладывается линия разговора с Маяковским на квартире Катаева, которая прерывается и вновь возобновляется: «Мы долго молчали, думая каждый о своем. Не знаю, о чем

³³³ Катаев В. Трава забвенья. С. 5.

думал Маяковский, но он все время как бы к чему-то прислушивался, ожидал чего-то. Я же думал о нем, которого с давних пор страстно любил как поэта, считая его равным Пушкину»³³⁴. Думается, что это завершение рассказа о вечере с Маяковским, поскольку далее следует повествование о других встречах с Маяковским, на одной из которых поэт назвал свое лучшее произведение: «Что? Думаете, “Облако” лучше? А я считаю, что “Хорошо!” лучше. “Хорошо!” – лучшее мое произведение. И вообще, – снова поднял он свой разъяренный голос, – никогда не смейте просить поэта прочесть что-нибудь старое, вчерашнее. Нет хуже оскорбления. Потому что у настоящего мастера каждая новая вещь должна быть лучше прежних. А если она хуже, то, значит, поэт кончился. Или во всяком случае – кончается. И говорить ему об этом – феерическая бестактность! Зарубите себе на носу. Фе-е-ри-чес-кая!..»³³⁵.

Еще одна из характерных особенностей времени в «Траве забвенья» – введение дополнительной формы времени – будущего по отношению к прошлому, которая передана формулами: «лет тридцать тому вперед», «сорок лет тому вперед». Так, в произведении подчас действие из прошлого переходит в современность, осознанную как будущее: «Он уже давно существовал в каком-то другом измерении, я же продолжал двигаться во времени и пространстве, как обычно, и однажды лет тридцать тому вперед, выйдя из лифта на последнем этаже, в мокрых дождевиках, “импермеаблях”, по которым как бы еще продолжали струиться отражения разноцветных огней Пасси, – жена и я очутились перед коричневой дверью. Лет сорок назад эта дверь, вероятно, была еще совсем новая, и в теплой лестничной клетке хорошо пахло дорогой масляной краской, полированным деревом, начищенной медью»³³⁶.

Как убедительно заметил Б. Галанов, «автор постоянно поверяет прошлое настоящим, временем, в котором живет, трудится и, уходя памятью в прошлое, действуя в нем, не покидает настоящее, с позиций сегодняшнего дня

³³⁴ Катаев В. Трава забвенья. С. 97.

³³⁵ Там же. С. 102.

³³⁶ Там же. С. 116-117.

философски осмысляет всю сложность, противоречивость прожитой жизни и себя самого»³³⁷.

Название произведения отсылает нас к эпизоду в поэме «Руслан и Людмила» Пушкина, когда герой, оказавшись на поле старой битвы, восклицает: «Зачем же, поле, смолкло ты / И поросло травой забвенья?»

В. Катаев передает чувства человека, силой своей памяти оказавшегося вновь в том далеком незабвенном мире, которого уже нет: на даче у Буниных или в московском продуктовом магазине с Маяковским и Мандельштамом, о чем выразительно сказал М. Галанов: «Со многим навсегда распростившись, многое воскресив в памяти с непреходящей светлой печалью, а многое сбрасывая, как тяжелую ношу, Катаев вновь, в который раз, со щемящей болью и восторгом прикоснувшись к “Траве забвенья”, почувствовал сладкий, терпкий, яростный вкус жизни»³³⁸.

С расстояния прожитой жизни автор связывает образы прошлого, подчас мелкие детали, с будущими событиями: «Вот и воспоминание о неприхотливом дачном цветке с красными лепестками – не просто красными, а... багрово-оранжевыми, тигрово-абрикосовыми – усложнилось, превратилось в некий зловещий символ... Теперь, спустя годы, художнику кажется, что уже тогда в темно-красной середине цветка словно бы загорался угрюмый огонь войны и грядущей революции, столь ненавистной Бунину и столь страшной для него»³³⁹.

Подводя итоги, отметим, что книга В. Катаева «Трава забвенья» оказалась под заметным влиянием и документального жанра, и художественной прозы. Функционирование в тексте исторических лиц наряду с вымышленными персонажами, сближение воспоминаний с воображением, большая степень субъективности произведения и введение в текст чужих воспоминаний, особая

³³⁷ Галанов Б. Валентин Катаев: Размышления о Мастере и диалоги с ним. С. 175.

³³⁸ Там же. С. 175.

³³⁹ Там же. С. 177.

специфика временной структуры произведения и многомерность образа автора, – характеризуют «мовистскую» прозу В. Катаева.

Таким образом, рассмотренные нами в настоящей главе своеобразие художественного времени в мемуарах, соотношение признаков художественного произведения и документального, субъективности и объективности текста, а также особенности авторского взгляда на описываемые события, на представителей своего времени и на себя самого времени далекого прошлого – являются важными составляющими характеристики мемуарного произведения. Произведения И. Эренбурга, Л. Пастернака и В. Катаева, взятые отдельно, можно рассматривать иначе – с точки зрения разных взглядов на один и тот же исторический факт и исторического героя. Эта попытка была предпринята нами в статьях: «Портреты литераторов двадцатых годов в осмыслении мемуарной прозы шестидесятых годов XX века» / М.А. Михайлова // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 7: в 2 т. Т. 1. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 149–157; «Литературные мемуары на страницах «Нового мира»: проблема исторической, культурной и личной памяти» / М.А. Михайлова // Уральский филологический вестник. Вып. 3. – Екатеринбург, 2014. – №. 5. – С. 201–205.

Но нас интересует мемуарная проза «Нового мира» с точки зрения жанра.

Глава 3. Мемуары писателей: рукопись – журнальная публикация – книга

§ 1. Новомирский стиль работы с мемуаристами

Журнал «Новый мир» в шестидесятые годы был признанным лидером оппозиционной литературы по отношению к господствующей идеологической парадигме. Вместе с тем, являясь официальным изданием, он был вынужден идти на определенные цензурные уступки при публикации произведений, поскольку в эпоху «оттепели» существовал четко определенный круг запретных и полузапретных тем. Неприкасаемой была официальная версия истории советского государства, а также идеологемы и мифологемы, связанные с социалистическим способом жизнеустройства.

Однако эти темы были основными в мемуарной литературе, публиковавшейся на страницах журнала. Главными критериями отбора мемуаров были: высокое художественное качество, установка на субъективную правдивость, – но приходилось учитывать идеологическую «проходимость» текстов. Разумеется, при публикации использовались все приемы конспиративной речи: ««Новый мир» был вынужден выработать целую систему обхода цензуры, одним из следствий создания которой была активизация диалога с читателем»³⁴⁰. В этом ключе главной составляющей работы журнала являлась работа с авторами, основные формы которой следующие: внутреннее рецензирование, редакционное обсуждение, на которое приглашался писатель, переписка, рецензия или критическая статья на произведение, вышедшее отдельным изданием и т.д.

В архиве «Нового мира» сохранились протоколы заседаний редколлегии, на которых обсуждались рукописи произведений, переписка с авторами и читателями, верстки журнала с правками авторов и членов редколлегии. Работа

³⁴⁰ См. об этом подробнее: Снигирева Т.А. А.Т. Твардовский. Поэт и его эпоха. С. 341-369.

редколлегии с текстами велась по следующим направлениям:

1) стилистические правки; 2) идеологическое смягчение.

Показательным в этом отношении является история публикации мемуаров В. Каверина «За рабочим столом», вышедших в журнальном издании в 1965 году. Это произведение представляет собой серию литературных портретов писателей, имена которых были долгие годы насильственно забыты в русской печати по цензурным соображениям: Л. Лунца, М. Зощенко, Н.Заболоцкого.

В. Каверин был первым, кто за многие годы предпринял попытку восстановить в истории русской литературы имя Льва Лунца, научного сотрудника Петроградского университета, талантливого писателя и драматурга, участника литературной группы «Серапионовы братья». «Вина» «Серапионовых братьев» и Л. Лунца как лидера группы заключалась, по мнению официальной критики, в нарочитой аполитичности. Раздражение властей вызвала трагедия Л. Лунца «Вне закона», прямо воспринятая как реакционное произведение. После смерти Лунца в 1924 году его произведения никогда не печатались в СССР.

В шестидесятые годы стало возможным вспомнить и рассказать о ранее запрещенном писателе, что и было осуществлено в журнале «Новый мир». Однако цензура не могла пропустить упоминание Каверина о тесном знакомстве Лунца и Горького, авторитета русской литературы советского периода. Так, нынче абсолютно безобидное замечание мемуариста: «Нет ничего проще, как доказать, основываясь хотя бы на интереснейшей переписке Горького и Лунца, которую давно пора опубликовать...»³⁴¹ в журнальной версии было снято.

Аналогичная ситуация складывается в мемуарах Каверина при создании портрета М. Зощенко. Когда Каверин пытается защитить и оправдать Зощенко, редакция смягчает его эмоциональный тон, убирает особенно экспрессивные

³⁴¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир» (Москва, 1925 – по настоящее время). Оп. 10. Ед. хр. 1138. Л. 8.

выражения: «Его, упорно боровшегося против подонков, которых еще немало в нашем обществе, называли подонком! Какое преступление совершил этот человек..?»³⁴² – не вошло в окончательный вариант воспоминаний. Вычеркнуты некоторые субъективные высказывания Каверина о Зощенко: «... его считали судьей в самых сложных и запутанных житейских и литературных делах»³⁴³. Исключены из текста имена крупных писателей и литературных чиновников, так или иначе связанных с судьбой Зощенко: «Нельзя сказать, что не было попыток помочь ему»³⁴⁴. И далее в рукописи вычеркнуто: «Симонов напечатал несколько рассказов из его книги, Фадеев хлопотал о нем настойчиво и упрямо»³⁴⁵. Редакция осторожно убирает некоторые намеки Каверина о том, что и сегодня в литературе нет абсолютной свободы слова: «Без сомнения, придет время, когда можно будет с исчерпывающей полнотой ответить на этот вопрос. А пока... рядом с ним нетрудно поставить другой, не менее сложный: что послужило причиной того, что тысячи честных людей были ложно обвинены в неслыханных преступлениях, арестованы, сосланы и не вернулись?»³⁴⁶. Эти строки, проникнутые искренней болью Вениамина Каверина о многих своих друзьях и соратниках по ремеслу, не были опубликованы в «Новом мире» в 1965 году. Полный авторский текст воспоминаний под тем же названием был опубликован отдельным изданием в семидесятые годы, в девяностые – увидела свет книга мемуаров «Эпилог», в которую вошли главы из произведения «За рабочим столом» и другие воспоминания, многие годы писавшиеся «в стол».

Серьезную полемику в редакции «Нового мира» вызвал вопрос о публикации произведений В. Катаева. Например, заключительная часть («Кубик») разбиралась на специальном заседании редколлегии в феврале 1969

³⁴² Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир».

Оп. 10. Ед. хр. 1138. Л. 10.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Там же. Оп. 10. Ед. хр. 1138. Л. 12.

года, в ходе которого были прочитаны рецензии, которые пока не опубликованы.

И. Виноградов, заведующий отделом критики, единственный выступивший за публикацию «Травы забвенья», выделил те общие особенности прозы Катаева, которые служили веским поводом к публикации и «Травы забвенья», и «Святого колодца»: «...стилистическая изощренность, несомненное искусство словесной живописи остались здесь прежними и по-прежнему способны служить весомым доводом в пользу печатания этой вещи, отвечая нашему постоянному стремлению отстаивать высокий уровень литературного мастерства <...> В “Траве забвенья” и в “Святом колодце”, помимо упоенности автора чувственным многоцветьем бытия и радостью закрепления его в слове и образе, мы имели все-таки и обладающие самостоятельной содержательной ценностью портреты Бунина и Маяковского, и достаточно острую «антикультовую» тему, и не такой уж пустяковых с точки зрения наших сегодняшних проблем и в свете сегодняшних условий нашей литературной и общественной жизни памфлетный образ “человека-рыбы”, и достаточно любопытные зарисовки американских впечатлений, и многое другое»³⁴⁹.

В рецензии И. Виноградова «Кубик» резко противопоставлен первым двум повестям. Отсутствие сколько-нибудь важного содержания, которое бы вызвало серьезный общественный интерес, копирование своих же художественных приемов, подчас шокирующих читателя, а главное – утверждение бездуховности и дегуманизации общества – в глазах И. Виноградова характеризовали «Кубик» как совершенно бесполезный и неинтересный для широкой общественности текст, которому нет места в журнале «Новый мир»: «Перед нами – мир демонстративной, программной антигражданственности, мир откровенно эгоцентрического, потребительски-бездуховного отношения к жизни. И это глубокое безразличие автора ко всем

³⁴⁹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 9. Там же. Ед. хр. 339.

проблемам, заботам и тревогам, которые составляют содержание сегодняшней гуманистической культуры, это отвержение, это игнорирование как незначимых всех иных критериев кроме собственного «я», мерой удобства и покоя которого определяется отношение ко всему на свете, наполняет всю повесть, образует ее атмосферу – ее основное, и притом единственно всеобъемлющее мировоззренческое содержание. Если это поэтика, то вот она, пожалуйста: “Синяк, похожий на цветок Анютины глазки, ну не похожий! Не все ли равно?”...

Таков весь дух повести, ее “философия”, и никакие частные вычеркивания ее не устроят, разве лишь несколько приглушат. И вот здесь-то и спрашиваешь себя: а зачем нам предоставлять страницы нашего журнала для подобной философии, хотя бы и приглушенной, какая в этом особая нужда? Может быть, она как-то согласуется с позициями, которые мы отстаиваем? Может быть, повесть В. Катаева что-то весит на весах истины и добра, что-то утверждает в этой, единственно для нас приемлемой системе ценностей? Мне кажется, – ничего, или, если угодно, почти ничего. Зато утверждает ту бездуховность, тот общественный имморализм, то эгоистически-потребительское отношение к жизни и искусству, против которых мы всегда выступали», – пишет И. Виноградов и заключает свою рецензию прямым отказом этому произведению в публикации в журнале «Новый мир».

Игорь Сац, сотрудник журнала «Нового мира», выразил солидарность с мнением И. Виноградова по всем пунктам, кроме вывода. По мнению, И. Саца, неприлично не печатать заключительную часть трилогии В. Катаева в «Новом мире», когда первые две уже опубликованы. Редактор утверждает, что мемуары Катаева – прошлое и почти «Литературное наследие», и ничего крамольного в них нет. В конце концов, утверждает И. Сац, «В.П. Катаев сам за себя отвечает и что нам неудобно брать целиком на себя ответственность перед читателем за такого (выделено автором рецензии – М.М.) автора, одного из зачинателей

советской литературы, давшего ей официально прославленные произведения»³⁵⁰.

Александр Марьямов также выступил за то, чтобы «Кубик» был опубликован в «Новом мире». По его мнению, оправдывают это решение стилистические достоинства катаевской прозы: «”мовистские” вещи В.П.Катаева... сделаны с ювелирным литературным мастерством, с присущим, пожалуй, ему одному умением отточить фразу, “довести” образ, отобрать слово. ... не питая личной симпатии к прозе, которая организуется при помощи прямых связей между глазом и словом, минуя мысль, а именно это, как мне кажется, является отличительной чертой катаевского “мовизма”, – я все же решительно стою за (выделено автором рецензии – М. М.) публикацию “Кубика” в нашем журнале... Пусть рядом с прозой, какую мы можем безоговорочно считать нашей, новомирской, появится и иная, – оттеняющая ее, – грань»³⁵¹.

Таким образом проходило редакционное обсуждение прозы Катаева. В итоге, «Кубик» был опубликован во втором номере «Нового мира» за 1969 год. Из архивов редакции, а также дневниковых записей В. Лакшина и А. Кондратовича можно заключить, что все произведения В. Катаева печатались в «Новом мире» не всегда согласно эстетическим предпочтениям членов редколлегии. Причины такого положения в журнале объясняет сам А. Кондратович: «даже у “Нового мира”, к которому тянулись лучшие писатели (и в самом деле, я не знаю произведений, о которых гремели бы, что они появились не у нас), не так хорошо обстояло дело с материалами <...> Каким бы ни был Катаев, он умел писать. Всё у него сделано, это верно, но сделано ювелирно, мастерски. Это умение стилистическое у нас ведь тоже изрядно подзабыто и растеряно. Безъязычье ужасающее. <...> Поэтому мы не хотели

³⁵⁰ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 9. Ед. хр. 230. Л. 15.

³⁵¹ Там же. Оп. 9. Ед. хр. 230.

его упускать. Какая–то новая и небезгласная краска прибавлялась к журналу»³⁵².

Длительной и особенно непростой для редколлегии «Нового мира» является история публикации мемуаров И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые выходили на страницах журнала с 1960 по 1965 годы.

Первая книга в целом была принята редакцией журнала. После того, как Твардовский ознакомился с рукописью, ей предстояло еще пройти через цензуру (Главлит) и Отдел культуры ЦК КПСС, где ею занимался заведомо Д.А. Поликарпов. Таким образом, рукопись Эренбурга попадала на стол Поликарпова, предварительно пройдя два цензурных круга: авторский и редакционный.

С самого начала редакция категорически отказалась бороться за прохождение через цензуру главы о еще нереабилитированном Бухарине³⁵³. И вместо ожидаемых страниц в журнальном тексте появились слова: «Еще не настало время рассказать о всех моих товарищах по школьной организации»³⁵⁴.

Вторая книга мемуаров «Люди, годы, жизнь» стала прорывом в осмыслении советской истории и литературы. Впервые приведенные воронежские стихи Мандельштама, рассказ о Пастернаке, рассуждения о трагедии Маяковского, отказавшегося от искусства ради политики, – стало сенсацией в Советском Союзе, о чем свидетельствует многочисленная почта Эренбурга, хранящаяся в архиве редакции «Нового мира»³⁵⁵.

Редакция вела скрупулезную работу по стилистической правке воспоминаний Эренбурга и устранению фактических ошибок. Например, А. Марьямов в письмах И. Эренбургу указывает на неточности в рукописи книги: «Стр. 228 – «Прощай, оружие» – не первый роман Хемингуэя; С. 8 –

³⁵² Кондратович А. Новомирский дневник, 1967–1970. – С. 374–375.

³⁵³ См. подробнее: Фрезинский Б. Об Илье Эренбурге. Книги, люди, страны: избранные статьи и публикации. – М., 2013. – С. 321–324.

³⁵⁴ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Новый мир. – 1960. – № 8. – с. 43.

³⁵⁵ См.: Российский государственный архив литературы и искусства. Фонд 1702: Редакция журнала «Новый мир». Описание 8. Ед. хр. 631: Письма читателей о книге И.Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь». 9 января–20 мая 1961 г. На 83 листах.

Эйфелева башня построена в 1899 (к всемирной выставке)³⁵⁶; на повторы: «С. 142 – Второй раз Репин». И ответ И. Эренбурга на полях: «Ну и что?»³⁵⁷. Б. Закс, вычитывая рукопись, направляет автору следующие пожелания: «С. 71. – Все-таки фраза о будущем (уже писал Вам о ней) вызывает возражения. Зачем сближать людей будущего с интелектуалами (???). С. 139. – Во вставке, которую Вы сделали, есть фраза из вынутой главы, против которой А.Т. возражал: “... но может быть, поэтому Александр Александрович бывал со мной откровеннее, чем со многими из своих друзей”. Но Вы ведь не можете знать степени его откровенности с другими? Минимальное предложение: снять слово “поэтому”»³⁵⁸.

В архиве «Нового мира» сохранились письма А. Твардовского к И. Эренбургу, где он дает общую оценку мемуаров и высказывает свои замечания к отдельным частям текста. Правки Твардовский предварил вступлением, в котором очень точно раскрыл смысл необходимости внести исправления в текст: «Я, как прежде, считаю свою редакторскую роль в отношении этой Вашей работы весьма ограниченной, т. е. опять же не собираюсь просить Вас вспоминать о том, чего Вы не помните, и опускать то, чего Вы забыть не можете. Но мой долг просить Вас о другом: чтобы Вы учли реальные обстоятельства наших дней, просматривая эту верстку, и, по возможности, облегчили ее прохождение на известных этапах»³⁶⁰.

В замечаниях Твардовского отчетливо запечатлена забота главного редактора о литературной репутации автора: «Стр. 25, абзац третий, последняя фраза насчет “этикетки, с которой проходил всю жизнь”. Это просто неловкая фраза. Вы слишком крупны, Илья Григорьевич, чтобы унижаться до такой памяти относительно тех, кто это делал, чтобы помнить о них. А

³⁵⁶ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 8. Ед. хр. 47. Л. 8.

³⁵⁷ Там же. Оп. 8. Ед. хр. 47. Л. 8.

³⁵⁸ Там же. Оп. 9. Ед. хр. 122. Л. 40.

³⁶⁰ Там же. Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 2–4.

указанная выше фраза – просто не должна, по-моему, остаться в тексте»³⁶¹. Здесь Твардовский имеет в виду слова Эренбурга: «В Ленинграде в 1925 году вышла книга И. Терещенко «Современный нигилист – И. Эренбург»... Я хочу сейчас разобраться в правильности этикетки, с которой проходил всю жизнь»³⁶². Эренбург внес поправку в последнюю фразу: «...в правильности этикетки, которую часто на меня вешали»³⁶³.

В рассказе о гражданской войне в Испании 1936–1939 годов, когда военного корреспондента «Известий» Илью Эренбурга внезапно перестали печатать, фраза: «я по-прежнему страстно обличал фашистов, а приближалась пора сложных дипломатических переговоров. Писателю трудно работать в газете: он думает, что он – игрок, а он только карта»³⁶⁴ – вызвала возражения Твардовского. Главный редактор писал: «Сентенция не бог весть какой новизны и глубины, но, обращенная к советской печати в такой категорической форме, не может быть принята. Редакция здесь не может, как в иных случаях, отстаивать Ваши права на своеобразную форму выражения»³⁶⁵. Фраза в журнальной публикации была снята.

Очень резко отозвался А. Твардовский о пятой книге воспоминаний. Как записал в своем дневнике В. Лакшин, «эта часть мемуаров могла бы стать главной — тут, в эти годы, расцвет деятельности Эренбурга. А она мелка, многое неприятно... Поза непогрешимого судьи, всегда все знавшего наперед и никогда не ошибавшегося»³⁶⁶. В архиве редакции «Нового мира» хранится письмо А. Твардовского к И. Эренбургу с «некоторыми из категорических возражений главного редактора». Позволим себе привести замечания главного редактора к именитому автору, которые показывают, как внимательно

³⁶¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 9. Ед. хр. 58. Л. 2–4.

³⁶² Эренбург, И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. Т. 1. – М., 1990. – С. 415.

³⁶³ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь // Новый мир. 1961. №9. С. 122.

³⁶⁴ Эренбург, И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. Т. 2. – М., 1990. – С. 198.

³⁶⁵ Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 9. Ед. хр. 78. Л. 101.

³⁶⁶ Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953-1964). С. 72.

относился Твардовский и к факту, и к авторскому праву его осмысления, как, впрочем, и к редакторскому праву не согласиться с мемуаристом:

«Концовка главы. Смысл: война непосредственное следствие пакта СССР с Германией. Мы не можем встать на такую точку зрения. Пакт был заключен в целях предотвращения войны».

«Сотрудники советского посольства, приветствующие гитлеровцев в Париже. “Львов”, посылающий икру Абетцу. Мне неприятно, Илья Григорьевич, доказывать очевиднейшую бестактность и недопустимость этой “исторической детали”».

«“Немцам нужны были советская нефть и многое другое“... Это излишнее натяжение в объяснение того частного факта, который и без того объяснен Вами».

«“Свадебное настроение” в Москве в 40 г.? Это, простите, неправда. Это было уже после маленькой, но кровавой войны в Финляндии, в пору всенародно тревожного предчувствия. Нельзя же тогдашний тон газет и радиопередач принимать за “свадебное настроение” общества».

«Услышанные где-то от кого-то слова насчет “людей некоторой национальности” представляются для той поры явным анахронизмом».

«То, что Вы говорите о Фадееве здесь, как и в другом случае — ниже, для меня настолько несовместимо с моим представлением о Фадееве, что я попросту не могу этого допустить на страницах нашего журнала. Повод, конечно, чисто личный, но редактор — тоже человек»³⁶⁷.

Эренбург пошел на уступки и изменил текст. Но некоторые, возможно, чрезмерно скрупулезные замечания Твардовского вызвали резкую эмоциональную реакцию Эренбурга. К фрагменту мемуаров: «...мне позвонили из секретариата Сталина, сказали, чтобы я набрал такой-то номер: “С вами будет разговаривать товарищ Сталин”. Ирина поспешно увела своих пуделей,

³⁶⁷ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 9. Ед. хр. 78.

которые не ко времени начали играть и лаять»³⁶⁸. А. Твардовский заметил: «Фраза насчет собак в момент телефонного звонка от Сталина, согласитесь, весьма нехороша... Собаки (комнатные) в представлении народном – признак барства и это предубеждение так глубоко, что, по-моему, не следовало бы его “эпатировать”»³⁶⁹. Ответ Эренбурга был категоричен: «Я не считаю, что собаки оскорбительно вмешиваются в рассказ о телефонном звонке. Что касается Вашего общего замечания, то позвольте мне сказать, что среди моих читателей имеются люди, которые любят и не любят собак, как есть люди, которые любят и не любят Пикассо. Поскольку Вы великодушно разрешили мне излагать мои эстетические суждения, которые Вам были не по душе, разрешите мне выходить на прогулку с моими собаками»³⁷⁰.

В. Лакшин в своих воспоминаниях рассказывает о том, что «сражения» за текст и, как следствие, временные проволочки, были частой причиной задержки выхода очередного номера журнала. Приведем фрагменты хронологии этой борьбы, они как нельзя лучше свидетельствуют о том, какой двойной прессинг выдерживал журнал: и со стороны цензуры, и со стороны автора.

«16. II. 1963 ... Д.А. Поликарпов предложил ужасающую правку по Эренбургу, которая может быть условием возвращения его во 2-ю книжку журнала. Предлагает снимать чуть ли не целыми страницами, и не только места, заподозренные в “еврействе”, но и направленные против культа. Побывав в ЦК, Дементьев ездил на дачу к Эренбургу, а Поликарпов сидел допоздна в отделе и ждал результатов у телефона: видно, тоже побаивается мирового скандала.

8. III. 1963

Эренбург разрешен с поправками. В ЦК пошли на компромисс, потому что Эренбург послал Хрущеву письмо, где писал о возможном международном

³⁶⁸ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. Т. 2. М., 1990. – С. 228.

³⁶⁹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 9. Ед. хр. 78. Л. 101.

³⁷⁰ Бианки Н.П. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире»: Воспоминания. М., 1999. – С. 157-158.

резонансе на запрещение его книги и о том, что его деятельность эмиссара мира будет в этом случае сильно затруднена»³⁷¹.

22. III. 1963

С Эренбургом (№3) тоже никак не решится. Идет борьба уже из-за отдельных фраз (просят убрать, например, выдержку из дневника погибшей в войну девушки Инны Константиновой – о том, что ее угнетала ложь культа: не хватало масла, сахара, а митинги устраивали и кричали о счастливой жизни).

Старик вдруг уперся, и как его не понять! Но Поликарпов [заведующий Отделом литературы и искусства ЦК КПСС] тоже стоит, как бык, требуя поправок. А номер – недвижим»³⁷².

«22. VII. 1964

В цензуре остановили мемуары Эренбурга. Просят по крайней мере отложить из номера и уже передали верстку по начальству. Должен будто бы читать Ильичев. Но пока крутят: старика боятся и просят не сообщать ему. “А нам-то каково, мы все равно с машин съехали”, – объяснялся Твардовский по телефону с цензором. Обычная морочка с типографией “Известий”, которая не терпит задержек при подписи в печать»³⁷³.

В работе над шестой книгой также было немало трудностей. Там, где было возможно, редакция старалась максимально сохранить авторский текст, сглаживая особо острые замечания Эренбурга. Так, Б. Закс в письме Эренбургу высказал свои пожелания изменить текст в повествовании о постановлении 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»: «Вместо “А.А. Жданов выступил с докладом, который на восемь лет определил судьбы нашей литературы”, предлагается: “А.А. Жданов выступил со своим известным докладом”»³⁷⁴.

³⁷¹ Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953-1964). С. 104.

³⁷² Там же. С. 112.

³⁷³ Там же. С. 242.

³⁷⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 9. Ед. хр. 122. Л. 40.

Редакция настаивала на выполнении поправок, предложенных в Главлите. Примером обхода цензуры может служить строка, где Эренбург называет имя Бухарина в числе жертв сталинских репрессий: «Среди погибших были мои близкие друзья, и никто никогда не смог бы меня убедить, что Всеволод Эмильевич, Семен Борисович, Николай Иванович или Исаак Эммануилович предатели»³⁷⁵. Фамилии Мейерхольда, Членова и Бабея не могли встретить цензурных трудностей, но, как утверждает Б. Фрезинский: «Эренбург назвал их по имени-отчеству, чтобы провести через цензуру “непроходимого” Бухарина»³⁷⁶. Б. Г. Закс, редактировавший рукопись, в перечне своих замечаний указал Эренбургу на это место: “Николай Иванович. Это явно непроходимо. Просьба снять”³⁷⁷. В итоге боев между Эренбургом и редакцией, редакцией и Главлитом, шестая часть была напечатана в первом, втором, третьем и четвертом номерах за 1965 год.

О многотрудной работе редакции над мемуарами «Люди, годы, жизнь» в те дни заместитель главного редактора А. Кондратович вспоминал: «Все части мемуаров Главлит исправно передавал в ЦК, густо расчерченные. Поликарпов ломал над ними голову, а потом вызывал меня и говорил, что это нельзя и это нельзя печатать, а вот это надо просто каленым железом выжечь. И каждый раз я говорил: “Но он же не согласится”, или иногда с сомнением: “Попробуем, может, уговорим”. Но Эренбург ни на что не соглашался менять текст, а иногда издевательски менял одно-два слова на другие, но такие же по смыслу. И то было хорошо. Я показывал: “Видите, поправил”, и, к моему удивлению, с этими лжепоправками тут же соглашались.

Вскоре я разгадал эту игру отдела. Им нужно было на всякий случай иметь документ, свидетельствующий о том, что они читали, заметили происки

³⁷⁵ Эренбург, И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. Т. 3. М., 1990. – С. 233.

³⁷⁶ Фрезинский Б. Илья Эренбург и Николай Бухарин (Взаимоотношения, переписка, мемуары, комментарии) // Вопросы литературы. – 1999. – №1. – С. 332.

³⁷⁷ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 9. Ед. хр. 122. Л. 41.

Эренбурга, разговаривали с редакцией, и Эренбург все же что-то сделал. Мало, но ведь все знают его упрямство...

Но нехитрые правила этой игры я не мог передать Эренбургу – ему ничего не стоило об этом где-нибудь рассказать, а то и написать.

И вот положение. На одной стороне Поликарпов. Когда я ему говорю: “Нас он не слушает. Может быть, я сошлюсь на вас”, – он: “Нет, на меня не ссылайтесь. Разговаривайте с ним сами”. С другой стороны упрямый, желчный, ироничный Эренбург, удивительно помнящий свой текст. Однажды я без его ведома внес поправку в какую-то одну фразу, он заметил и закатил мне такой скандал.

Так мучительно печаталась книга за книгой...»³⁷⁸.

Смещение Хрущева и укрепление просталинских тенденций сделало дальнейшую публикацию мемуаров Эренбурга невозможным. На этом закончилось сотрудничество И. Эренбурга с журналом «Новый мир». Уже после смерти писателя А. Твардовский напечатал о нем статью в своем журнале, начинавшуюся следующими словами: «Это одна из тех утрат, которые выявляют значение личности ушедшего в масштабах куда более обширных, чем представлялось при его жизни»³⁷⁹. О книге «Люди, годы, жизнь» говорилось: «Писательскую судьбу Эренбурга можно смело назвать счастливой. Это очень редко бывает, когда художник уже на склоне лет создает свою самую значительную книгу, как бы итог всей своей творческой жизни. Можно по-разному относиться к отдельным страницам книги “Люди, годы, жизнь”, но кто смог бы отрицать особую значительность этого произведения, и не только в объеме творчества Эренбурга, но и в объеме нашей литературы в целом на новом этапе ее развития в годы после XX съезда КПСС.

Первым из своих литературных сверстников Илья Григорьевич Эренбург обратился к современникам и потомкам с этим рассказом о “времени и о себе”, исповедью своей жизни, так или иначе переплетенной с величественной и

³⁷⁸ Кондратович А. Новомировский дневник 1967-1970. С. 109.

³⁷⁹ Твардовский А. Памяти Ильи Григорьевича Эренбурга // Новый мир. – 1967. – №9. – С. 285.

сложнейшей полувековой историей нашей революции. Он смело вышел из-за укрытия беллетристических условностей, натяжек и допущений, присущих общепринятой литературной форме, и обрел в этой своей книге высоко ценимую читателем непринужденность изложения и емкость содержания. В этом плане его у нас не с кем покамест сравнивать.

Пусть иные критики Эренбурга еще в период журнальной публикации его книги настойчиво советовали ему вспоминать в своих записках о том, чего он не мог знать и помнить, и забывать о том, что он знал и не мог забыть, писатель остался верен себе. И несмотря на все неизбежные издержки “субъективного жанра” мемуаров, романист, публицист, эссеист и поэт Илья Эренбург именно в этом жанре, привлекающем читателя искренностью и непосредственностью личного свидетельства о пережитом, в результате слияния всех сторон своего литературного таланта и жизненного опыта достигает, на мой взгляд, огромной творческой победы. Этой его книге, уже обошедшей весь мир и переведенной на многие языки, безусловно обеспечена прочная долговечность»³⁸⁰.

Когда Кондратович прочел этот текст, он записал в дневнике: «Да, редко А. Т. писал так...»³⁸¹.

Другим ярким примером работы редколлегии «Нового мира» с автором и его рукописью является история публикации «опыта автобиографии» Б. Пастернака «Люди и положения». Мемуары Б. Пастернака вышли после смерти автора, и сотрудничество редакции велось с сыном писателя, Евгением Пастернаком, автором комментариев к произведению.

Из истории взаимоотношений Б. Пастернака с «Новым миром» известно, что еще в 1956 году Пастернак предложил журналу рукопись романа «Доктор Живаго». В ответ писатель получил отказ, свои претензии редакция обосновывала в большом письме, подписанном А. Агаповым, Б. Лаврениевым, К. Фединым, К. Симоновым и А. Кривицким. В №12 планировалась публикация автобиографического очерка, но в последнюю минуту он были

³⁸⁰ Твардовский А. Памяти Ильи Григорьевича Эренбурга // Новый мир. – 1967. – №9. – С. 285-286.

³⁸¹ Кондратович А. Новомирский дневник, 1967-1970. С. 108.

вынут из номера. Е.Б. Пастернак утверждает: несмотря на то, что автором рецензии на роман «Доктор Живаго» был главный редактор К. Симонов, это было не его частным мнением, а «указанием сверху»³⁸².

Даже после того, как должность главного редактора занял А. Твардовский, «Доктор Живаго», в связи с публикацией романа за рубежом и скандальной истории с Нобелевской премией, не мог быть издан в СССР. Однако после переговоров с Е. Пастернаком было принято решение о том, чтобы поместить на страницы журнала автобиографический очерк «Люди и положения».

В тексте рукописи была сделана одна весьма существенная купюра. Там, где автор характеризует литературную жизнь тридцатых годов («В последние годы жизни Маяковского, когда не стало поэзии ничьей, ни его собственной, ни кого бы то ни было другого, когда повесился Есенин, когда, скажем проще, прекратилась литература, потому что ведь и начало «Тихого Дона» было поэзией, и начало деятельности Пильняка и Бабеля, Федина и Всеволода Иванова, в эти годы Асеев, отличный товарищ, умный, талантливый, внутренне свободный и ничем не ослепленный, был ему близким по направлению другом и главной опорой»³⁸³) была снята фраза «когда, скажем проще, прекратилась литература, потому что ведь и начало “Тихого Дона” было поэзией, и начало деятельности Пильняка и Бабеля, Федина и Всеволода Иванова...»³⁸⁴.

Комментарии Е. Пастернака также подверглись цензуре. Как пишет Е. Пастернак, по мнению его отца, поэтическая и жизненная трагедия Маяковского стала следствием того, что поэт выбрал путь служения советской революционной агитпропаганде и затем горько в нем разочаровался: «В 1914 году Маяковский явился для Пастернака гениальным оправданием левых послесимволистских литературных течений в России, вершиной поэтической участи революционного поколения. С большой эмоциональной силой

³⁸² См. об этом: Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: материалы для биографии. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 619.

³⁸³ Пастернак Б. Собр. сочинений в пяти томах. Т. 4: Повести, статьи, очерки. – М., 1991. – С. 337.

³⁸⁴ Пастернак Б.Л. Люди и положения // Новый мир. – 1967. – №1. – С. 231.

нарисован трагический портрет Маяковского в последние годы его жизни»³⁸⁵. Редакция была вынуждена вычеркнуть этот абзац, очень емко характеризующий отношение Пастернака к Маяковскому, и следующую цитату из «Охранной грамоты»: «Едва ли найдется в истории другой пример того, чтобы человек, так далеко ушедший в новом опыте, в час, им самим предсказанный, когда этот опыт, пусть и ценой неудобств, стал бы так насущно нужен, так полно бы от него отказался»³⁸⁶.

В журнальном варианте этот комментарий сокращен: «В последние годы жизни Маяковского, когда не стало поэзии ничьей, ни его собственной, ни кого бы то ни было другого, когда повесился Есенин <...>, в эти годы Асеев, отличный товарищ, умный, талантливый, внутренне свободный и ничем не ослепленный, был ему близким по направлению другом и главной опорой»³⁸⁷.

Так, выстраивание отношений между авторами и отделом цензуры ЦК партии целиком ложилась на редакцию «Нового мира».

Миссия журнала заключалась в том, чтобы правдивые свидетельства времени увидели свет, были открыты новые имена писателей, ранее запрещенные по идеологическим причинам произведения нашли своего читателя. Однако статус подцензурного журнала накладывала на редакцию обязательства следовать официальной линии развития литературы, не предполагающей в шестидесятые годы сбрасывание всех покровов и снятие масок с советской действительности. Скрупулезная работа с текстами, выстраивание дипломатических отношений с авторами – с одной стороны, и цензурой – с другой, позволила «Новому миру» стать рупором литературы эпохи «оттепели» и занять важное место в развитии русской литературы XX века.

³⁸⁵ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702: Редакция журнала «Новый мир». Оп. 10. Ед. хр. 1314.

³⁸⁶ Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: материалы для биографии. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 625.

³⁸⁷ Пастернак Б. Люди и положения. С. 231.

§ 2. От журнальной публикации к книге

Журнальной публикацией жизнь произведения обычно не заканчивается. Думается, представляет особое историко-литературное значение исследование того, как меняется текст в зависимости и от времени его публикации, и от формата издания, в котором оно напечатано. Такого рода сопоставления проводятся не часто, между тем, они могут наглядно показать как специфику журнальной стратегии, так и саму степень дозволенного / недозволенного литературы в разные исторические периоды.

Небезынтересен в этом смысле путь прохождения и первой публикации автобиографического очерка «Люди и положения» Б. Пастернака, который был написан в мае – июне 1956 года как предисловие к сборнику стихотворений и имел название «Вместо предисловия». В «Заключении» Пастернак писал: «Здесь кончается мой вступительный очерк. Я не обрываю его, оставив недописанным, а ставлю точку именно там, где с самого начала задумал. Я совсем не собирался писать историю пятидесятилетия во многих томах и лицах. Я не распространил разбора на Мартынова, Заболоцкого, Сельвинского, Тихонова, хороших поэтов. Я ни словом не упомянул о поэтах поколения Симонова и Твардовского, таких многочисленных. Я шел из центра теснейшего жизненного круга, намеренно себя им ограничив. Написанного тут достаточно, чтобы дать понятие о том, как в моем отдельном случае жизнь переходила в художественное претворение, как оно рождалось из судьбы и опыта»³⁸⁸. Вступительный очерк заканчивался словами, в которых автор характеризовал свое отношение к сборнику: «...совсем недавно я закончил главный и самый важный свой труд, единственный, которого я не стыжусь и за который смело отвечаю – роман в прозе со стихотворными добавлениями “Доктор Живаго”. Разбросанные по всем годам моей жизни и собранные в этой книге

³⁸⁸ Пастернак Б.Л. Избранное: В 2 т. Т. 2: Проза, стихотворения. – М., 1985. – С. 496.

стихотворения являются подготовительными ступенями к роману. Как на подготовку к нему я и смотрю на их переиздание»³⁸⁹.

Впервые «опыт автобиографии» был напечатан в 1956 году на грузинском языке в переводе Г. Маргвелашвили в общественно-политическом и литературно-художественном ежемесячном журнале «Мнатоби», органе Союза писателей Грузии, в №№ 11–12 за 1956 год. И только потом «Люди и положения» вышли в первом номере журнала «Новый мир» 1967 года в разделе «Из литературного наследия».

Значительным событием в бытовании литературы стала публикация в майском номере журнала «Новый мир» за 1965 год записей Л. Пантелеева о последнем блокадном месяце в Ленинграде в 1944 году. Полный текст его ленинградских записей 1941–1944 годов включен в книгу «Живые памятники», которая вышла в 1966 году в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель». Более двадцати лет отделяет их создание и публикацию. И, разумеется, не вина автора в том, что возникла такая длительная отсрочка знакомства советского читателя с этим горьким, но полным патриотизма и любви к родному городу текстом. Как пишет сам автор в предисловии: «Эти записи я вел с начала Великой Отечественной войны до середины июля 1942 года, когда А.А. Фадеев вывез меня, полуживого, на самолете в Москву.

Приходилось мне бывать в Ленинграде и позже, в частности в незабываемые январские дни 1944 года.

В результате у меня скопилось довольно много материалов, только очень незначительная часть которых печаталась в годы войны – да и то главным образом не у нас, а за границей, в прессе тех стран, которые были тогда нашими союзниками.

Для иностранцев все это было – беллетристика, лирика, экзотика войны. Для нас это было кровью наших близких и пеплом наших жилищ.

³⁸⁹ Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: материалы для биографии. – М., 1989. – С. 628.

Неудивительно, что наши газеты и журналы неохотно печатали тогда подобные материалы...»³⁹⁰.

Ленинградские записи Л. Пантелеева 1944 года в книге «Живые памятники» вышли под названием «Январь 1944. Из старого путевого дневника» (курсив автора – М. М.). При сопоставлении журнального и книжного текстов мы обнаружили, что журнальный вариант вышел с большими сокращениями. Скорая републикация произведения в «Советском писателе», официальном издательстве Союза писателей СССР, свидетельствует о том, что купюры в «Новом мире» были сделаны в большинстве своем отнюдь не по цензурным соображениям, хотя имели место и цензурные вырезки. Причины пропусков частей текста назвал сам автор в письмах к Л.К. Чуковской. Ниже приведена переписка А.И. Пантелеева и Л.К. Чуковской о публикации в журнале дневника писателя:

«233. А. И. Пантелеев – Л. К. Чуковской

Высу. 25.VI.65.

Были у меня и огорчения. В “Новом мире” в последний момент (уже после корректуры и после многих согласованных сокращений и смягчений) выхватили из моего ленинградского Дневника больше полулиста. И не предупредили даже. То, что осталось, – трава или вроде этого.

234. Л. К. Чуковская – А. И. Пантелееву

5/VII 65. Москва.

Ваш дневник превосходен. Я прочитала его с волнением и любовью. И все время вижу и слышу людей, которые восхищены и тронуты. Чуть только вышел номер, мне позвонила Рая Орлова: “прочла, передайте привет и благодарность А. И. П.”. Потом – Копелев. Потом – очень противный – В. Беляев, который кинулся ко мне на улице в Переделкине и сказал, что, читая, все утро плакал.

³⁹⁰ Пантелеев А.И. Живые памятники. – Л., 1966. – С. 141-142.

Вы пишете, что оттуда вынули пол-листа. Я уверена, что это пол фунта мяса, вырезанные из живого тела... Но рана почему-то не видна.

235. А. И. Пантелеев – Л. К. Чуковской

Высу. 18.VII.65.

Дорогая Лидочка!

Спасибо и за доброе слово о моем дневнике. Вырубки со стороны незаметны, вероятно, потому, что там отхватили сразу несколько последних дней. Дневник стал короче и общая картина “менее полной”. Оказывается, пол-листа вырезала не цензура, как я думал, а они сами. Срочно переносили материал из 6-го номера в пятый, а материал не влезал. Если бы, мол, стали согласовывать со мной – выход номера задержался бы еще на 3–4 дня. Вот они и решили отрубить голову – мне, а не маршалу Коневу»³⁹¹.

По книге «Живые памятники» мы можем восстановить некоторые фрагменты текста «Ленинградских записей». Так, например, в журнале были выпущены некоторые записи, датированные 21 января 1944 года: «Видел Бор. Бродянского. Он отдыхает здесь, в санатории. Постарел, обеззубел, но почему-то кудрявый. Встретились в коридоре, он спешил, ехал с летчиками на фронт. Я сказал, что помню его по “Смене”, еще с давних времен, еще “Республика Шкид” не была написана.

– И я вас помню. Помню совсем мальчиком... И Белых помню.

Вчера вечером видел художника М., который зашел ко мне в комнату “представиться”. Странная личность, похож на полотера, огромные черные усы, – но как давно он рисует блокадный Ленинград, как тонко чувствует, понимает и любит наш город»³⁹².

В записи от 24 января автор сообщает о занятии советскими войсками Пушкина и Павловска. И здесь же мечтательно спрашивает: «Значит, опять будет на Руси П а в л о в с к и й полк?!»³⁹³ (*разрядка автора – М.М.*), имея в

³⁹¹ Л. Пантелеев – Л. Чуковская. Переписка. 1929–1987. – М., 2011. – С. 233-234.

³⁹² Пантелеев Л. Живые памятники. С. 246.

³⁹³ Там же. С. 251.

виду лейб-гвардии Павловский полк Русской императорской армии, расформированный в 1918 году. Этот риторический вздох по царской гвардейской пехоте был снят редакцией «Нового мира».

В рассказе о глухонемом мальчике Володе, который ничего не слышал о войне, о немцах, о Гитлере, о войне, и при этом рисовал танки, самолеты, воздушные сражения, взрывы, был снят авторский комментарий: «Что это? Неужели и правда микроб милитаризма сидит в крови каждого мальчика?..»³⁹⁴.

Выпущены пейзажные зарисовки, сделанные Л. Пантелеевым в последние дни перед отъездом из Ленинграда: «Возвращаясь домой, сел по ошибке не в тот трамвай, проехал через Дворцовый мост на Васильевский остров. <...> Погода нынче совершенно весенняя, апрельская, – такой в Ленинграде в конце января я не вспомню. Днем было ясно, солнечно, а на градуснике – два с половиной градуса выше нуля.

Шел мимо Летнего сада, – похоже, что там уже что-то если не зеленеет, то розовеет слегка в редкой чаще деревьев.

А к вечеру пошел дождь, подул особенный, ни с чем не сравнимый невский ветер. Идешь, подняв воротник, наклонив голову, и чувствуешь, что ты сам сейчас – фигура сугубо петербургская. Под ногами хлопает, качается фонарь, где-то хлопает ставень или сорванный карниз.

На Неве вот-вот начнется ледоход. Вся она в черных полыньях. (Сегодня на солнце вода розовела слегка. А небо в просветах облаков было молочно-аквамариновое, бледно-голубое, голландско-чухонское)»³⁹⁵.

Редакция убрала и записи о встрече Л. Пантелеева с А. Твардовским, которые двусмысленно и очень субъективно характеризовали главного редактора «Нового мира»: «В Москве я остановился у Маршака, но почему-то весь первый день провел у А.Т.Твардовского. Помню, как трогательно, с какой неумолимой настырностью кормил меня Александр Трифонович: самолично жарил на кухне чудовищно огромную яичницу, накладывал по десять ложек

³⁹⁴ Пантелеев Л. Живые памятники. С. 251.

³⁹⁵ Там же. С. 252-253.

сахара в стакан чая. Конечно, все это делалось от доброго сердца, от хорошего расположения ко мне, но было тут что-то и от художнического (а отчасти, пожалуй, и от мальчишеского) любопытства: интересно же посмотреть, как будет насыщаться человек, без малого год голодавший.

Яичницу я с благодарностью съел, сделать это было нетрудно, но стопроцентным голодающим я, по правде сказать, в то время уже не был...»³⁹⁶.

Выброшены все упоминания о 25 января – дне, когда писателю нанес визит некто «капитан П.»: «Рано разбудил телефонный звонок. Кто звонил – не знаю, когда подошел, трубку уже повесили.

За окном – весна. Так бывало в Питере на вербной или даже на пасхальной неделе. Стекла в окне совершенно сухие, не очень чистые. Приятно просвечивает сквозь эту дымку голубизна неба в просветах облаков, позолота куполов на Исаакии.

Почему-то вспоминается именно вербная неделя. Когда-то, в далекие дни нашего детства, здесь, на площади (а еще раньше по соседству, на Конногвардейском бульваре), шумел Вербный базар.

Только что ушел от меня капитан П., первый муж И.М. Принес маленькую посылку – ботинки для сына. ...П. просидел у меня долго, дольше, чем я мог позволить себе. Не успел он уйти – пришла Ляля. Расстроенная, чуть не плачет. У нее сегодня был первый урок в шестом классе.

Входит в класс – и вдруг навстречу ей:

– Немка! Фашистка! Долой!..

Опытный педагог тут, вероятно, не растерялся бы, похвалил бы девочек за патриотизм и объяснил бы им, что немецкий язык и фашизм не одно и то же. А вот когда опыта у тебя ни на копейку, когда идешь на первый в жизни урок – это действительно страшно. Да еще при Лялиной-то застенчивости!

Впрочем, сестрице моей не привыкать. Ее уже не в первый раз называют немкой.

³⁹⁶ Пантелеев Л. Живые памятники. С. 255.

В прошлом, кажется, году приглашают ее в отделение милиции и говорят, что она должна в двадцать четыре часа выехать из Ленинграда.

– Как? Что? Почему? На каком основании?

– Как немка.

– Позвольте! Какая же я немка?

– У вас фамилия немецкая.

А фамилия моей сестры, как известно, мужнина: Германенко.

К счастью, нашелся в том же отделении кто-то поумнее, и нашу “немку” оставили в городе...»³⁹⁷.

Особый интерес здесь представляет эпизод посещения Л. Пантелеева капитаном П. Как мы уже сказали, этот фрагмент не вошел в журнальную публикацию. Более того, изучение рукописей исследователем С. Князевым позволило установить, что пробел между строк и отточие в книжном варианте («...П. просидел у меня долго, дольше, чем я мог позволить себе») означает изъятие значительного фрагмента текста. И купюра эта – исключительно цензурного характера. В выпущенном фрагменте капитан П. сообщает автору о массовой и хорошо организованной деятельности фашистских шпионов и диверсантов в блокадном Ленинграде. Однако, как мы видим, даже в годы «оттепели» публикация этих свидетельств была невозможна. Текст, усеченный в шестидесятые, был опубликован лишь в 2008 г. в журнале «Звезда». Ниже приводим некоторые его фрагменты:

«Только что ушел от меня капитан П., первый муж И. М. Принес маленькую посылку – ботинки для сына.

П. работает в управлении НКВД, оперативник. Парень, казалось бы, славный, похож на сына, молодое румяное лицо, слегка полнеющее. Только глаза... Глаза неприятные, мутные, нехорошо бегают.

Узнал от него много интересного.

³⁹⁷ Пантелеев Л. Живые памятники. С. 255-257.

* * *

Говорит, что диверсионно-шпионская служба немцев в Ленинграде была создана очень задолго до войны. 1937/38 годы не коснулись ее совершенно, несмотря на обилие “шпионских” процессов, гласных и негласных.

В 1942 году НКВД арестовал пожилого человека, профессора, видного энергетика, завербованного и работавшего на германскую разведку... с 1912 года!

Я говорю:

– А не “липовый” он шпион, этот энергетик?

Ухмыльнулся:

– Нет, э т о т не липовый.

* * *

– ...В одно из отделений милиции явилась группа женщин. Заявили, что на углу, где никогда не стоял милиционер, появился вдруг неизвестно откуда регулировщик. Пришли, проверили документы – все в порядке, имеется даже путевка ОРУДа³⁹⁸. Обыскали – ничего интересного. И только в самый последний момент кто-то обратил внимание на револьвер этого “милиционера”. Вместо типового “нагана” в кобуре – “парабеллум”.

* * *

– Ракетчиков вербовали из разных слоев населения. Были случаи, когда за пару плиток шоколада покупали даже мальчишек-ремесленников. Его дело – выпустить из ракетницы пять-шесть ракет – с чердака или форточки – и драть!..

* * *

Корректировщики артиллерийского огня. Их тоже немало было в городе. На Неве, на Васильевском острове. Человек с удочкой. Рвутся снаряды, а этот рыболов незаметно выстукивает на миниатюрном коротковолновике: недолет, перелет и т. д.

³⁹⁸ ОРУД – Отдел по регулированию уличного движения (прим. С. Князева – М. М.).

* * *

То же. Сидит будто бы на ступеньке полупьяный гармонист, наигрывает что-то. А в баяне или на гармонике – радиопередатчик.

* * *

Существовала диверсионно-террористическая группа по уничтожению высшего командного состава.

* * *

Зная способности некоторых наших органов измышлять, фабриковать в неограниченном количестве японо-германских и прочих шпионов, я, может быть, и усомнился бы в достоверности этих рассказов, если бы не жил сам в Ленинграде в 1941-42 годах. А поскольку я жил и выжил, я могу свидетельствовать, что п я т а я колонна с осажденном Ленинграде была и активно действовала с первых же дней войны.

Никогда не забуду первую бомбежку. Дело было вечером, я дежурил в это время на крыше. Перед этим по радио объявили тревогу. Это была уже не первая, а может быть, двадцатая или сотая тревога. Но никогда раньше немцы до города не долетали. А тут – это было, если не ошибаюсь, в первых числах сентября³⁹⁹, – забухали на окраинах зенитки, и вдруг весь город осветился и расцветился ракетами.

– Что это? – спросил я у своего напарника-управхоза Михаила Арсеньевича. – Зачем эта иллюминация?

– Какая иллюминация?! Ракеты пускают, сволочи!..

Этих ракет было бесчисленное множество. Думаю, несколько сотен. И вспыхивали они не беспорядочно, не где попало, а в какой-то системе, по очень точному и выверенному расчету.

Почти одновременно, на близком расстоянии (приблизительно ширина улицы) взлетают навстречу одна другой две ракеты. Их след образует дугу,

³⁹⁹ Считается, что первая авиабомба упала на город 6 сентября 1941 г. Спустя два дня была осуществлена первая массированная бомбардировка Ленинграда. В тот день на город было сброшено более 6 тысяч зажигательных и около 50 фугасных бомб весом от 250 до 500 кг (прим. С. Князева – М. М.).

напоминающую крокетные воротца. Через секунду – севернее, западнее или восточнее – вспыхивают другие воротца, через секунду еще одни. И цепь эта тянется в одном направлении, образуя указующую стрелу, направленную на какой-нибудь определенный объект: мост, вокзал и т. д.

* * *

П. просидел у меня долго, дольше, чем я мог позволить себе»⁴⁰⁰.

На примере прохождения дневниковых записей Л. Пантелеева в печать мы можем наблюдать двойное усечение текста: сокращение объема для журнальной публикации и цензурное изъятие – для книжной. Однако отличие журнального варианта от публикации в книге заключается не только в том, что редакция «Нового мира» вынуждена была пойти на значительное сокращение текста по «техническим» причинам, и в последующем восстановлении вырезанных фрагментов в книжном издании. «Новый мир» смог отстоять многие эпизоды, которые не были включены в издание «Советский писатель».

Например, запись, относящаяся к 10 января в журнале звучит так: «В нашем купе едет пожилая, сидящая женщина, “смольнянка”, то есть работник Смольного <...> Единственный грех, который трудно ей простить, – это необузданная фантазия. Всю дорогу она пугает меня “ленинградскими ужасами”.

... О том, что делается в городе сейчас, соседка наша говорит, закатывая глаза. Послушать ее, так от Ленинграда ничего не осталось»⁴⁰¹.

Редакцией издательства, по-видимому, решено было заменить место работы попутчицы Л. Пантелеева на «гор- или райисполком»⁴⁰², чтобы не слишком компрометировать Смольный дворец, в котором находился штаб обороны – Военный совет Ленинградского фронта, а до войны – руководящие партийные органы города.

⁴⁰⁰ «Пятая колонна в осажденном Ленинграде... активно действовала с первых же дней войны...» Из дневниковых записей Л. Пантелеева, 1944 г. Публикация Сергея Князева. Вступительная заметка Самуила Лурье // Звезда. – 2008. – № 8. – С. 85-87.

⁴⁰¹ Пантелеев Л. Из Ленинградских записей // Новый мир. – 1965. – №5. – С. 144-145.

⁴⁰² Пантелеев Л. Живые памятники. С. 200.

И далее по тексту, когда речь зашла о работнице Смольного в издании «Советского писателя» поставлено уточнение: «Еще его счастье, что не было в их купе такой соседки, как наша...»⁴⁰³ (в журнале: «Еще его счастье, что не было в их купе такой соседки, как наша милая “смольнянка”»⁴⁰⁴).

В книге сняты все сведения об аресте и смерти Д. Хармса. Строки «Еще в августе, кажется, 1941 года пришел к нему дворник, попросил выйти за чем-то во двор. А там уже стоял “черный ворон”. Взяли его полуодетого, в одних тапочках на босу ногу. В первую же блокадную зиму он умер в тюремной камере. За что? Не знаю. Я видел Д. И. дня за два, за три до ареста»⁴⁰⁵ заменены на «Я видел Д. И. дня за два до его гибели»⁴⁰⁶.

Также сняты все подробности гибели Б.М. Левина. В книге содержится точная информация о месте, которой нет в «Новом мире», однако отсутствует описание, как это случилось: «Погиб Борис Михайлович в открытом бою – на железнодорожном полотне в 25 километрах от станции Мга. Первый немец, которого он увидел, погасил для него все фонари, и солнце, и звезды...»⁴⁰⁷. В журнальном варианте о гибели Б.М. Левина сообщается: «Они только что прибыли в расположение своей части, несколько молодых лейтенантов, дня за три до этого закончивших курсы. Если не ошибаюсь, им еще не выдали оружие. Они устраивались на ночлег, когда в землянку ворвались немецкие автоматчики. Первый немец, которого увидел Борис Михайлович, погасил для него все фонари, и солнце, и звезды...»⁴⁰⁸.

В более поздний вариант дневников включены некоторые дополнения, в частности, о попытке уехать из Ленинграда Нины Борисовны Лебедевой, соседки Л. Пантелеева: «Накануне или в день отъезда выяснилось, что нужна какая-то справка с места работы. Нина Борисовна побежала (*не побежала*,

⁴⁰³ Пантелеев Л. Живые памятники. С. 203.

⁴⁰⁴ Пантелеев Л. Из Ленинградских записей. С. 146.

⁴⁰⁵ Там же. С. 149.

⁴⁰⁶ Пантелеев Л. Живые памятники. С. 209.

⁴⁰⁷ Там же. С. 210.

⁴⁰⁸ Пантелеев Л. Из Ленинградских записей. С. 149.

конечно, а поковыляла) в больницу. И тут, на Подъяченской, у въезда на трамвайный мост, ее настиг бризантный снаряд.

Двадцать восемь *осколочных* ранений⁴⁰⁹» (*курсив мой – М. М.*).

Отточием отмечены в книге пропуски строчек о смерти Григория Белых. Информацию можно восстановить по журнальному варианту: «Умер он в тюремной больнице имени доктора Гааза. В те дни в мире уже пахло порохом. И умиравший от чахотки Гриша даже там, в тюремной больнице, понимал это. Мы собирались писать И.В. Сталину (и написали, просили, чтобы осужденного перевели из ленинградской тюрьмы в концлагерь. Ответ пришел уже после смерти Белых: отказать). Гриша просил нас не делать этого, в последнем письме, уже полубредовом, оборвавшемся на полуфразе, он писал мне страшными, прыгающими каракулями: Сталину писать не нужно, ничего не выйдет, время неподходящее...»⁴¹⁰. И все же, в обоих источниках явно отмечена строкой из точек общая цензурная купюра после слов: «Заходил в Дом веселых нищих, видел людей, повинных в Гришиной гибели...»⁴¹¹.

Таким образом, редакция «Нового мира» хотя и пошла на урезание текста дневника Л. Пантелеева ввиду «превышения лимита» журнальной книжки, но смогла сохранить драматические фразы, абзацы, страницы, посвященные репрессиям и гибели известных писателей, близких автору.

Другой автор «Нового мира», Вениамин Каверин, вошел в ряд таких писателей-долгожителей, как Л. Леонов и В. Катаев, которые своим творчеством «испытывали на прочность» различные художественные парадигмы: от модернизма до соцреализма, от реалистического письма до элементов постмодернистского конструирования реальности («мовизм» Катаева) и «плохопись» (термин Е.К. Созиной) философского характера (Л. Леонов).

Разнонаправленность художественных векторов провоцировалась как индивидуальными качествами таланта писателя, так и социальной, полной

⁴⁰⁹ Пантелеев Л. Живые памятники. С. 222.

⁴¹⁰ Пантелеев Л. Из Ленинградских записей. С. 155.

⁴¹¹ Пантелеев Л. Живые памятники. С. 223; Пантелеев Л. Из Ленинградских записей. С. 155.

противоречий и катастроф действительностью. В. Каверин стал свидетелем революции, сталинского Большого террора, участвовал в Великой Отечественной войне, активно работал в эпоху «оттепели», «застоя» и «перестройки».

На протяжении жизни, с развитием индивидуальных творческих взглядов, в процессе государственных и общественных трансформаций, претерпевает изменения и собственно стилевая манера письма В. Каверина, что находит подтверждение в его мемуарных произведениях.

Одним из них является мемуарный фрагмент «Несколько лет», опубликованный в №11 журнала «Новый мир» в 1966 году. Как предупреждает автор, заметки сделаны по просьбе редакции журнала «написать о впечатлениях, связанных с Первым съездом писателей»⁴¹². Журнал, внимательно относящийся к фактам литературной жизни страны, не мог не обратить внимания своего читателя на своеобразную вежу – более сорока лет существования Союза писателей СССР, издание полной Стенограммы которого было изъято из-за множества имен государственных и культурных деятелей, репрессированных вскоре после съезда. Таким образом, заказанные «Несколько лет» должны были дать взгляд на Первый съезд глазами опытного писателя, и, что особенно важно для журнала, писателя-свидетеля события. Представленный журналу текст В. Каверина разделен на 15 главок, но самому съезду посвящена лишь одна из них. Что же заставило журнал все же опубликовать фактически «не выполнившего заказ» писателя?

Четко означенная в самой работе хронология противостоит временной неопределенности «нескольких лет» – это время с начала двадцатых по 1934 год, год проведения Первого съезда. Небольшому по объему мемуарному фрагменту свойственна своеобразная рамочная композиция, в которую заключена потаенная (открытая только в позднем мемуарном тексте «Эпилог»), не сразу считываемая мысль автора о качественном изменении времени в эти

⁴¹² Каверин В. Несколько лет // Новый мир. – 1966. – №11. – С. 132.

«несколько лет». Двадцатые годы – время иллюзии свободы, и ключевой фигурой воспоминаний становится Маяковский, встречи с которым относятся к 1920–1928 годам. Автор рассказывает о поэтических вечерах Маяковского, которые он почти не пропускал на протяжении восьми лет. Маяковский загадочный, великий, одинокий предстает перед Кавериним и читателем его воспоминаний: «Все было неожиданно в нем. И то, что он нарочно перепутал Когана и Айхенвальда, сидевших друг против друга на эстраде и споривших о назначении литературы. И его голос, и рост. И обманчивая непроницаемость. И меткость его остроумия. И его погруженность в поэзию – легко было догадаться, как много он думает и говорит о ней. И отчетливое ощущение, что его стихи должны быть произнесены, что без голоса, без произношения они в какой-то мере будут напоминать нотные знаки. И боязнь непонимания, которое он переносил тогда еще терпеливо»⁴¹³.

Всю пятую главку пронизывает глубокое личное чувство – сожаление о том, что молодому начинающему литератору так и не удалось поговорить с поэтом: «Мне хотелось поговорить с ним. Мешала застенчивость. Но однажды я всё-таки решился... В перерыве я осторожно прошел мимо администратора, не сомневаясь в том, что толпа слушателей ринулась к Маяковскому, едва он сошел с эстрады. Толпы не было. Между горками сложенных пюпитров, насвистывая “Чижика”, мрачно шагал Маяковский. Отступив за колонну, я с бьющимся сердцем долго смотрел на него. Мне удавалось преодолеть застенчивость, если в этом была острая, настоятельная необходимость... Но другое чувство приковало меня к месту в эту минуту. Я был поражен одиночеством Маяковского, его полной закрытостью, в которой чувствовалось лихорадочное возбуждение. Невозможно было узнать в нем уверенно державшегося знаменитого человека... Я так и не подошел к нему»⁴¹⁴.

«Новому миру» не могла не импонировать та решительная корректировка образа «горлана и главаря», интенсивно культивированная официозом,

⁴¹³ Каверин В. Несколько лет. С. 136.

⁴¹⁴ Там же. С. 139.

которую проделал В. Каверин своими лаконичными, но вызывающими доверие записями.

Завершается «Несколько лет» 1934 годом, созывом и работой Первого съезда союза писателей СССР, в описании которого сквозит субъективная сдержанность, не исключая максимально допустимую для «оттепели» субъективную правдивость.

Между этими событиями – «несколько лет», которые формировали Каверина как писателя уже советской литературы и лояльного гражданина. В 1930 году Каверин побывал в Магнитогорске, где шло строительство нового комбината. Этому важнейшему событию в жизни Каверина посвящена небольшая главка «Нескольких лет». О самом строительстве не говорится. В статье штрихами обрисован Магнитогорск и переданы авторские впечатления «размаха, лихорадочного напряжения, острой новизны»⁴¹⁵ от строительства в этом городе. Действуют некоторые характерные приемы производственного романа: автор предстает как чужой человек, который пребывает первоначально в недоумении, позже – в восхищении от увиденного. Ощутима этическая аскеза («для счастья будущих поколений») в описания «трудового энтузиазма» строителей социализма. Развертывается оптимистическая перспектива, так, живописуется приезд трехсот девочек и мальчиков в Магнитогорск и закладка родильного дома. Характерен и финал для такого типа произведений: «...всё дымилось, сталкивалось, клочковато укладывалось, поражая непривычной реальностью и предвещая еще бог весть какие муки и радости рождений и потрясений»⁴¹⁶.

Но там, где соцреализм теряет силу своего эпитета, появляются бытовые подробности жизни рабочих: «Было очень жарко, и рабочие, спасаясь от духоты и клопов, спали не в бараках, а под окнами, подле рукомольников, где попало»⁴¹⁷. Автор создает портреты, не вписывающиеся в систему героев-

⁴¹⁵ Каверин В. Эпилог. – М., 2006. – С. 110.

⁴¹⁶ Там же. С. 148.

⁴¹⁷ Там же. С. 147.

строителей социализма: «Молодой инженер повесился, потому что его бригаде не удалось выполнить какую-то важную долю работы в строительстве домны. Накануне я случайно познакомился с ним, и он только сумрачно усмехнулся, услышав, что мне нравится изобретение местной газеты, которая вместо общепринятого календаря стала вести счет дней, оставшихся до пуска домны»⁴¹⁸. «Я разговорился с одним хозяином..., и он вдруг сказал, метнув быстрый, острый злобный взгляд в сторону строившегося комбината: «“На глиняных ногах”»⁴¹⁹.

Поездка в Магнитогорск, которая могла бы стать основой любой книги советской официальной литературы (от путевых заметок до романа о социалистическом строительстве) не нашла художественного воплощения ни в одном из последующих произведений Каверина. Коротенькая глава в «Несколько лет» дает весьма сдержанный образ этого путешествия, в действительности очень значимого для автора.

Еще в 1953 году в «Новом мире» В. Померанцев требовал от литераторов: «Писатели не только могут, а обязаны отбросить все приемы, приемчики, способы обхода противоречивых и трудных вопросов»⁴²⁰, «... партия ждет от писателей не шараханья, а правды в литературе»⁴²¹. Однако на практике даже в эпоху «оттепели» это было невозможно для подцензурной литературы, что, конечно, чувствовал и понимал Каверин. На протяжении нескольких десятков лет он стремился дать правдивый портрет эпохи в таких мемуарных произведениях, как «За рабочим столом» (1965), «Несколько лет» (1966), «В старом доме» (1971), «Вечерний день» (1978). И в полной мере это удалось осуществить в произведении «Эпилог», главы из которого были опубликованы в журнале «Нева» за 1989 год, а позднее изданном отдельной книгой.

Так, в «Эпилоге» поездка в Магнитогорск теряет прежний восторженный пафос и предстает в шокирующем в своей обнаженной правде виде. Каверин

⁴¹⁸ Каверин В. Эпилог. С. 148.

⁴¹⁹ Там же. С. 148.

⁴²⁰ Померанцев В. Об искренности в литературе // Новый мир. – 1953. – №12. – С. 220.

⁴²¹ Там же. С. 238.

дополняет рассказ раскрытием самих обстоятельств поездки и причин, заставивших его недоговорить о многом в журнальной публикации «Несколько лет».

Автор дает развернутый комментарий на давнюю публикацию: «Впечатление размаха, лихорадочного напряжения, острой новизны – всё это было. Неясно, приблизительно была изображена другая сторона поездки: мое настоятельное стремление узнать и понять – что же, наконец, происходит в стране. Наивное стремление! То, что действительности происходило в стране, мы узнали через сорок лет, а в ту пору наше неведение было всепроникающей особенностью жизни, заставлявшей нас (по крайней мере, меня) в 1929–1931 годах голосовать “за”»⁴²².

В «Эпилоге» по сравнению с публикацией «Нового мира», появляются дополнительные сцены, дающие более жесткое и, видимо, более реалистичное представление о жизни рабочих в Магнитогорске: «... по будущему городу бродили, спотыкаясь, умирающие от голода, мертвенно-бледные женщины... – жены или вдовы кулаков, работавших на стройках или тоже умиравших где попало. Кладбище росло скорее, чем комбинат»⁴²³. «В наскоро построенных бараках жить было невозможно – клопы сыпались с потолков, покрывали стены. Рабочие спали на земле, подле бараков. Километрах в пяти-шести в своем поселке (кажется, он назывался Березки) жили иностранцы, приезжавшие на строительство в своих машинах – энергичные, молодежавые, бодрые. Неравенство между жизнью в Березках и на строительстве было, мало сказать, оскорбительным – оно говорило о рабском отсутствии достоинства, о самооплевывании, совершавшемся согласно существующим директивам. Дух напряженного подчинения господствовал в каждом слове»⁴²⁴.

Но самое главное, о чем не упомянул Каверин в 1966 году, было данное ему рекомендательное письмо, адресованное Мандельштаму (однофамильцу

⁴²² Каверин В. Эпилог. С. 109-110.

⁴²³ Там же. С. 110.

⁴²⁴ Там же. С. 111.

поэта) – первому секретарю комсомольской организации Магнитогорска. По приезде выяснилось, что Мандельштам был недавно арестован как враг народа. Сам Каверин чудом избежал ареста.

«Эпилог», вышедший в конце восьмидесятых годов, – это мемуары писателя, не сдавленного идеологическими рамками и социальным прессом. Книга охватывает полвека – с начала двадцатых по начало семидесятых годов, снабжена необходимыми документами, подтверждающими обличительный пафос текста. В ней републикуются абсурдные уничтожающие статьи советских критиков на произведения В. Каверина («Под флагом буржуазного реставраторства»), М. Зощенко, Л. Добычина («Позорная книга»), Д. Шостаковича («Сумбур вместо музыки»). А также приводится «Письмо к советскому правительству Михаила Булгакова» 1930 года, в котором писатель просит приказать ему «в срочном порядке покинуть пределы СССР»⁴²⁵, Постановление президиума правления СП СССР о лишении Б. Пастернака звания советского писателя, – официальный документ, наполненный гневными выпадами против человека с мировым именем («Литературная деятельность Пастернака давно иссякла в эгоцентрическом затворничестве... “Доктор Живаго”... обнаруживает только непомерное самомнение автора при нищете мысли, является воплем перепуганного обывателя...»⁴²⁶), а также составленный по данным Краткой литературной энциклопедии список делегатов Первого съезда советских писателей, которые были подвергнуты репрессиям в годы сталинского террора.

Несмотря на то, что «Несколько лет» написаны в эпоху «оттепели», одни и те же события в этой работе и в более позднем «Эпилоге» предстают по-разному. Разница состоит не только в фактической стороне повествования, а в оформлении, наполнении и стилистике.

Как мы помним, основная задача В. Каверина при подготовке мемуарного фрагмента в журнал «Новый мир» заключалась в том, чтобы написать о

⁴²⁵ Каверин В. Эпилог. С. 506.

⁴²⁶ Там же. С. 538.

впечатлениях, связанных с Первым съездом писателей. Однако, повествование об этом событии – это, скорее, публицистический очерк, или даже черновик такого очерка. Автор старается быть искренним и писать правдиво, но под давлением «внутреннего редактора» вынужден прибегать к недоговоренностям или двусмысленностям: «Десятки писателей, слушавших речь Горького, были связаны с ним прямо или отраженно, и не только передо мной нарисовался в этот день смысловой контур этих отношений»⁴²⁷. Автор не комментирует это высказывание. Выступление Горького на съезде пересказано очень кратко. И только через двадцать лет в книге «Эпилог» Каверин смог прописать то, что действительно взволновало его и присутствующих на съезде, и какие последствия имел доклад Горького для русского литературоведения и литературной критики: «В длинной речи Горького на съезде общее внимание было привлечено нападением на Достоевского. Мысль, с которой Алексей Максимович возился десятилетиями, была основана на его беспредметной ненависти к самой идее “страдания”: “С торжеством ненасытного мстителя за свои личные невзгоды и страдания, за увлечения своей юности Достоевский... показал, до какого подлого визга может дожить индивидуалист из среды оторвавшихся от жизни молодых людей XIX-XX столетий” (I съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934)»⁴²⁸.

В 1966 году в «Новом мире» Каверин, рассказывая о Первом съезде, обронил интригующую фразу: «Хочется еще рассказать о том, как размеренный, официальный характер его (*съезда. – М.М.*) переломился во второй половине. Этот перелом был не только замечен, но подхвачен, точно все только и ждали, когда же кончатся наконец доклады и приветствия»⁴²⁹. Но он так и не развил свою мысль, перейдя к другому предмету.

Под переломом Каверин имел в виду доклад одного партийного деятеля, непосредственно посвященный литературе: «... он первый заговорил не только

⁴²⁷ Каверин В. Несколько лет. С. 154.

⁴²⁸ Каверин В. Эпилог. С. 190.

⁴²⁹ Каверин В. Несколько лет. С. 156.

о поэзии, но о поэтике, живых особенностях литературного дела, о спорах писателя с самим собой, о его направлении. Его поддержали все, кто говорил о поэзии...»⁴³⁰. Докладчиком был Н.И. Бухарин, в 1937 году расстрелянный по делу «Антисоветского правотроцкистского блока». В 1966 году Каверину не представлялось возможным не только говорить об этом важном докладе, но и упоминать имя докладчика. Лишь в «Эпилоге» названо имя человека, речь которого была свежей струей в этом «мероприятии чисто административном»⁴³¹: «Доклад Н.И. Бухарина был обращен к профессиональной литературе, и она отозвалась горячо, искренне, без оглядки»⁴³². Бухарин настаивал на многообразии направлений, предостерегал от бюрократизации поэтического творчества. Его опасения оправдались, когда впоследствии литература зашла «в тупик так называемого социального заказа»⁴³³.

Каверин выполнил просьбу «Нового мира» написать о своих впечатлениях о Первом съезде писателей в полной мере лишь в книге «Эпилог», опубликованной в 1989 году. Сделать это в 1966 году, еще не освободившись от «внутреннего редактора», не ища компромисса со своей совестью, было невозможно.

Как писал В. Померанцев в знаменитой статье «Об искренности в литературе» (которая стала одной из причин разгона «Нового мира» А. Твардовского «первого захода», т.е. в 1950–1954 гг.): «...полная искренность – задача, которую каждый писатель должен разрешать сам для себя»⁴³⁴. В. Каверин умело разрешил эту задачу, на страницах «Нового мира» осторожно приподняв занавес над драматическими сюжетами быта и бытия советского писателя, и лишь в «Эпилоге» ответил на те самые «трудные вопросы»,

⁴³⁰ Каверин В. Эпилог. С. 201.

⁴³¹ Там же. С. 197.

⁴³² Там же. С. 198.

⁴³³ Там же. С. 199.

⁴³⁴ Померанцев В. Об искренности в литературе. С. 220.

которые десятилетиями стояли перед советским читателем, создал целую панораму общественной, научной и культурной жизни России XX века.

Свой путь после журнальной публикации имела и главная книга И. Эренбурга. Замысел большой книги воспоминаний стал складываться у писателя в середине 1950-х годов. Как указывает Б. Фрезинский, Эренбург, даря в 1956 году своему знакомому повесть «Оттепель», сказал, что все оставшееся время будет писать одну книгу – воспоминания⁴³⁵. Писатель решил довести повествование до 1953 года, но у него не было уверенности, что удастся напечатать все написанное, и впервые за многие годы литературной работы он был готов к тому, что часть написанного останется неопубликованной. Однако, несмотря на цензуру, Эренбургу удалось напечатать большую часть из того, что он написал, – этому способствовало заметное «потепление» в политической жизни страны, а также старания сотрудников редакции «Нового мира» опубликовать, по возможности, полный авторский текст, о чем шла речь в предыдущем параграфе нашей работы.

Вслед за публикациями в «Новом мире» мемуары выходили отдельными книгами в издательстве «Советский писатель». Первая и вторая книги с дополнениями и исправлениями автора вышли в 1961 году.

В 1963 году в издательстве «Советский писатель» вышла четвертая книга мемуаров Эренбурга со следующим предисловием автора: «Моя книга “Люди, годы, жизнь” вызвала много споров и критических замечаний. В связи с этим мне хочется еще раз подчеркнуть, что эта книга — рассказ о моей жизни, об исканиях, заблуждениях и находках одного человека. Она, разумеется, крайне субъективна, и я никак не претендую дать историю эпохи или хотя бы историю узкого круга советской интеллигенции. Я писал о людях, с которыми меня сталкивала судьба, о книгах и картинах, которые сыграли роль в моей жизни. Есть много больших художников и писателей, о которых я не написал, потому

⁴³⁵ Фрезинский Б.Я. Об Илье Эренбурге: книги, люди, страны. С. 319.

что не знал их лично или знал недостаточно. Эта книга – не летопись, а скорее исповедь, и я верю, что читатели правильно ее поймут»⁴³⁶.

Все цензурные вымарки, сделанные в третьей и четвертой книгах, были восстановлены также только в 1990 году. Так, например, появилась сцена на даче у Горького, где члены Политбюро ругали Эренбурга за роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца», а также несколько строк о революционере и участнике гражданской войны в Испании В. Антонове-Овсеенко, расстрелянном в 1938 году.

Вышедшее в 1966 году издание пятой и шестой книг было дополнено главами о Ю. Тынянове и В. Гроссмане. Однако большая часть цензурных вымарок сохранилась. Полный авторский текст впервые был напечатан в 1990 году.

Как мы писали в предыдущем параграфе, со смещением Хрущева и началом новой эпохи пришел логический конец истории публикации воспоминаний Эренбурга «Люди, годы, жизнь» в «Новом мире» Твардовского. И автор это прекрасно понимал. Однако именно это укрепило его в его планах рассказать о только что пережитых событиях. И в 1967 году были напечатаны некоторые главы последней седьмой книги в журналах «Наука и жизнь» и «Литературная газета». После смерти автора вдова Эренбурга передала главу о поездке в Армению в 1959 году в журнал «Литературная Армения».

Главы седьмой книги мемуаров были опубликованы спустя двадцать лет после смерти автора в 1987 году в журнале «Огонек», главным редактором которого был В. Коротич. В предисловии редакции журнала говорилось: «Мы предлагаем читателю неопубликованные главы из незавершенного большого автобиографического произведения Ильи Григорьевича Эренбурга “Люди, годы, жизнь”... Когда мы готовили к печати рукопись, то иногда возникало желание убрать ту или иную фамилию, смягчить некоторые акценты, – словом, “причесать” исповедь И. Г. Эренбурга. Видимо, срабатывала привычка. К тому

⁴³⁶ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Книги третья и четвертая. – М., 1963. – С. 9.

же с рядом оценок людей и событий мы не были согласны. Однако, изменив что-либо в рукописи, мы невольно попытались бы скорректировать мысли да и саму жизнь этого человека»⁴³⁷.

Однако некоторые фрагменты воспоминаний были все же усечены В. Коротичем и восстановлены Б. Фрезинским в 1990 году.

В частности, это касается выступления А. Шолохова в ЦК партии накануне открытия Второго съезда писателей в 1954 году. Известно, что писатели были в ссоре, Шолохов был нетерпим к еврейской теме в творчестве Эренбурга, неоднократно в своих выступлениях нападал на писателя, высказывая тем самым антисемитский настрой. И в 1954 году он раскритиковал «Оттепель» и рассказ «В Проточном переулке» Эренбурга. Примечательно, что Эренбург в рассказе об этом событии не называет фамилии Шолохова, а именует его «крупный писатель, неизменно причисляемый к классикам советской литературы»⁴³⁸, мотивируя это тем, что «в книге воспоминаний избегаю всего, что могло бы показаться читателю сведением личных счетов»⁴³⁹. Однако далее называет всех докладчиков, кто осуждал его «Оттепель»: «Докладчик А.А. Сурков, содокладчик К.М. Симонов осуждали мою «Оттепель» и «Времена года» Веры Пановой. Потом в разной форме такие же порицания были высказаны М.А. Шолоховым, В.В. Ермиловым, председателем ЦК комсомола А.А. Рапохиным, В.А. Кочетовым»⁴⁴⁰.

В. Коротичем снято еще одно упоминание о Шолохове в седьмой книге: «На седьмой день съезда выступил А. Шолохов. Его речь меня не удивила, и до того, и после я не раз слышал или читал его выступления, выдержанные в том же тоне. Но кто-то наверху, видимо, обиделся или рассердился. Забыли даже “Оттепель” и “Времена года”; почти все выступавшие осуждали речь Шолохова – и Ф. В. Гладков, и М. Турсун-Заде, и В. Ермилов, и С. Антонов, и

⁴³⁷ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Огонек. – 1987. – №22. – С. 22.

⁴³⁸ Эренбург И. Люди, годы, жизнь: воспоминания: в 3 т. Т. 3. – М., 1990. – С. 267.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Там же. С. 268-269.

К. А. Федин, и А. А. Фадеев, и Б. С. Рюриков, и К. М. Симонов, и А. А. Сурков. Для меня было непонятно такое единодушие, не понимаю его и теперь»⁴⁴¹.

Изумительная сцена посещения Эренбурга своего старого друга художника Пабло Пикассо в Париже в 1954 году также появилась в издании 1990 года: «Клод Руа повез нас через всю Францию в Валлорис, где жил тогда одинокий Пикассо. Весь день он работал в мастерской, а домик казался нежилым, запущенным. На полу я увидел груды нераспечатанных писем. На площади стояла статуя Пикассо “Человек с бараном”. Шел дождь, но мы не могли оторваться от чудесной скульптуры (Год спустя я увидел в парижской лавчонке открытку: “Пикассо показывает свою скульптуру проезжему художнику” – дождь не помешал профессиональному фотографу.) Там же я увидел заброшенную часовню, на стенах которой Пикассо написал “Войну и мир”»⁴⁴².

Множество политических высказываний Эренбурга и даже простая констатация политических фактов были купированы в 1987 году: «Зал прерывал речи аплодисментами и когда я говорил о моей любви к Франции, и когда Молотов сказал, что договор с Францией поставлен под угрозу парижскими соглашениями»⁴⁴³; «В Москве собрался Верховный Совет. Маленков подал в отставку, его место занял Булганин»⁴⁴⁴.

Опущено было также повествование о путешествии в Индию, где речь идет об индийском искусстве, народных верованиях, о привычной для индийцев нищете и эпидемиях, о занятиях местного населения.

В печати 1987 года удалены и воспоминания автора о поездке в Японию. В главе рассказывается о японских традициях, особенностях быта, церемониях, искусстве, образовании и истории страны. Повествование о Нагасаки переходит к рассуждениям Эренбурга об угрозе ядерного оружия. Воспоминания о поездке писателя в Армению также вышли только в 1990 году. Предметом

⁴⁴¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь: воспоминания: в 3 т. Т. 3. – М., 1990. – С. 270.

⁴⁴² Там же. С. 274.

⁴⁴³ Там же. С. 227.

⁴⁴⁴ Там же. С. 278.

изображения стала армянская живопись, архитектура, поэзия и непереносимое гостеприимство этого народа.

В 1990 году в составе седьмой книги вышли «еврейские страницы» мемуаров Эренбурга: о горячности горских евреев, которые были возмущены статьей в одной из дагестанских газет, где речь шла о ритуальном употреблении евреями крови инаковерующих; об убийстве гитлеровцами евреев за то, что они были евреями в контексте рассказа о публикации стихотворения Е. Евтушенко «Бабий яр»; о положении евреев в Советском союзе.

Тогда же вышли две главы, завершающие большие мемуары И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь». В них писатель рассуждает о проблеме упадка и душевного развития у молодежи в «атомный век»: «Я писал не о превосходстве искусства над точными науками, а о необходимости развивать культуру чувств, то есть о том, о чем я говорил в шестой части этой книги: нельзя идти вперед на одной ноге. Однако дискуссия переключилась на вопросы, кратко сформулированные И. Полетаевым: искусство устарело, у деловых людей нет времени восхищаться Бахом и Блоком, сильнее то общество, где у каждого своя специальность и свое дело»⁴⁴⁵.

Таким образом, публикация большой книги мемуаров Эренбурга проходила в три этапа. Основной корпус текста выходил в 1960–1965 годах в журнале «Новый мир», возглавляемом А. Твардовским. Завершающая седьмая книга была опубликована в 1987 году в «Огоньке» В. Коротича. Купирование многих страниц произведения не удалось избежать ни в «оттепельную» пору, ни накануне «перестройки». Причины цензурных вырезок в обоих случаях были сугубо политическими, и лишь в отдельных случаях в шестидесятые годы А. Твардовский высказывал автору свои пожелания по стилистике и выбору фактического материала. И лишь в 1990 году в издательстве «Советский писатель» в трех томах с обширными комментариями и богатым

⁴⁴⁵ Эренбург И. Люди, годы, жизнь: воспоминания: в 3 т. Т. 3. – М., 1990. – С. 367.

иллюстративным материалом выходит полный авторский текст мемуаров «Люди, годы, жизнь», восстановленный по рукописям и черновикам и подготовленный к печати И.И. Эренбург и Б.Я. Фрезинским.

На примере литературных судеб произведений Б. Пастернака, В. Катаева, Л. Пантелеева, В. Каверина, И. Эренбурга можно сделать вывод о том, что жизнь литературного произведения в XX веке начиналась, как правило, в «толстом» журнале. В шестидесятые годы самым авторитетным журналом и у читателей, и у авторов был «Новый мир», поскольку, как мы убедились из воспоминаний редколлегии и архивных документов редакции, этот журнал, благодаря усилиям своих сотрудников, мог «протащить» через цензуру порой совершенно «непроходимые», казалось бы, вещи. Но, разумеется, не все, что было написано, смогло увидеть свет в шестидесятые годы. Лишь спустя более двадцати лет, с наступлением эпохи гласности, стала возможным полная публикация мемуарных произведений без купюр. В девяностые годы книги В. Каверина, Л. Пантелеева, И. Эренбурга обрели вторую жизнь. Безусловная ценность этих публикаций состоит в том, что благодаря им мы можем взглянуть на эпоху изнутри, познать ее противоречивость, осознать степень борьбы за качественную литературу в шестидесятые годы.

Заключение

Мемуары писателей, опубликованные в журнале «Новый мир» в эпоху А.Т. Твардовского, являются уникальным комплексом текстов. Как мы убедились на основе проделанного анализа, эти произведения были отобраны редакцией из всего многообразия мемуарной литературы, создававшейся в эти годы. Произведения Б. Пастернака, И. Эренбурга, В. Катаева, В. Каверина, Л. Пантелеева, К. Чуковского, Н. Чуковского, А. Горбатова, М. Исаковского, отразили стратегию журнала «Новый мир», стремящегося на своих страницах передать «правду жизни» в той полноте, в которой она объективно и субъективно возможна. Изучение социально-политических, историко-культурных причин «взрыва» мемуарной литературы в эпоху «оттепели» свидетельствует о том, что мемуары явились ответом на потребность общества в правдивых свидетельствах времени. Воспоминания, созданные в зрелом периоде творчества писателей, сконцентрировали в себе характерные особенности их творческой манеры. Мемуары явились не только художественным документом эпохи, но и заключали в себе ответы на ключевые эстетические, философские и духовно-нравственные вопросы, поставленные новым временем. Тематическое и жанровое своеобразие этих произведений, высокий художественный уровень определили не только высокий спрос у читателей-современников, но также особое место в фонде русской литературы.

Значительную часть мемуарных произведений занимают собственно мемуары («Люди, годы, жизнь» И. Эренбурга) и автобиографии («Люди и положения» Б. Пастернака, «На Ельнинской земле» А. Исаковского, «Из прошлого» И. Шмелева). Зачастую эти книги несут немалый заряд исторической информации, причем не просто расширяющей представления о том или ином факте, но в чем-то принципиально их трансформирующие. Таковы воспоминания В. Каверина «Несколько лет», «За рабочим столом»,

послужившие фундаментом большой мемуарной книги «Эпилог», вышедшей отдельным изданием в 1989 году.

В «Новом мире» нашли место и причудливые «мовистские» повести В. Катаева, вызвавшие множество споров в критике: «Святой колодец», «Трава забвения», «Кубик».

Особую нишу заняли произведения, дающие представление о тайнах творчества: В. Каверин «За рабочим столом», «Заметки о чтении», Н. Чуковский «Что я помню о Блоке», А. Костерин «Слово должно сверкать», Е. Дорош «Художник и книга», К. Чуковский «О соразмерности и сообразности».

Иной мемуарный слой «Нового мира» – дневники и записные книжки писателей: Л. Пантелеев «Из Ленинградских записей», Ю. Тынянов «Из записных книжек», И. Соколов-Микитов «Из записной книжки» В. Овечкин «Из записной книжки».

К ним тесно примыкают смежные формы мемуарных очерков: «Хмель или Навстречу осенним птицам» Всев. Иванова, «Дорожные записи» К. Паустовского, «Райгород в феврале», «Дождь пополам с солнцем», «Поездка в Любогостицы» Е. Дороша, «На своей земле. Записи давних лет» И. Соколова-Микитова, «Жарким летом, из путевых тетрадей» И. Орлова, «В лесах Севера» И. Зыкова, «Аблакат», «Невыдуманные очерки» В. Овечкина.

Мемуары писателей охватывают большое многообразие тем, ведущей из которых является литературная жизнь начала XX века (Б. Пастернак, К. Чуковский, А. Цветаева). В воспоминаниях воссоздается картина русского купеческого быта (И. Шмелев), жизни города и деревни (М. Исаковский), развития искусства, рассматриваются социально-политические вопросы (И. Эренбург).

Мемуары, в зависимости от тяготения к определенному жанру, печатались в следующих разделах журнала: «Дневники. Воспоминания»,

«Дневник писателя», «Литературная критика» и в первом разделе, где обычно помещались художественные произведения.

Так, не только мемуары И. Эренбурга, Б. Пастернака, В. Катаева вышли в первом разделе, но и военный дневник Л. Пантелеева, записные книжки Ю. Тынянова, что подчеркивало их социально-культурную и собственно художественную значимость.

В разделе «Дневники. Воспоминания» выходили произведения, написанные преимущественно в жанре литературного портрета: воспоминания К. Чуковского о Куприне, Г. Мунблита об А. Макаренко, Л. Пантелеева о Маршаке, В. Лакшина о Марке Щеглове, В. Ходасевича о Л. Толстом, В. Маяковском, М. Горьком, И. Бабеле, Вс. Иванове.

Произведения в жанре литературного портрета, где значительное место отводилось литературоведческому анализу, публиковались также в разделе «Литературная критика»: Н. Чуковский «Что я помню о Блоке», В. Некрасов «Неюбилейное признание (К 70-летию И.С. Соколова-Микитова)», Л. Левин «Четыре жизни (к 70-летию со дня рождения П.Г. Антокольского)».

Раздел «Дневник писателя» содержал произведения, написанные не столько в строго дневниковом жанре, сколько в виде свободных рассуждений о литературном творчестве: Е. Дорош «Художник и книга», К. Чуковский «О соразмерности исообразности», В. Каверин «За рабочим столом», «Заметки о чтении», Н. Чуковский «Что я помню о Блоке», А. Костерин «Слово должно сверкать».

Сложность жанровой классификации мемуарных произведений заключалась в том, что порой сами авторы предлагали нетрадиционные жанровые номинации ими созданному тексту. Так, «Люди и положения» Б. Пастернака названы «Опытом автобиографии», «На Ельнинской земле» М. Исаковского – «Автобиографическими страницами», «Собеседник» В. Каверина – «Заметками о чтении».

Порой писателю легче сказать, из каких кирпичей сложено произведение и от каких типов повествования оно отличается, чем дать конкретное жанровое определение. Даже прибегнув к таковому, автор вводит его очень осторожно: «Книга, которую я сейчас пишу, есть в какой-то мере “История собственного произведения”...», «Если не мемуары, не роман, то что же я сейчас пишу? Отрывки, воспоминания, куски, мысли, сюжеты, очерки, заметки, цитаты...»⁴⁵⁷. Так В. Катаев подходит к определению жанровой специфики своего произведения «Трава забвения».

Характерная для мемуаров «промежуточность жанра», особая его поэтика, сочетающая документальность и художественность, стремление к правдивому изображению событий и вместе с тем субъективность и «игры с памятью», своеобразие художественного времени и многосоставность образа автора определили основные черты мемуарной прозы шестидесятых годов XX века, способствовали формированию особого направления журнала и приобретению «своего» читателя.

Взаимоотношения с цензурой были напряженными, и некоторые произведения выходили в журнальном варианте с купюрами. Работа с архивами редакции журнала позволяет сделать вывод, что редколлегия проводила огромную работу как с текстами, так и с их авторами чтобы, следуя ограничениям цензуры, все же максимально отстоять авторский вариант. Многие мемуары, опубликованные в «Новом мире», позднее вышли отдельной книгой. Анализ двух вариантов текста позволил заключить, что подцензурный «Новый мир» был гораздо более смелым, чем официальные издательства шестидесятых годов. Монографии, литературоведческие работы, критические статьи, а также огромная почта «Нового мира» о публикуемых мемуарах свидетельствовали об их своевременности и злободневности. Републикация книг в девяностые годы также говорит о непреходящей актуальности мемуарного жанра, сопоставительный анализ первоначального издания и

⁴⁵⁷ Катаев В. Трава забвенья // Новый мир. – 1967. – №3. – С. 79.

итонового позволяет сделать вывод о том, что не только внешняя цензура довлела над автором в «оттепельный» период, в гораздо большей степени его сковывал внутренний редактор.

Исследование темы может быть продолжено по двум векторам: 1) анализ всех мемуаров журнала «Новый мир» 1958–1970 гг.; 2) анализ мемуарной прозы писателей, опубликованной в различных изданиях в эпоху «оттепели».

По итогам проведенного исследования можно с уверенностью говорить о том, что мемуары писателей, опубликованные в «Новом мире» в 1958–1970 гг., когда главным редактором журнала был А.Т. Твардовский, заняли одно из центральных мест в культурном контексте эпохи наряду с поэтическими и прозаическими литературными произведениями. Более того, можно сказать, что за десятилетие «Новым миром» была создана своеобразная библиотека мемуаров, которые по-прежнему востребованы и читателями, и издателями.

Приложение

(список мемуарной литературы,
опубликованной в журнале «Новый мир» за 1958–1970 гг.)

1. Альберт-Площанская Б. Странички воспоминаний / Б. Альберт-Площанская // Новый мир. – 1965. – №4. – С. 19–25.
2. Алянский С.М. Встречи с Блоком (Из записок издателя) / С.М. Алянский // Новый мир. – 1967. – №6. – С. 159–206.
3. Антипенко Н. Почетная служба (Воспоминания пограничника) / Н. Антипенко // Новый мир. – 1966. – №12. – С. 104–124.
4. Антипенко Н. Тыл фронта / Н. Антипенко // Новый мир. – 1965. – №8. – С. 116–165.
5. Арманд В. Живая нить (Из воспоминаний и переписки с Н.К. Крупской) / В. Арманд // Новый мир. – 1967. – №4.
6. Белкина М. «Главная книга». История одной библиотеки (с предисловием А. Твардовского) / М. Белкина // Новый мир. – 1966. – №11. – С. 195–224.
7. Бережков В. На рубеже мира и войны. С дипломатической миссией в Берлине (1940-1941) / В. Бережков // Новый мир. – 1965. – №7.
8. Бибик А. Духом укрепим в борьбе / А. Бибик // Новый мир. – 1965. – №12. – С. 139–152.
9. Бланк С., Шинберг Д. По дну Ладоги / С. Бланк, Д. Шинберг // Новый мир. – 1968. – №2. – С. 160–203.
10. Бондарец В. Записки из плена / В. Бондарец // Новый мир. – 1959. – №9.
11. Брыль Я. Из записных книжек / Я. Брыль // Новый мир. – 1968. – №4. – С. 90–109.
12. Виноградская П. Октябрь в Москве / П. Виноградская // Новый мир. – 1966. – №4. – С. 143–186.

13. Виноградская П. Памятные встречи / П. Виноградская // Новый мир. – 1965. – №4. – С. 3–18.
14. Виноградская П. Последний рейс (Воспоминания о Я.М. Свердлове) / П. Виноградская // Новый мир. – 1963. – №8. – С. 208–219.
15. Виткович В. Дороги, встречи, рассказы / В. Виткович // Новый мир. – 1966. – №10. – С. 4–118.
16. Воронский А. Встречи и беседы с Максимом Горьким / А. Воронский // Новый мир. – 1966. – №6. – С. 212–224.
17. Галлай М. В полетах и после полетов. Из записок летчика-испытателя / М. Галлай // Новый мир. – 1965. – №2. – С. 92–143.
18. Галлай М. Испытано в небе. Записки летчика-испытателя / М. Галлай // Новый мир. – 1963. – №4. – С. 50-108; №5. – С. 65–144.
19. Галлай М. Первый бой мы выиграли. Из записок летчика-испытателя / М. Галлай // Новый мир. – 1966. – №9. – С. 3–50.
20. Герасимов Е. Неслучайные встречи / Е. Герасимов // Новый мир. – 1960. – №11.
21. Герасимов Е. Семья Алешиных. Из рассказов о старых товарищах / Е. Герасимов // Новый мир. – 1963. – №9. – С. 7–49.
22. Гладков А. Мейерхольд говорит / А. Гладков // Новый мир. – 1961. – №8. – С. 213–235.
23. Глебов А. Молодой Артем / А. Глебов // Новый мир. – 1963. – №11. – С. 191-196.
24. Горбатов А.В. Годы и войны / А.В. Горбатов // Новый мир. – 1964. – №3. – С. 133–156; №4. – С. 99–138; №5. – С. 106–153.
25. Гоффеншефер В. Два разговора / В. Гоффеншефер // Новый мир. – 1963. – №7. – С. 239–243.
26. Гранин Д. Два лика (Заметки писателя) / Д. Гранин // Новый мир. – 1968. – №2.

27. Дементьев А. На Первом съезде писателей. По страницам стенографического отчета / А. Дементьев // Новый мир. – 1966. – №10. – С. 244–258.
28. Демидов М. Мои армейские товарищи. Страницы давних лет / М. Демидов // Новый мир. – 1969. – №3. – С. 67–119.
29. Дерман А. Воспоминания о В.Г. Короленко / А. Дерман // Новый мир. – 1958. – №7.
30. Дневник Анастасии Васильевны Якушкиной // Новый мир. – 1964. – №12. – С. 138–159.
31. Дневник Нины Костериной // Новый мир. – 1962. – №12. – С. 31–105.
32. Довженко А.П. Из записных книжек / А.П. Довженко // Новый мир. – 1958. – №4.
33. Дорохов А. Молодежь революции / А. Дорохов // Новый мир. – 1968. – №10. – С. 176–210.
34. Дорош Е. Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. 1959 г. / Е. Дорош // Новый мир. – 1964. – №6. – С. 11–83.
35. Дорош Е. Иван Федосеевич уходит на пенсию. Деревенский дневник / Е. Дорош // Новый мир. – 1969. – №1. – С. 3–41.; №2. – С. 6–59.
36. Дорош Е. Книги о наших предках / Е. Дорош // Новый мир. – 1962. – №6. – С. 159–164.
37. Драгунский Д.А. В конце войны / Д.А. Драгунский // Новый мир. – 1968. – №2. – С. 133–159.; №3. – С. 150–180.
38. Драгунский Д. Вспоминаю Ленина / Д.А. Драгунский // Новый мир. – 1970. – № 3.
39. Дубинский И. В строю червонных казаков / И. Дубинский // Новый мир. – 1959. – №2.
40. Дубинский И. Колокол громкого боя / И. Дубинский // Новый мир. – 1967. – №2. – С. 186–198.

41. Емельянов В. О времени, о товарищах, о себе. Записки инженера / В. Емельянов // Новый мир. – 1967. – №1. – С. 5–82; №2. – С. 61–141.
42. Еремеев К.С. Из записок пересыльного / К.С. Еремеев // Новый мир. – 1966. – №12. – С. 199–210.
43. Залыгин С., Троепольский Г. О Валентине Овечкине / С. Залыгин, Г. Троепольский // Новый мир. – 1968. – №9. – С. 31–36.
44. Злинченко К. Ленин и работники печати / К. Злинченко // Новый мир. – 1960. – №4.
45. Зыков И. В лесах Севера / И. Зыков // Новый мир. – 1963. – №12. – С. 3–40.
46. Иванов В. Хмель или Навстречу осенним птицам / В. Иванов // Новый мир. – 1962. – №3. – С. 134–189.
47. Ильф И. Записные книжки. Письма из Америки / И. Ильф // Новый мир. – 1961. – №12.
48. Исаков И. Переводчик (Из воспоминаний о 1917 году) / И. Исаков // Новый мир. – 1967. – №11. – С. 147–159.
49. Исаковский М. На Ельнинской земле / М. Исаковский // Новый мир. – 1969. – №4. – С. 3–68; №5. – С. 61–107; №8. – С. 124–155.
50. Исаакян А. Ованес Туманян (К столетию со дня рождения) / А. Исаакян // Новый мир. – 1969. – №9. – С. 185–192.
51. Каверин В. За рабочим столом / В. Каверин // Новый мир. – 1965. – №9. – С. 151–168.
52. Каверин В. Несколько лет / В. Каверин // Новый мир. – 1966. – №11. – С. 132–158.
53. Каверин В. Собеседник. Заметки о чтении / В. Каверин // Новый мир. – 1969. – №1. – С. 155–169.
54. Каменева Н. Товарищ главковерх (Из воспоминаний о Сергее Сергеевиче Каменеве) / Н. Каменева // Новый мир. – 1969. – №3.

55. Каспрович М. Памятные встречи / М. Каспрович // Новый мир. – 1962. – №4. – С. 173–176.
56. Катаев В. Кубик / В. Катаев // Новый мир. – 1969. – №2. – С. 61–115.
57. Катаев В. Святой колодец / В. Катаев // Новый мир. – 1966. – №5. – С. 3–66.
58. Катаев В. Трава забвенья / В. Катаев // Новый мир. – 1967. – №3. – С. 3–129.
59. Кин Ц. Страницы прошлого / Ц. Кин // Новый мир. – 1969. – №5. – С. 176–197; №6. – С. 177–215.
60. Киселев Л. В Крыму (1919-1920 годы) / Л. Киселев // Новый мир. – 1967. – №8. – С. 179–194.
61. Ковтун А. Севастопольские дневники / А. Ковтун // Новый мир. – 1963. – №8. – С. 75–155.
62. Козинцев Г. Глубокий экран / Г. Козинцев // Новый мир. – 1961. – №3. – С. 141–172.
63. Конашевич В. О себе и своем деле (Записки художника) / В. Конашевич // Новый мир. – 1965. – №9. – С. 12–59; №10. – С. 78–129.
64. Кондратович А. Дневники военных лет / А. Кондратович // Новый мир. – 1968. – №8. – С. 255–258.
65. Кондратович А. Накануне войны / А. Кондратович // Новый мир. – 1965. – №10.
66. Конев И. Сорок пятый год. Страницы воспоминаний / И. Конев // Новый мир. – 1965. – №5. – С. 3–60.; №6. – С. 3–59; №7. – С. 100–142.
67. Коршунов М. Я слушаю детство / М. Коршунов // Новый мир. – 1961. – №5. – С. 100–105.
68. Костерин А. «Слово должно сверкать» / А. Костерин // Новый мир. – 1963. – №11. – С. 203–205.

69. Крелин Ю. Семь дней в неделю (Записки хирурга) / Ю. Крелин // Новый мир. – 1964. – №10. – С.112–145.
70. Крупская Н.К. По градам и вёсям Советской Республики (полтора месяца работы на литературно-агитационном пароходе ВЦИК «Красная звезда») / Н.К. Крупская // Новый мир. – 1960. – №11.
71. Крылов Н.И. В боях за Одессу / Н.И. Крылов // Новый мир. – 1968. – №7. – С. 152–204; №8. – С. 131–200; №9. – С. 121–147.
72. Лавренев Б. 1913-й, 1918-й... / Б. Лавренев // Новый мир. – 1963. – №7. – С. 230–231.
73. Лакшин В. Марк Щеглов (Напоминание об одной судьбе) / В. Лакшин // Новый мир. – 1969. – №5. – С. 198–216.
74. Левин Л. Четыре жизни (к 70-летию со дня рождения П.Г. Антокольского) / Л. Левин // Новый мир. – 1966. – №6. – С. 225–234.
75. Ленин в Октябре // Новый мир. – 1958. – №11.
76. Литвинова А. Встречи и разлуки (Из воспоминаний о М.М. Литвинове) / А. Литвинова // Новый мир. – 1966. – №7. – С. 235–250.
77. Луначарская-Розенель Н. Луначарский-читатель / Н. Луначарская-Розенель // Новый мир. – 1962. – №1. – С. 209–218.
78. Любимов Н. Поэтический факультет (К 70-летию со дня рождения Э. Багрицкого) / Н. Любимов // Новый мир. – 1965. – №11. – С. 201–212.
79. Любимов Д., Цингер А., Поль В. О Л.Н. Толстом / Д. Любимов, А. Цингер, В. Поль // Новый мир. – 1960. – №12.
80. Майский И.М. Бернард Шоу (Встречи и разговоры) / И.М. Майский // Новый мир. – 1961. – №1. – С. 208–223.
81. Майский И.М. Борьба за второй фронт. Из записок посла / И.М. Майский // Новый мир. – 1965. – №6. – С. 168–186; №8. – С. 166–187.
82. Майский И.М. Дни испытаний (Из воспоминаний посла) / И.М. Майский // Новый мир. – 1964. – №12. – С. 160–194.

83. Майский И.М. Из лондонских воспоминаний / И.М. Майский // Новый мир. – 1968. – №4. – С. 195–216; №5. – С. 153–167.
84. Майский И. На социалистическом конгрессе в Копенгагене / И.М. Майский // Новый мир. – 1960. – №4.
85. Майский И.М. Первые шаги посла (Из воспоминаний) / И.М. Майский // Новый мир. – 1962. – №10. – С. 144–193.
86. Маршак С. Дом, увенчанный глобусом / С. Маршак // Новый мир. – 1968. – №9. – С. 157–181.
87. Медников А. Сила и цельность души (Об Эм. Казакевиче) / А. Медников // Новый мир. – 1968. – №8. – С. 234–243.
88. Мельников Н. Один рейс (Из записок корреспондента) / Н. Мельников // Новый мир. – 1965. – №11. – С. 85–109.
89. Мельников Н. Одним человеком меньше. Из записок корреспондента / Н. Мельников // Новый мир. – 1967. – №5. – С. 121–134.
90. Марьенков Е. Огонь на Севере (записки краскома) / Е. Марьенков // Новый мир. – 1966. – №11. – С. 8–81; №12. – С. 3–70.
91. Миненко-Орловская О. Мандат Артема Веселого / О. Миненко-Орловская // Новый мир. – 1963. – №11. – С. 196–199.
92. Минц И.И. Беседы с А.М. Горьким (Крым. Тессели. Декабрь 1935г.) / И.И. Минц // Новый мир. – 1970. – №10.
93. Михайлов Н.Н. Путешествие к себе / Н.Н. Михайлов // Новый мир. – 1967. – №5. – С. 3–21.
94. Михалевич А. Из винницких дневников / А. Михалевич // Новый мир. – 1958. – №6.
95. Морозова О. Одна судьба / О. Морозова // Новый мир. – 1964. – №9. – С. 86–150.
96. Мотовилова С. Минувшее / С. Мотовилова // Новый мир. – 1963. – №12. – С. 75–128.

97. Мунблит Г. Две встречи (Из воспоминаний об А.С. Макаренко / Г. Мунблит // Новый мир. – 1962. – №7. – С. 227–231.
98. Набоков Д. Детские годы в Супруновке. Из семейной хроники. Предисловие Ефима Дороша / Д. Набоков // Новый мир. – 1967. – №11. – С. 68–113.
99. Незнамов П. Там, где жил Маяковский / П. Незнамов // Новый мир. – 1963. – №7. – С. 234–239.
100. Некрасов В. В жизни и в письмах / В. Некрасов // Новый мир. – 1969. – №9. – С. 98–125.
101. Некрасов В. Месяц во Франции / В. Некрасов // Новый мир. – 1965. – №4. – С. 102–163.
102. Некрасов В. Неюбилейное признание (К 70-летию И.С. Соколова-Микитова) / В. Некрасов // Новый мир. – 1962. – №5. – С. 249–252.
103. Некрасов В. По обе стороны океана / В. Некрасов // Новый мир. – 1962. – №11. – С. 112–148; №12. – С. 110–152.
104. Новиков А. В небе Ленинграда / А. Новиков // Новый мир. – 1970. – №2–3.
105. Овечкин В. Невыдуманные очерки / В. Овечкин // Новый мир. – 1968. – №9. – С. 3–7.
106. Орлов И. Жарким летом, из путевых тетрадей / И. Орлов // Новый мир. – 1963. – №6. – С. 53–86.
107. Панова В. Из американских встреч / В. Панова // Новый мир. – 1964. – №7. – С. 95–104.
108. Пантелеев Л. Из Ленинградских записей / Л. Пантелеев // Новый мир. – 1965. – №5. – С. 142–170.
109. Пантелеев Л. О Маршаке / Л. Пантелеев // Новый мир. – 1966. – №10. – С. 133–151.
110. Пантюхов М.О. Из воспоминаний / М.О. Пантюхов // Новый мир. – 1963. – №11. – С. 201–202.

111. Пастернак Б. Люди и положения / Б. Пастернак // Новый мир. – 1967. – №1. – С. 204–236.
112. Паустовский К. Третье свидание / К. Паустовский // Новый мир. – 1963. – №6. – С. 93–116.
113. Побожий А. Мертвая дорога (Из записок инженера-изыскателя) / А. Побожий // Новый мир. – 1964. – №8. – С. 89–182.
114. Подвойский И.И. Он верил в народ / И.И. Подвойский // Новый мир. – 1963. – №11. – С. 199–201.
115. Полевой Б. Нет, это не старость! / Б. Полевой // Новый мир. – 1966. – №1. – С. 274–275.
116. Раневский И. В революционном Петрограде / И. Раневский // Новый мир. – 1967. – №10. – С. 199–223.
117. Рассадин С. Искусство быть самим собой / С. Рассадин // Новый мир. – 1967. – №7. – С. 206–221.
118. Ратманова-Кольцова Е. Путешествие в прожитые годы / Е. Ратманова-Кольцова // Новый мир. – 1961. – №4. – С. 121–129.
119. Ратманова-Кольцова Е. Судьба книги / Е. Ратманова-Кольцова // Новый мир. – 1963. – №5. – С. 185–191.
120. Ржевская Е. Второй эшелон / Е. Ржевская // Новый мир. – 1964. – №6. – С. 160–172.
121. Рудный В. В центре циклона / В. Рудный // Новый мир. – 1962. – №2. – С. 188–210.
122. Рыбачук А. На острове Колгуеве. Из записок художницы / А. Рыбачук // Новый мир. – 1965. – №7. – С. 43–97.
123. Рыленко Н. Ветер времени / Н. Рыленко // Новый мир. – 1963. – №8. – С. 157–169.
124. Свердлова (Новгородцева) К.Т. Яков Михайлович Свердлов / К.Т. Свердлова (Новгородцева) // Новый мир. – 1960. – №6.

125. Семашко Н. Многогранность, целеустремленность Ильича / Н. Семашко // Новый мир. – 1960. – №4.
126. Семин В. В сорок втором. Из воспоминаний / В. Семин // Новый мир. – 1968. – №5. – С. 92–99.
127. Сергеенко А. Встречи с Толстым (К 50-летию со дня смерти Л.Н. Толстого) / А. Сергеенко // Новый мир. – 1960. – №9.
128. Симонов К. Читая Толстого... (К столетию со дня выхода «Войны и мира») / К. Симонов // Новый мир. – 1969. – №12. – С. 162–172.
129. Скворцов-Степанов И.И. Перед Октябрем / И.И. Скворцов-Степанов // Новый мир. – 1970. – №11.
130. Смирнов Н. А.С. Новиков-Прибой среди друзей / Н. Смирнов // Новый мир. – 1967. – №3. – С. 237–252.
131. Смирнов Н. Первые годы «Нового мира» / Н. Смирнов // Новый мир. – 1964. – №7. – С. 185–197.
132. Смолич Ю. Мои сверстники / Ю. Смолич // Новый мир. – 1967. – №11. – С. 182–188.
133. Современники о Маяковском // Новый мир. – 1963. – №7.
134. Соколов-Микитов И. Из записной книжки / И. Соколов-Микитов // Новый мир. – 1967. – №6. – С. 131–133.
135. Соколов-Микитов И. На своей земле. Записи давних лет / И.Соколов-Микитов // Новый мир. – 1962. – №9. – С. 114–126; №10. – С. 48–80.
136. Соколов-Микитов И. У синего моря (Из записок старого охотника) / И. Соколов-Микитов // Новый мир. – 1969. – №7. – С. 81–103.
137. Стародуб С.Ф. Судьба отца / С.Ф. Стародуб // Новый мир. – 1966. – №9. – С. 122–157.
138. Стеклов Ю. Как я бежал из ссылки (Странички из воспоминаний) / Ю. Стеклов // Новый мир. – 1958. – №3.
139. Стрелянов П. На Дону (1917-1918 годы) / П. Стеклянов // Новый мир. – 1967. – №8. – С. 194–205.

140. Субботин В. Весной сорок пятого / В. Субботин // Новый мир. – 1961. – №5. – С. 10–30.
141. Сурков А. Поэты не умирают / А. Сурков // Новый мир. – 1966. – №3. – С. 283–284.
142. Сухомлин В. Гитлеровцы в Париже / В. Сухомлин // Новый мир. – 1965. – №11–12.
143. Твардовский А. Михаилу Васильевичу Исаковскому (К его семидесятилетию) / А. Твардовский // Новый мир. – 1970. – №1.
144. Твардовский А. С Карельского перешейка. Записи 1939–1940 гг. / А. Твардовский // Новый мир. – 1969. – №2. – С. 116–160.
145. Тынянов Ю. Из записных книжек (с предисловием В. Каверина) / Ю. Тынянов // Новый мир. – 1966. – №8. – С. 120–137.
146. Федоров А. Защищая Москву... / А. Федоров // Новый мир. – 1966. – №12. – С. 125–135.
147. Фиш Г. Норд вегр – путь на север / Г. Фиш // Новый мир. – 1962. – №7. – С. 157–167.
148. Флаксерман Ю. Страницы прошлого / Ю. Флаксерман // Новый мир. – 1968. – №11. – С. 208–241.
149. Фофанова М. Как рождался декрет о земле / М. Фофанова // Новый мир. – 1960. – №4.
150. Фролов Ю. В среду, у Павлова (Из воспоминаний) / Ю. Фролов // Новый мир. – 1967. – №4. – С. 186–197.
151. Хикмет Н. В Ташкенте / Н. Хикмет // Новый мир. – 1958. – № 12.
152. Ходасевич В. Встречи / В. Ходасевич // Новый мир. – 1969. – №7. – С. 180–215.
153. Ходасевич В. Таким я знала Горького / В. Ходасевич // Новый мир. – 1968. – №3. – С. 11–66.
154. Цветаева А. Из прошлого / А. Цветаева // Новый мир. – 1966. – №1. – С. 79–133; №2. – С. 98–128.

155. Чернявский В.С. Встречи с Есениным / В.С. Чернявский // Новый мир. – 1965. – №10. – С. 189–201.
156. Черняк Я. В незабываемые дни / Я. Черняк // Новый мир. – 1963. – №7. – С. 231–234.
157. Чуковский К. Куприн / К. Чуковский // Новый мир. – 1962. – №3. – С. 190–210.
158. Чуковский К. Луначарский (Из воспоминаний) / К. Чуковский // Новый мир. – 1959. – №11.
159. Чуковский К. О соразмерности и сообразности / К. Чуковский // Новый мир. – 1961. – №5. – С. 198–223.
160. Чуковский Н.К. Что я помню о Блоке / Н. Чуковский // Новый мир. – 1967. – №2. – С. 229–237.
161. Шаров А. Взрослые и страна детства / А. Шаров // Новый мир. – 1965. – №10. – С. 130–151.
162. Шаров А. Из рассказов о детстве / А. Шаров // Новый мир. – 1967. – №12. – С. 6–21.
163. Шаров А. Языки окружающего мира / А. Шаров // Новый мир. – 1964. – №4. – С. 139–156.
164. Шаров А. Януш Корчак и наши дети / А. Шаров // Новый мир. – 1966. – №10. – С. 152–179.
165. Шверубович В. Люди театра (Из воспоминаний) / В. Шверубович // Новый мир. – 1968. – №1. – С. 121–163; №2. – С. 74–122.
166. Шмелев И. Из прошлого / И. Шмелев // Новый мир. – 1964. – №1. – С. 124–143.
167. Щеглов М. Студенческие тетради. Из литературных заметок / М. Щеглов // Новый мир. – 1963. – №6. – С. 118–157.
168. Эренбург И. Люди, годы, жизнь / И. Эренбург // Новый мир. – 1960. – №№ 8, 9, 10; 1961. – №№ 1, 2, 9, 10, 11; 1962. – № 4, 5, 6; 1963. – №№ 1, 2, 3; 1965. – №№1, 2, 3, 4.

169. Эгеден-Ниссен А. У Ленина в Смольном (К 90-летию со дня рождения В.И. Ленина) / А. Эгеден-Ниссен // Новый мир. – 1960. – №3.
170. Эйсер А. Двенадцатая, интернациональная / А. Эйсер // Новый мир. – 1968. – №6. – С. 70–203.
171. Юзовский Ю. Польский дневник / Ю. Юзовский // Новый мир. – 1966. – №2. – С. 132–197.
172. Ямпольская Е. В те памятные годы (К 90-летию со дня рождения В.И. Ленина) / Е. Ямпольская // Новый мир. – 1960. – №3.
173. Яшин А. Вологодская свадьба / А. Яшин // Новый мир. – 1962. – №12. – С. 3–26.

Список литературы

Художественные произведения, мемуары

1. Вишневский В. [Книга о Ленинграде] / Вс. Вишневский // Знамя. – 1970. – № 12.
2. Галин Б. Борис Горбатов, каким я его знал / Б. Галин // Знамя. – 1964. – №1.
3. Гиллер В. Во имя жизни. Книга вторая / В. Гиллер // Знамя. – 1960. – №№8–9.
4. Гиллер В. Во имя жизни. Книга первая / В. Гиллер // Знамя. – 1956. – №№10–11.
5. Гинзбург Е. Единая, трудовая... / Е. Гинзбург // Юность. – 1965. – №11.
6. Довлатов С.Д. Собрание прозы: В 3 т. / С. Довлатов; худож. А. Флоренский. – СПб.: Лимбус-пресс, 1993. – 416 с.
7. Дымшиц А. Звенья памяти / А. Дымшиц // Знамя. – 1966. – №3, 1967. – №12.
8. Жуков Ю. Путь к Карпатам / Ю. Жуков // Знамя. – 1962. – №№2–4.
9. Жуков Ю. У ворот Москвы. Записки военного корреспондента / Ю. Жуков // Знамя. – 1966. – №№10–12.
10. Зелинский К. Чтение Маяковским поэмы «Владимир Ильич Ленин» в Доме печати / К. Зелинский // Знамя. – 1963. – №4.
11. Инбер В. «Впередсмотрящий» / В. Инбер // Знамя. – 1970. – № 12.
12. Инбер В. Запомним его таким. Поэзия была для него всем (Воспоминания о А. Фадееве и Э. Багрицком) / В. Инбер // Знамя. – 1964. – №2.
13. Каверин В. Вечерний день / В. Каверин. – М.: Советский писатель, 1982. – 560 с.

14. Каверин В. Эпилог (главы из книги) / Каверин В. // Нева. – 1989. – №8. – С. 4-99.
15. Каверин В. Эпилог / В. Каверин. – М.: Вагриус, 2006. – 571 с.
16. Казакевич Э. Из записных книжек / Э. Казакевич // Знамя. – 1967. – №9.
17. Катаев В. Собрание сочинений в 9-ти томах. Том 9 / В. Катаев. – М.: Художественная литература, 1972. – 672 с.
18. Кузнецов А. Бабий Яр / А. Кузнецов // Юность. – 1966. – №№8–10.
19. Левин Ф. В гостях у Асеева / Ф. Левин // Знамя. – 1964. – №5.
20. Луначарская-Розенталь Н.А. Луначарский и Маяковский / Н.А. Луначарская-Розенталь // Юность. – 1962. – №5. Чуковский К. Как я стал писателем // Юность. – 1970. – №1.
21. Майский И.М. Семь номеров (О создании журнала «Звезда») / И.М. Майский // Знамя. – 1965. – №7.
22. Мандельштам Н. Я. Воспоминания / Н.Я. Мандельштам. – М.: Согласие, 1999. – 552 с.
23. Миндлин Э. В двадцатые годы / Э. Миндлин // Знамя. – 1968. – № 1. – С. 218–225.
24. Мунблит Г. Исаак Эммануилович Бабель / Г. Мунблит // Знамя. – 1964. – №8.
25. Никитин Н. Страницы жизни / Н. Никитин // Знамя. – 1968. – № 1. – С. 204–217.
26. Новикова М. Писатель и дальний восток (К 70-летию П.А. Павленко) / М. Новикова // Знамя. – 1969. – №7.
27. Новикова М. Страницы из жизни А.С. Новикова-Прибоя / М. Новикова // Знамя. – 1969. – №1.
28. Пантелеев Л. – Чуковская Л. Переписка (1929–1987) / Л. Пантелеев, Л. Чуковская; предисловие: П. Крючков. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 688 с.

29. Пантелеев Л. Живые памятники: рассказы, путевые заметки, дневники, воспоминания / Л. Пантелеев. – М.; Л.: Советский писатель, 1966. – 494 с.
30. Пастернак Б.Л. Апеллесова черта: Повести / Б.Л. Пастернак. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 288 с.
31. Пастернак Б.Л. Воздушные пути: проза разных лет / Б.Л. Пастернак; вступ. Ст. Д.С. Лихачева; коммент. С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова; рис. Л.О. Пастернака. – М.: Сов. писатель, 1983. – 495 с.
32. Пастернак Б.Л. Детство Люверс: Повести, автобиограф. очерк / Б.Л. Пастернак; предисл. А. Архангельского; коммент. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака; худож. П. Иващенко. – М.: Детская литература, 1991. – 224 с.
33. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. / Б.Л. Пастернак. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2003-2005.
34. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 т. / Б.Л. Пастернак; предисл. Д.С. Лихачева; коммент. Е.Б. Пастернака. – М.: Художественная литература, 1989-1992.
35. Полевой Б. Дорогой товарищ / Б. Полевой // Знамя. – 1958. – №2. – С. 165–177.
36. Ржевская Е. Берлинские страницы / Е. Ржевская // Знамя. – 1965. – №5.
37. Родимцев А. Машенька из Мышеловки / А. Родимцев // Юность. – 1963. – №2.
38. Соболев Л. Готовиться к бою / Л. Соболев // Знамя. – 1969. – №8.
39. Твардовский А.Т. Новомировский дневник: В 2 т. / А.Т. Твардовский. – Москва: ПРОЗАИК, 2009.
40. Твардовский А.Т. Рабочие тетради / А.Т. Твардовский // Знамя. – 2000. – №№ 6, 7, 9, 11, 12; 2001. – № 12; 2002. – №№ 2, 4, 5, 9, 10; 2003. – №№ 8, 9, 10; 2004. – №№ 4, 5, 9, 10, 11; 2005. – № 9, 10.

41. Твардовский А.Т. Родина и чужбина (Страницы записной книжки) / А.Т. Твардовский // Знамя. – 1947. – №№ 11–12.
42. Твардовский А.Т. «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма. 1941–1945 гг. / А.Т. Твардовский. – М.: Вагриус, 2005. – 392 с.
43. Тихонов Н. Страсть / Н. Тихонов // Знамя. – 1959. – №7.
44. Трифонов Ю. Записки соседа / Ю. Трифонов // Дружба народов. – 1989. – №10.
45. Трифонов Ю. Старик; Другая жизнь: роман: повесть / Ю. Трифонов. – М.: Советский писатель, 1980. – 351 с.
46. Филатов В., Аронов А. Медвежий цирк / В. Филатов, А. Аронов // Знамя. – 1960. – №12.
47. Хелемский Я. Вечный подданный поэзии (Уроки Михаила Светлова) / Я. Хелемский // Знамя. – 1966. – №10–12.
48. Хелемский Я. По старым, пылающим адресам / Я. Хелемский // Знамя. – 1969. – №2–3.
49. Чарный М. Маяковский в нашей газете / М. Чарный // Знамя. – 1964. – №5.
50. Чуковская Л.К. «Дневник – большое подспорье...»: (1938–1994) / Л.К. Чуковская. – М.: Время, 2015. – 409 с.
51. Шкловский В. Жили-были / В. Шкловский // Знамя. – 1961. – №№8–11, 1962. – №12, 1963. – №1–2.
52. Шкловский В. Из дневника / В. Шкловский // Знамя. – 1962. – №8.
53. Шкловский В. Павленко в кино / В. Шкловский // Знамя. – 1959. – №7.
54. Шкловский В. Человек с Иртыша. (О Всеволоде Иванове) / В. Шкловский // Знамя. – 1965. – №3.
55. Штейн А. Повесть о том, как возникают сюжеты / А. Штейн // Знамя. – 1964. – №№4–8.

56. Эйзенштейн С.М. Страницы жизни / С.М. Эйзенштейн // Знамя. – 1960. – №№10–11.
57. Экслер И. Время Александра Малышкина / И. Экслер // Знамя. – 1969. – №6.
58. Эренбург И. В 1916 году / И. Эренбург // Огонек. – 1960. – №19. – С. 7-8.
59. Эренбург И. Г. Письма, 1908–1967: В 2 т. / И.Г. Эренбург. – Москва: Аграф, 2004.
60. Эренбург И. Люди, годы, жизнь / И. Эренбург // Огонек. – 1987. – №23. – С. 22-26; №24. – С. 28-31; №25. – С. 22-26.
61. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Книга первая и вторая / И.Г. Эренбург. – М.: Советский писатель, 1961. – 636 с.
62. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Книга пятая и шестая / И.Г. Эренбург. – М.: Советский писатель, 1966. – 752 с.
63. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Книга третья и четвертая / И.Г. Эренбург. – М.: Советский писатель, 1963. – 792 с.
64. Эренбург, И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. / И.Г. Эренбург. – М.: Советский писатель, 1990.
65. Эренбург, И.Г. Люди, годы, жизнь: Избранные фрагменты / И. Эренбург; сост., примеч. Г. Евграфова; предисл. А. Мелихова. – М.: Вагриус, 2006. – 700 с.
66. Эрлих А. Они работали в газете / А. Эрлих // Знамя. – 1958. – №8. – С. 162–190.

Научная и литературно-критическая литература:

67. Александр Трифонович Твардовский. Энциклопедия: Рабочие материалы / Смол. гос. пед. ун-т, каф. лит., теории и методики обучения лит.; ред. совет: Меркин Г. С. (гл. ред.) и др. – Смоленск, 2004. – 456 с.

68. А.Т. Твардовский: исследования и материалы: Сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Ильин, О.А. Новикова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. – Вып. 2. – 256 с.
69. Акаткин В. Дорога и память: О Твардовском / В. Акаткин. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1989.
70. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака / В.Н. Альфонсов. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 366 с.
71. Аннинский Л. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники: К диалектике поколений в русской культуре / Л. Аннинский // Литературное обозрение. – 1991. – №4.
72. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика. Учебник. Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта – Наука, 2006. – 496 с.
73. Баевский В.С. Пастернак-лирик: Основы поэтической системы / В.С. Баевский. – Смоленск: Траст-имаком, 1993. – 240 с.
74. Баевский В.С. Пастернак: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В.С. Баевский – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 112 с.
75. Банк Н. Истоки и обобщения / Н. Банк // Нева. – 1968. – №12. – С. 173-177.
76. Банк Н. Уроки большой жизни. О литературных мемуарах последних лет / Н. Банк // Нева. – 1974. – №11. – С. 183-187.
77. Бахтин М.М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. – СПб: Азбука, 2000. – 304 с.
78. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
79. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу, 1846; Взгляд на русскую литературу, 1847 / В. Г. Белинский; послесл. и примеч. Е.А. Мельниковой. – М.: Гослитиздат, 1955. – 184 с.

80. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. / В.Г. Белинский. – М.: Худож. лит., 1976.
81. Бем А. «Охранная грамота» Бориса Пастернака // Руль. – 1931. – 8 октября. – №3304 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russianresources.lt/archive/Bem/Bem_14.html
82. Бианки Н.П. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире»: Воспоминания / Н. П. Бианки; отв. ред. Г.И. Резниченко. – М.: ВИОЛАНТА, 1999. – 192 с.
83. Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т.Твардовского (1958–1970). – М., 1996. – 440 с.
84. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта – Наука, 2007. – 520 с.
85. Брайна Б.Я. Валентин Катаев: Очерк творчества / Б.Я. Брайна. – М.: Гослитиздат, 1960.
86. Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века (Шмелев, Зайцев, Осоргин). – Ставрополь, 2011.
87. Брусиловская Л.Б. Культура повседневности эпохи «оттепели»: Метаморфозы стиля [Электронный ресурс]: дис. ... канд. культурол. наук / Л.Б. Брусиловская; Рос. Гос. гуманит. ун-т. – Москва, 2000. – 193 с. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/01000282578> (дата обращения 30.01.2016).
88. Буртин Ю. Г. Исповедь шестидесятника / Буртин Ю. Г.; под ред. В.Г. Хороса. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 639 с.
89. Буртин Ю. «Вам из другого поколения...»: к публикации поэмы А. Твардовского «По праву памяти» / Ю. Буртин // Октябрь. – 1987. – № 8. – С.191–202
90. Быков Д. Борис Пастернак / Д. Л. Быков. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 893 с.

91. Быков Д. Семицветик. Валентин Петрович Катаев был лучшим советским писателем [Электронный ресурс] / Д. Быков // интернет-газета «Коммерсант.ру». – 28.05. 2003. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2291852> (дата обращения: 18.03.2016).

92. Быков Л.П. «Толстый журнал» в России – вчера, сегодня, завтра». Доклад на VIII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Литература в контексте современности. Жанровые трансформации в литературе и фольклоре». – Челябинск 10-11 декабря 2015 года.

93. Вайль П., Генис А. Собрание сочинений: В 2 т. / П. Вайль, А. Генис. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

94. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др.; Под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк.; Академия, 1999. – 556 с.

95. Вильмонт Н.Н. О Борисе Пастернаке: воспоминания и мысли / Н.Н. Вильмонт. – М.: Сов. писатель, 1989. – 222 с.

96. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 655 с.

97. Винокур Г. Биография и культура / Г. Винокур. – М.: Государственная Академия художественных наук. Философское отделение. Вып. II., 1927. – 90 с.

98. Волгин И. Защитник достоинства [Электронный ресурс] / И. Волгин. – Режим доступа: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=4853>

99. Воспоминания об А. Твардовском: сборник / сост. М.И. Твардовская. – М.: Советский писатель, 1978. – 488 с.

100. Воспоминания о Борисе Пастернаке / сост., подготовка текстов и коммент. Е. Пастернак и М. Фейнберг. – М.: Слово, 755 с.

101. Галанов Б. Валентин Катаев: Очерк творчества / Б. Галанов. – М., 1982.
102. Галанов Б. Валентин Катаев: Размышления о Мастере и диалоги с ним / Б. Галанов. – М.: Художественная литература, 1989. – 319 с.
103. Галиуллина Д.М. Проблемы изучения мемуаров в отечественной исторической мысли / Д.М. Галиуллина // Ученые записки Казанского Государственного Университета. Серия: Гуманитарные науки. Том 148. Книга 4. – Казань, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-izucheniya-memuarov-v-otchestvennoy-istoricheskoy-mysli>
104. Гаспаров М. Л. Избранные труды: в 3 т. / М.Л. Гаспаров. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 501 с.
105. Гинзбург Л.Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1979. – 223 с.
106. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1971. – 464 с.
107. Гладков А. Мемуары – окна в прошлое // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 122-129.
108. Голубенцов Н. Без хрестоматийного глянца // Вопросы литературы. – №4. – 1974.
109. Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества / В.С. Голубцов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 114 с.
110. Гречнев В. Писатели о писателях (Заметки о мемуарной литературе) // Нева. – 1961. – №8. – С. 190-198.
111. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Терра, 1995.
112. Елизаветина Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров / Г. Елизаветина // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М.: Наука, 1982. – С. 235–263.

113. Елизаветина Г. «Последняя грань в области романа...»: Русская мемуаристика как предмет литературоведческого исследования / Г. Елизаветина // Вопросы литературы. – 1982. – №10. – С. 147–171.
114. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: курс лекций / В. М. Жирмунский; под ред. З.И. Плавскина, В.В. Жирмунской. — Изд. 2-е. — М.: УРСС, [2004]. — 461 с.
115. Иванов Б. Эволюция литературных движений в шестидесятые-семидесятые годы / Б. Иванов // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950-1980-е годы. – СПб.: Деан, 2000. – 175 с.
116. Иванова Н. Борис Пастернак: участь и предназначение. Биографическое эссе / Н. Иванова. – СПб., 2000. – 344 с.
117. Иванова Н. Пастернак и другие / Н. Иванова – М.: ЭКСМО, 2003 – 605 с.
118. Иванова Н. По ту сторону вымысла / Н. Иванова // Знамя. – 2005. – №11. – С. 3-8.
119. Иванова Н. Точность тайн: Поэт и Мастер / Н. Иванова // Знамя. – 2001. – №11. – С. 189-199.
120. Иванова Н. «Собеседник роцц» и вождь: к вопросу об одной рифме / Н. Иванова // Знамя. – 2001. – №10. – С. 186-200.
121. Иванова Н. Счастливый дар Валентина Катаева / Н. Иванова // Знамя. – 1999. – № 11.
122. Ивинская О.В. Годы с Борисом Пастернаком: в плену времени / О.В. Ивинская. – М.: Либрис, 1992. – 464 с.
123. Из писем «по случаю юбилея» в 1970 году // Нева. – 2010. – №10.
124. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин – Ремизов – Шмелев / И.А. Ильин. – Мюнхен: Типография Обители прп. Иова Почаевского в Мюнхене-Оберменцинге, 1959. – 196 с.
125. Ильина Н. Мои продолжительные уроки / Н. Ильина // Огонек. – 1988. – №17.

126. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций / В.В. Кабанов; Ист.-арх. ин-т. – М.: РГГУ, 1997. – 385 с.
127. Каверин В. Письменный стол: воспоминания и размышления / В. Каверин. – М.: Советский писатель, 1985. – 271 с.
128. Каверин В. Проза Пастернака / В. Каверина // Новый мир. – 1983. – №6.
129. Каверин В. Уроки и соблазны / В. Каверина // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 116–121.
130. Кардин В. Коварство жанра / В. Кардин // Новый мир. – 1968. – №9. – С. 257–260.
131. Кардин В. Легенды и факты / В. Кардин // Новый Мир. – 1966. – №2.
132. Кардин В. Сегодня о вчерашнем. Мемуары и современность / В. Кардин. – М., 1961.
133. Кардин В. Только он может рассказать об этом // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 72–80.
134. Колядич Т. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология) [Электронный ресурс]: дисс. ... д-ра филол. наук / Т. Колядич. – Москва, 1999. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/01000225886> (дата обращения: 12.02.2016).
135. Кондратович А. Александр Твардовский: Поэзия и личность / А. Кондратович. – М., 1978.
136. Кондратович А. И. Новомирский дневник, 1967–1970 / А. Кондратович. – Москва: Советский писатель, 1991. – 528 с.
137. Кораблина Ю.Н. Художественная картина мира в мемуарных произведениях В.П. Катаева: дисс. ... канд. филол. наук / Ю.Н. Кораблина; Ростовский гос. педагогич. ун-т. – Сургут, 2006. – 177 с.
138. Кораллов М. Опыт нажитый, опыт осознанный / М. Кораллов // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 46–62.

139. Котова М., Лекманов О. В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В. П. Катаева «Алмазный мой венец» / М. Котова, О. Лекманов. – М.: Аграф, 2004. – 288 с.
140. Крыщук Н. Борис Пастернак. «Охранная грамота» / Н. Крыщук // Первое сентября. – 2009. – №11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ps.1september.ru/view_article.php?ID=200901132
141. Курносоев А.А. Мемуары // Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 16. – М., 1974. – С. 64.
142. Лакшин В. Голоса и лица / В. Я. Лакшин. – М.: Гелеос, 2004. – 608с.
143. Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное. (1953–1964) / В. Я. Лакшин. – М.: Кн. палата, 1991. – 269 с.
144. Лакшин В. Писатель, читатель, критик: Ст. 2 / В. Лакшин // Новый мир. – 1966. – № 8.
145. Лакшин В.Я. Пути журнальные. Пути журнальные: Из литературной полемики 60-х годов / В. Я. Лакшин. – М.: Сов. писатель, 1990. – 432 с.
146. Лакшин В. Три меры времени / В. Лакшин // Новый мир. – 1966. – №3. – С. 221–228.
147. Ланщиков А. Обязанности свидетеля / А. Ланщиков // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 87–95.
148. Левицкий Л. Где же предел субъективности? / Л. Левицкий // Вопросы литературы. – №4. – 1974. – С. 101–115.
149. Левицкий Л. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1962–1978. – Т. 4: Лакшин – Мураново. – 1967. – С. 759–762.
150. Левицкий Л. Утешение цирюльника: Дневник. 1963–1977 / Л. Левицкий. – СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2005. – 424 с.
151. Литература и документ: сборник научных трудов. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. – 176 с.

152. Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений / отв. ред. В.В. Ильин, О.А. Новикова. – Смоленск: Свиток, 2015. – 232 с.
153. Литовская М. А. «Феникс поет перед солнцем»: Феномен Валентина Катаева / М. А. Литовская; Урал. гос. ун-т; Ин-т археол. Урал. отд. Рос. акад. наук; науч. ред. Л. П. Быков. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – 608 с.
154. Лихачев Д.С. Поэтическая проза Бориса Пастернака // Избранные работы: в 3 т. Т. 3. / Д.С. Лихачев. – Л.: Худож. лит., 1987. – С. 359–372.
155. Лихачев Д.С. Борис Леонидович Пастернак / Д.С. Лихачев // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. – М., 1989. – С. 31.
156. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Труды по русской и славянской филологии: литература и публицистика. Проблемы взаимодействия: Ученые записки Вып. 683. – Тарту, 1986. – С. 106–121.
157. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста; статьи и исследования; заметки, рецензии, выступления / Ю.М. Лотман. – СПб: Искусство, 1999. – 848 с.
158. Магомедова Д.М. Филологический анализ лирического стихотворения / Д.М. Магомедова. – М., 2004.
159. Македонов А.В. Творческий путь Твардовского: Дома и дороги / А.В. Македонов. – М., 1981.
160. Малюгин Л. Сочинение с ошибками (Заметки на полях мемуаров А. Штейна) / Л. Малюгин // Новый мир. – 1964. – №12.
161. Масленикова З. Портрет Бориса Пастернака / З. Масленикова. – М.: Присцельс, 1995. – 384 с.
162. Мелихов А. Не забудьте прошлый свет. Эренбург: личность сквозь призму творчества и творчество сквозь призму личности / А. Мелихов // Звезда. – 2006. – №6. – С. 185–196.

163. Мильчина В. Автобиография // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 12.
164. Михайлов О.Н. Об Иване Шмелеве (1873–1950) [Электронный ресурс] / О.Н. Михайлов // Шмелев И. Сочинения: В 2-х т. Т. 1: Повести и рассказы. – М., 1989. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shmelew_i_s/text_0040.shtml
165. Михеев М.Ю. Фактографическая проза, или Пред-текст / М.Ю. Михеев // Человек. – 2004. – №№ 2–3. – С. 45–52.
166. На пороге новых дней. Главный редактор журнала "Новый мир" Андрей Василевский беседует с Юрием Буртиным, Мариэттой Чудаковой и Михаилом Новиковым // Новый мир. 2000. – №1. – С. 181–182.
167. Наркевич А. Автобиография // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1962. – С. 70–71.
168. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие / Н.А. Николина. – Москва: Флинта, 2011. – 424 с.
169. Новикова О.И., Новиков В.И. Зависть: Перечитывая Валентина Катаева / О.И. Новикова, В.И. Новиков // Новый мир. – 1997. – № 1. – С. 219-223.
170. Обязанности свидетеля, права художника (обсуждаем проблемы мемуарной литературы) // Вопросы литературы. – 1974. – №4. – С. 45–46.
171. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917–начало 90-х годов): Учебное пособие / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 208 с.
172. Овсяннико-Куликовский Д. Л.Н. Толстой как художник / Д. Овсяннико-Куликовский. – СПб., 1905.
173. Огрызко В.В. Циник с бандитским шиком: Книга о Валентине Катаеве / В.В. Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2015. – 704 с.

174. Огрызко В.В. Валентин Катаев [Электронный ресурс] / В.В. Огрызко // Литературная Россия. – 07 февраля 2014 г. – Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/archive/item/6887-oldarchive> (дата обращения: 18.03.2016).
175. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
176. От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии: к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: международная научная конференция, Москва, 16-19 ноября 2009 г. / сост., науч. ред. Т.В.Марченко. – Москва: Русский путь, 2011.
177. Осетров Е.И. Человек–песня / Е.И. Осетров. – М., 1979.
178. Оттепель, 1953–1956: страницы русской советской литературы / сост., авт. вступ. ст. С.И. Чупринин. – М.: Московский рабочий, 1989. – 480 с.
179. Оттепель, 1957–1959: страницы русской советской литературы / сост. С.И. Чупринин. – М.: Московский рабочий, 1990. – 430 с.
180. Оттепель, 1960–1962: страницы русской советской литературы / сост. С.И. Чупринин. – М.: Московский рабочий, 1990. – 528 с.
181. Павловский А.И. К характеристике автобиографической прозы русского зарубежья (Бунин, Осоргин, Набоков) / А.И. Павловский // Русская литература. – 1993. – №3.
182. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: материалы для биографии / Е.Б. Пастернак. – М.: Советский писатель, 1989. – 628 с.
183. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: материалы для биографии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/75211p.html> (дата обращения 01.02.2015).
184. Пастернак Е.Б. Нобелевская премия Бориса Пастернака: воспоминания / Е.Б. Пастернак // Новый мир. – 1990. – №2. – С. 191–194.
185. Перхин В.В. Русские литераторы в письмах (1905–1985): исследования и материалы / В.В. Перхин. – СПб, 2004.

186. Поливанов К. В. Маяковский в «Охранной грамоте» и «Людах и положениях» / К. Поливанов // НЛЮ. – 1994. – №7. – С. 225–228.
187. Померанцев В. Об искренности в литературе / В. Померанцев // Новый мир. – 1953. – №12. – С. 218–245.
188. Пospelов Г. Поэзия и проза [Электронный ресурс] / Г. Пospelов // Литературная энциклопедия: в 11 т. – Т. 9. – М. – 1935. – Стб. 197– 203. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le9/le9-1971.html>
189. Право на имя. Биографика XX века: чтения памяти Вениамина Иофе: избранное, 2003–2012: сборник. – Санкт-Петербург: Норма, 2013. – 638 с.
190. Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе Русского Просвещения: дис. ... д-ра филол. наук / Е.Е. Приказчикова; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2010. – 629 с.
191. Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе второй половины XVIII – начала XIX века / Е.Е. Приказчикова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 528 с.
192. Приказчикова Е.Е. Русская мемуаристика XVIII – первой трети XIX века: имена и пути развития: учеб. пособие / Е.Е. Приказчикова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2006. – 384 с.
193. Путилова Е. Л. Пантелеев: Очерк жизни и творчества / Е. Путилова. – Л.: Сов. писатель, 1969.
194. Пятигорский А.М. Избранные труды / А.М. Пятигорский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 590 с.
195. Р. К. [Кулле Р.], Бельчиков Н., Дынник В. Мемуарная литература / Р. Кулле], Н. Бельчиков, В. Дынник // Литературная энциклопедия: В 11 т. – М., 1929–1939. – Т. 7. – М.: ОГИЗ РСФСР, Сов. Энцикл., 1934. – Стб. 131–149.
196. Розов В. Феномен Валентина Катаева / В. Розов // Юность. – 1995. – №6. – С. 2–4.

197. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 10. Ед. хр. №1138: Журнал №9. Каверин В. «За рабочим столом». Из дневника писателя. Маш. с ред. правкой. 1965 год. На 42 л.

198. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 10. Ед. хр. №1295: Журнал №11. Каверин В. «Несколько лет». Дневник писателя. Маш. с ред. правкой. 1966 год. На 57 л.

199. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 10. Ед. хр. №1314: Журнал №1. Пастернак Б. «Люди и положения». Автобиографический очерк. Авт. маш. с правкой. 1967 г. На 106 л.

200. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 9. Ед. хр. №230: Отзывы членов редколлегии на рукописи авторов, отобранные к публикации.

201. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 9. Ед. хр. №339: Отзывы членов редколлегии на рукописи, отобранные к публикации. Фамилии авторов на букву «К». 1969 г.

202. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 8. Ед. хр. №47: Отзывы членов редколлегии на произведения Д. Синявского, И. Эренбурга и др. авторов, отобранные к печати.

203. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 9. Ед. хр. №122: Переписка Б. Закса с Ч. Айтматовым, С.П. Залыгиным, К.А. Фединым, И.Г. Эренбургом и др. авторами о произведениях, присланных в редакцию (2 янв 1964 – 18 дек 1964).

204. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 9. Ед. хр. №58: Переписка А.Т. Твардовского с О.Ф. Берггольц, И.Г. Эренбургом и др. авторами о произведениях, присланных в редакцию.

205. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 9. Ед. хр. №61: Переписка А.И. Кондратовича с читателями о произведениях Е.Я. Драбкиной, И.Г. Эренбурга и др., опубликованных в «Новом мире».

206. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 9. Ед. хр. №78: Переписка А.Т. Твардовского с Э.Г. Казакевичем, К.А. Полонской, И.Г. Эренбургом и др. авторами о произведениях, присланных в редакцию.

207. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 10. Ед. хр. №82: Отзывы читателей о мемуарах И.Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (февраль–март 1963 г.).

208. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 1702. Опись 10. Ед. хр. №631: Письма читателей о книге И.Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (9 января – 20 мая 1961 г). Л. 1–83.

209. Рубашкин А. Илья Эренбург. Путь писателя / А. Рубашкин. – Л.: Советский писатель, 1990. – 528 с.

210. С твердой верой в добро... (А.Т. Твардовский и Н.Я. Мандельштам). Публикация, вступление и комментарий В. А и О. А. Твардовских // Дружба народов. – 2003. – №1.

211. Сарнов Б. Величие и падение мовизма / Б. Сарнов // Октябрь. – 1995. – №3. – С. 174–189.

212. Сарнов Б.М., Гусев В.И., Гринберг И. Дискуссия о «Траве забвения» и «Святом колодце» // Вопросы литературы. – 1968. – № 1.

213. Сарнов Б.Л. Пантелеев. Критико-биографический очерк / Б. Сарнов. – М., 1959.

214. Свирский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления 1946-86 гг. [Электронный ресурс] / Г. Свирский. – Москва, 1998. – Режим доступа: <http://lib.ru/NEWPROZA/SWIRSKIJ/svirsky1.txt> (дата обращения 01.02.2016).

215. Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: Учеб. пособие / Т.Г.Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.

216. Скорино Л. И. Писатель и его время. Жизнь и творчество В. П. Катаева / Л.И. Скорино. – М., 1965.
217. Снигирева Т.А. А.Т. Твардовский. Поэт и его эпоха / Т.А. Снигирева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 384 с.
218. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом / А.И. Солженицын. – Париж, 1975.
219. Суворова Л. Живая старина Ивана Шмелева: Из истории создания «Лета Господня» / Л. Суворова. – М.: Совпадение, 2006. – 303 с.
220. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения / А.Г. Тартаковский; АН СССР, Институт истории СССР. – М.: Наука, 1980. – 311 с.
221. Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. – 1999. – №1.
222. Тартаковский А.Г. Некоторые проблемы доказательности в источниковедении / А.Г. Тартаковский // История СССР. – 1973. – №6. – С. 54-80.
223. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге / А.Г. Тартаковский; Ин-т истории СССР АН СССР. — М.: Наука, 1991. – 286 с.
224. Твардовский А. Достоинство таланта / А. Твардовский // Новый мир. – 1966. – №3. – С. 285–288.
225. Твардовский А. Несколько слов к читателям «Нового мира» / А. Твардовский // Новый мир. – 1961. – №12.
226. Твардовский А. Памяти Ильи Григорьевича Эренбурга / А. Твардовский // Новый мир. – 1967. – №9.
227. Твардовский А. По случаю юбилея / А. Твардовский // Новый мир. – 1965. – №1.
228. Творчество Александра Твардовского: Исследования и материалы / под ред. П.С. Выходцева и Н.А. Грозновой. – Л.: Наука, 1989. – 384 с.

229. Томашевский Б. Литература и биография / Б. Томашевский // Книга и революция. – 1923. – №4.
230. Тун Ф. Субъективность как граница: Цветаева, Ахматова, Пастернак / Ф. Тун // Логос. – 2001. - №3. – С. 102-116 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_3/06_3_2001.htm
231. Тынянов Ю.Н. Литературный факт: Сборник / Ю.Н. Тынянов – М.: Высшая школа, 1993. – 319 с.
232. Ужаревич Й. Одна жизнь – две автобиографии: Проблема «гения» в автобиографической прозе Б. Пастернака / Й. Ужаревич // Автоинтерпретация: сборник статей. – СПб: Санкт-Петербургский Университет, 1998. – С. 167–175.
233. Фатеева Н. Поэт и проза: книга о Пастернаке / Н. Фатеева. – М.: Новое лит. обозр., 2003. – 400с.
234. Филиппов А. Комплекс Катаева [Электронный ресурс] / А. Филиппов // интернет-газета «Свободная пресса». – 12 января 2014 г. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/blogs/article/80390> (дата обращения: 18.03.2016).
235. Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы / Л. Флейшман. – СПб: Академический проект, 2003.
236. Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы / Л. Флейшман The Magnes Press. The Hebrew University. Jérusalem, 1984.
237. Фрайман И. Русские мемуары в историко-типологическом освещении: К постановке проблемы [Электронный ресурс] / И. Фрайман. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html> (дата обращения 02.02.2016).
238. Франк В.С. Водяной знак: поэтическое мировоззрение Пастернака / В.С. Франк // Лит. обозрение. – 1990. – №2. – С. 72 – 77.
239. Фрезинский Б. Илья Эренбург и Николай Бухарин (Взаимоотношения, переписка, мемуары, комментарии) / Б. Фрезинский // Вопросы литературы. – 1999. – №1.

240. Фрезинский Б. Об Илье Эренбурге. Книги, люди, страны: избранные статьи и публикации / Б. Фрезинский. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 904 с.
241. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2004. – 406 с.
242. Хмельницкая Т. Автобиографическая проза Каверина (на книги В. Каверин. «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...») Портреты, письма о литературе, воспоминания. «Советский писатель». М. 1965. – 256 с. / Т. Хмельницкая // Новый мир. – 1967. – №1. – С. 253–256.
243. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям / С. Чупринин. – М.: Время, 2007. – 768 с.
244. Чупринин С. Русская литература сегодня: малая литературная энциклопедия / С.И. Чупринин. – Москва: Время, 2012. – 990 с.
245. Шаргунов С. Валентин Катаев. Главы из книги / С. Шаргунов / С. Шаргунов // Новый мир. – 2016. – №1.
246. Шкловский В. Память и время / В. Шкловский // Новый мир. – 1964. – №12. – С. 201–205.
247. Якобсон Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
248. The Third Purge of Novy MIR. RADIO FREE EUROPE. 7 March 1967 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/63-4-278.pdf>